

ISSN 1817-9568

DISCOURSE-P
Дискурс*Пи
Научный журнал

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILIOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

№ 3-4 (32-33) 2018

IP&L INSTITUTE of
PHILOSOPHY & LAW

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL DEPARTMENT • 1988

**Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук**

DISCOURSE-P
ДИСКУРС*ПИ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
DISCOURSE-P
Дискурс*Пи
Екатеринбург – 2018

**«ДИСКУРС-ПИ»
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
№ 3-4 (32-33) 2018
Декабрь 2018**

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук

Издатель:

Издательский Дом «Дискурс-Пи»
620075, г. Екатеринбург,
ул. Малышева, 76, кв. 8
Тел.: +7 902 870-86-06
e-mail: info@discourse-p.ru
http://www.discourse-p.ru

Свидетельство о регистрации:

ПИ № ФС77-54425 от 10.06.2013 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Подписано в печать 21.12.2018 г.

Формат 70x100^{1/16}
Усл. печ. л. 17,88
Тираж 300 экз.
Заказ № 105991

Отпечатано в типографии «Артикул»

620062, г. Екатеринбург,
ул. Первомайская, 77Ж
Тел: 8 (800) 333-61-20
http://www.artikul.ru

Рукописи рецензируются

Требования к рукописям научных статей,
представляемых для публикации
в научном журнале «Дискурс-Пи»,
размещены в конце выпуска

**Материалы направляйте
в редакцию по адресу:**

620990, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16,
Институт философии и права УрО РАН
Телефон: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru,
dipi@nm.ru

**Все выпуски журнала
размещаются на сайте
www.madipi.ru**

**При перепечатке ссылки на журнал
обязательны**

**Редакция рекомендует авторам
придерживаться стилистики
научного дискурса**

**Подписной индекс 71227
в Объединенном каталоге «Пресса России»**

Цена свободная

ДИСКУРС-ПИ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В.Н. Руденко – член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

ГЛАВНЫЙ ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

О.Ф. Русакова – доктор политических наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Е.Г. Дьякова – доктор политических наук (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия); **С.Г. Зырянов** – доктор политических наук (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Челябинский филиал, Челябинск, Россия); **Е.А. Кожемякин** – доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия); **В.О. Лобовиков** – доктор философских наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия); **В.С. Мартыянов** – кандидат политических наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия); **С.В. Мошкин** – доктор политических наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия); **К.С. Романова** – кандидат философских наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия); **В.М. Русаков** – доктор философских наук, профессор (УрФУ, Екатеринбург, Россия); **Е.М. Олову** – зав. научной библиотекой Института философии и права УрО РАН (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия); **А.Д. Трахтенберг** – кандидат политических наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия); **И.Б. Фан** – доктор политических наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия); **Л.Г. Фишман** – доктор политических наук (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия); **М.В. Гаврилова** – доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

М.В. Ильин – доктор политических наук, профессор (Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия); **А.Д. Королёв** – главный ученый секретарь Российского Философского Общества, кандидат философских наук (Москва, Россия); **М.А. Малышев** – профессор Автономного университета штата Мехико (Толука, Мексика); **О.Ю. Малинова** – доктор философских наук, профессор (Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия); **Л.Н. Синельникова** – доктор филологических наук, профессор (Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), Ялта, Россия); **Е.А. Степанова** – доктор философских наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия); **Л.Н. Тимофеева** – доктор политических наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия); **А.Н. Чумаков** – первый вице-президент Российского Философского Общества, доктор философских наук, профессор (Москва, Россия); **О.К. Шевченко** – кандидат философских наук, доцент (Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), Ялта, Россия); **Пономарёва Е.Г.** – доктор политических наук, профессор (МГИМО МИД России); **Попова О.В.** – доктор политических наук (Санкт-Петербургский гос. университет, Россия)

СЕКРЕТАРИАТ

Е.Г. Грибовод – ответственный секретарь, лаборант-исследователь Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия); **Д.М. Ковба** – секретарь-координатор, кандидат политических наук, младший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия)

06.06.2017 Научный журнал «Дискурс-Пи» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (группы научных специальностей: 23.00.00 Политология, 09.00.00 Философские науки)

Журнал индексируется в базе данных системы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в базу данных «КиберЛенинка»

№ 3 (32)

Тропы метода

М.В. Ильин, И.В. Фомин

Социальная семиотика:
изучение дискурсов и практик социального взаимодействия15

Е.А. Кожемякин

Дискурсивное конструирование национальной идентичности
в новогодних телевизионных обращениях Президента
к гражданам России.....25

Н.Н. Василькова

Политический дискурс:
коммуникативные стратегии регулирования38

И.А. Соболева

Функциональный потенциал иронии в современном медиадискурсе44

Л.И. Шадаева

Когнитивные особенности метафоры
в логическом типе аргументации дискурса А. Линкольна50

Парадигмы и процессы

Е.Г. Пономарева, П.И. Зарытов

Современная Украина:
оценка государственной состоятельности (1991–2016).....57

А.Г. Наронская

Методология исследования социальной динамики
политических элит72

А.О. Наумов

Традиционные и новые медиа как акторы «цветных революций»79

П. Таномсакчай

Конституционная реформа и подъем «Тай Рак Тай»
как новой формы тайской политической партии88

А.М. Боталов

Политический аутизм и политическое делегирование.....94

№ 4 (33)

Тропы метода

В.Ю. Васечко

«Ученый профан» versus сановный иерократ:
к проблеме возможности суверенного эпистемологического дискурса
в политарном обществе 105

С.В. Резник

Дихотомия «насилие-ненасилие» в дискурсе ислама 116

А.В. Скиперских

Провинция как пространство безвластия (наброски русской культуры) 124

П.Н. Кондрашов

Дискурс смерти в эстетике Heavy metal 135

Парадигмы и процессы

В.Н. Руденко

Ассоциация научно-технического сотрудничества России и Китая:
предпосылки создания, правовой статус, цели и задачи 146

Р.С. Мухаметов

Российско-белорусская интеграция:
внутриполитические причины создания 157

А.А. Баков, А.А. Керимов

Регионы в международной деятельности:
факторы развития парадипломатии 164

Д.С. Докучаев

Региональная идентичность в Ивановской области:
конкурирующие дискурсы в политике конструирования
образа территории 173

Е.А. Цуканов

Медиакиллерство как гностическая дискурсивная практика 183

Р.А. Кандыба

Функциональное значение выборов Президента РФ
в современной политической ситуации 192

И.А. Пиле, Т.И. Сурикова

Имплицитная информация в коммерческой рекламе
как ресурс стратегии манипулирования потребителем..... 199

О.В. Кузнецова, Н.С. Смолина

Стратегии «духовного» поиска женщин
(по материалам эмпирического исследования стратегий женщин,
посещавших тренинги спиритуальных центров)..... 208

**«DISCOURSE-P»
SCIENTIFIC JOURNAL
№ 3-4 (32-33) 2018
December 2018**

Published four times a year

Founded by

The Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences

Published by

Publishing House «Discourse-P»
Malysheva Street, 76, apartment 8
Ekaterinburg, 620075, Russia
Phone: +7 (902) 870-86-06
E-mail: info@discourse-p.ru
<http://www.discourse-p.ru>

Mass Media Certificate of Registration:
PI № FS77-54425 from June 10, 2013
given by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media

Passed for printing on December 21, 2018
Format 70x100^{1/16}
Reference sheet area 17,88
Issues - 300
Order № 105991

Printed by Typography «Artikul»
ul. Pervomajskaya 77 Zh
Ekaterinburg, 620062, Russia
Phone: 8 (800) 333-61-20
<http://www.artikul.ru>

Manuscripts are reviewed

The requirements for scientific articles
to be published in the «Discourse-P» scientific journal,
are located at the end of the issue

Mailing address of Editorial Office:

Scientific Journal «Discourse-P»
Institute of Philosophy and Law
ul. S. Kovalevskoy 16
Ekaterinburg, 620990, Russia
Phone: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru;
dipi@nm.ru

**All issues of the journal
are available on the website**
www.madipi.ru

**At a reprint the references to the journal
are obligatory**

**Editorial recommends authors
to adhere to the style
of scientific discourse**

**Subscription index
in the United Catalog «Russian Press» 71227**

Free price

DISCOURSE-P
ДИСКУРС*

EDITOR-IN-CHIEF

V.N. Rudenko – Corresponding Member of RAS, Doctor of Law, Professor (Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

ISSUE CHIEF EDITOR

O.F. Rusakova – Doctor of Political Sciences, Professor (Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

EDITORIAL BOARD

E.G. Dyakova – Doctor of Political Sciences (Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **S.G. Zyryanov** – Doctor of Political Sciences (Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Chelyabinsk branch, Chelyabinsk, Russia); **E.A. Kozhemyakin** – Doctor of Philosophy, Professor (Belgorod State University, Belgorod, Russia); **V.O. Lobovikov** – Doctor of Philosophy, Professor (Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **V.S. Martianov** – Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **S.V. Moshkin** – Doctor of Political Sciences, Professor (Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **K.S. Romanova** – PhD, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **V.M. Rusakov** – Doctor of Philosophy, Professor (UrFU, Ekaterinburg, Russia); **E.M. Olovu** – Head of Scientific Library (Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **A.D. Trachtenberg** – Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **I.B. Fan** – Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **L.G. Fishman** – Doctor of Political Sciences (Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **M.V. Gavrilova** – Doctor of Philology, Professor (St.Petersburg State University of Film and Television, St. Petersburg, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

M.V. Ilyin – Doctor of Political Sciences, Professor (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia); **A.D. Korolyov** – Chief Scientific Secretary of the Russian Philosophical Society, PhD (Moscow, Russia); **Mikhail Malyshev** – Professor of the Autonomous University of Mexico (Toluca, Mexico); **O.Y. Malinova** – Doctor of Philosophy, Professor (Institute of Scientific Information on Social Sciences, Moscow, Russia); **L.N. Sinelnikova** – Doctor of Philology, Professor (V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Humanities and Education Science Academy (Branch), Yalta, Russia); **E.A. Stepanova** – Doctor of Philosophy, Assistant Professor (Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **L.N. Timofeyeva** – Doctor of Political Sciences, Professor (Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia); **A.N. Chumakov** – the first vice-president of the Russian Philosophical Society, Doctor of Philosophy, Professor (Moscow, Russia); **O.K. Shevchenko** – PhD, Associate Professor (V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Humanities and Education Science Academy (Branch), Yalta, Russia); **Ponomarjova E.G.** – Doctor of Political Sciences, Professor (MGIMO, Moscow, Russia); **Popova O.V.** – Doctor of Political Sciences (St Petersburg University, Russia)

SECRETARY

E.G. Gribovod – Executive Secretary, Assistant Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia); **D.M. Kovba** – Secretary Coordinator, Candidate of Political Sciences, Junior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia)

June 6, 2017 the Scientific Journal «Discourse-P» is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications, where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following groups of scientific specialties: 23.00.00 Political science, 09.00.00 Philosophical Sciences

**The journal is abstracted/indexed
in the Russian Science Citation Index (RSCI)**

The journal is included into the «CyberLeninka» database

3 (32)

Tropes of Method

M.V. Ilyin, I.V. Fomin

Social Semiotics:
Study of Discourses and Practices of Social Interaction15

E.A. Kozhemyakin

Discursive Construction of National Identity
in Presidential New Year Televised Addresses
to Russian Citizens25

N.N. Vasilkova

Political Discourse:
Communicative Strategies of Regulation38

I.A. Soboleva

Functional Potential of Irony in Modern Media Discourse44

L.I. Shadaeva

Cognitive Features of the Metaphor
in the Logical Type of Argumentation of A. Lincoln's Discourse50

Paradigms and Processes

E.G. Ponomareva, P.I. Zarytov

The Modern Ukraine:
The Evaluation of State Capability (1991–2016)57

A.G. Naronskaia

A Methodology for Studying the Social Dynamics
of Political Elites72

A.O. Naumov

Traditional and New Media as Actors of Color Revolutions79

P. Thanomsakchai

Constitutional Reform and the Rise of “Thai Rak Thai”
As a New Form of the Thai Political Party88

A.M. Botalov

Political Autism and Political Delegation94

4 (33)

Tropes of Method

V.Y. Vasechko

"The Scientist Layman" Versus the Stately Hierocrat:
The Problem of Possible Sovereign Epistemological Discourse
in Polity Society 105

S.V. Reznik

The Dichotomy of "Violence-Nonviolence" In the Discourse of Islam 116

A.V. Skiperskikh

Province as the Space of Anarchy (Sketches of Russian Culture) 124

P.N. Kondrashov

Discourse of Death in the Aesthetics of Heavy Metal 135

Paradigms and Processes

V.N. Rudenko

Association of Scientific and Technical Cooperation of Russia and China:
Prerequisites for Creation, Legal Status, Goals and Objectives 146

R.S. Mukhametov

Russian-Belarusian Integration:
Internal Political Reasons for Creation 157

A.A. Bakov, A.A. Kerimov

Regions in International Activity:
Factors of Development of the Paradiplomacy 164

D.S. Dokuchaev

Regional Identity in the Ivanovo Region:
Competing Discourses in the Policy of Constructing the Image
of the Territory 173

E.A. Tsukanov

Mediakillerism as a Gnostic Discursive Practice 183

R.A. Kandyba

Functional Meaning of the Elections of President of the Russian Federation
in the Current Political Situation 192

I.A. Pile, T.I. Surikova

Implicit Information in Commercial Advertising
as a Resource of Strategy of Manipulating the Consumer 199

O.V. Kuznetsova, N.S. Smolina

Strategies of the "Spiritual" Search of Women
(Based On Empirical Study of the Strategies of Women
Attending Trainings at Spiritual Centers)..... 208

DISCOURSE-P
Дискурс★Ни
Научный журнал

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILIOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

№ 3 (32) 2018

DISCOURSE-P
ДИСКУРС★НИ

УДК 316.77+81
DOI 10.17506/dipi.2018.32.3.1524

СОЦИАЛЬНАЯ СЕМИОТИКА: ИЗУЧЕНИЕ ДИСКУРСОВ И ПРАКТИК СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ*

Ильин Михаил Васильевич,

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Центр перспективных методологий социально-гуманитарных
исследований ИНИОН РАН,
Москва, Россия,
E-mail: mikhaililyin48@gmail.com

Фомин Иван Владленович,

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Центр перспективных методологий социально-гуманитарных
исследований ИНИОН РАН,
Москва, Россия,
E-mail: fomin.i@gmail.com

Аннотация

В статье дается очерк развития социальной семиотики в течение последних четырех десятилетий. Рассматриваются предмет и дисциплинарные параметры социальной семиотики, а также современные вызовы мультимодальности и междисциплинарности.

Ключевые понятия:

Социальная семиотика, мультимодальность, междисциплинарность, дискурс, социальные практики, социальное взаимодействие.

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект №17-18-01536).

На 2018 год пришлось сразу два важных библиографических юбилея социальной семиотики. Первый связан с выходом в 1978 году книги Майкла Халлидея «Язык как социальная семиотика» (Language as social semiotic) [5]. Второй – с публикацией десятью годами позже книги Боба Ходжа и Гюнтера Кресса «Социальная семиотика» (Social Semiotics) [6]. В своей книге они развили некоторые из идей Халлидея, сделав важные шаги в направлении того, чтобы перейти от изучения «социальной интерпретации языка» к более общим задачам изучения механизмов коммуникации во всем их разнообразии.

Работы Халлидея, Ходжа и Кресса послужили импульсом для формирования семиотики как самостоятельного исследовательского направления, которое при всем разнообразии объектов своего изучения сохраняет достаточно отчетливую общую методологическую установку – изучение интерфейса между способами общения людей и формами их социального взаимодействия.

По ряду общих установок к сфере социальной семиотики близка область исследований, именуемая (критическим) дискурс-анализом, однако фактически между этими направлениями существует довольно отчетливая граница. Если для дискурс-анализа характерен отчетливый крен в сторону изучения лингвистического материала, социальная семиотика целенаправленно стремится к тому, чтобы расширить свой предметный охват и не ограничивать себя изучением одной лишь устной или письменной речи. Благодаря этому социальной семиотике удается поддерживать отчетливую социологическую доминанту, избегая замыкания в поле «лингвистических» подходов.

Впрочем, необоснованным оптимизмом было бы утверждение о том, что интерфейс между семиотическими исследованиями и социальными состоялся в полной мере. Каждый новый шаг к его формированию вместе с тем открывает и новые задачи. В этой статье мы постараемся проследить, как эти шаги совершались, в чем состояла суть совершенных достижений, и какие новые лакуны при таком продвижении возникали.

Социальная интерпретация языка и значения

Книга Майкла Халлидея имела подзаголовок «Социальная интерпретация языка и значения» («The social interpretation of language and meaning»). Что же понимает Халлидей под социальной семиотикой, и как он трактует «социальную интерпретацию языка»? Свою работу Халлидей открывает отчетливой установкой на систематическое рассмотрение языка как социального факта (social fact), а не только как знаковой системы. Тем самым выявляется новый предмет изучения – функциональные и смысловые стороны социальной жизни людей, как они проявляются в человеческом общении и языке. Именно этот предмет изучения Халлидей называет *социальной семиотикой*. Она предстает как соединение знаковой системы и речевой деятельности с социальной системой и практикой. Халлидей подчеркивает, что «язык таков, как он есть, в силу функций, которые он развил, дабы служить людям в их жизни» [5, p. 4].

Язык и вся осмысленная жизнь людей проникнуты тремя метафункциями: мыслительной (ideational) как средства репрезентации мира, межличностной (interpersonal) как средства участия и действия, текстовой (textual)

как операционального средства для производства связных и контекстуально релевантных сообщений.

Комплексный функциональный подход Халлидея строится на различении аналитических типов коммуникативных ситуаций. Это различие позволяет выводить собственно речевую практику в пространство социальной, а затем возвращать ее снова в языковую сферу. Это различие строится на трех основаниях: во-первых, что происходит; во-вторых, кто принимает участие; в-третьих, какую роль играет язык. Эти три переменных, взятые вместе, определяют *регистр* (register) или *диатип*, то есть область значений и средств выражения, определяемых ситуацией.

Сами по себе ситуативные типы, или социальные контексты, имеют, по Халлидею, три измерения: *поле*, *тональность*, *модус* (field, tenor, mode). Под *полем* Майкл Халлидей понимает предметную сферу общения. Это не только тематика собственно речи, но и вся социальная деятельность коммуникантов. *Тональность* касается отношений между участниками общения и характеризует степень их формализованности. Могут учитываться, например, такие показатели, как наличие старшинства и иерархии, степень знакомства, сходство или различие по личностным характеристикам. *Модус* характеризует каналы общения. Например, средства и способы взаимодействия: устные или письменные, подготовленные или спонтанные, с микрофоном и записью или нет и т. д. Три измерения социальной ситуации (*поле*, *тональность*, *модус*) изоморфны трем языковым метафункциям (*мыслительной*, *межличностной* и *текстуальной*, соответственно).

Языковая вариативность трактуется Халлидеем как вариативность относительно говорящего или диалект (dialect) и относительно языка или регистр (register) [5, p. 35]. Различие между диалектом и регистром состоит, по мнению Халлидея, в том, что диалект строится на факторах социального происхождения, пола, возраста и т. п., а регистр – поля, тональности, модуса и т. п.

Ставшее ключевым основанием социальной семиотики признание тесной взаимозависимости между структурами языка и общества фактически равнозначно установлению изоморфизма социальных и языковых структур. Именно этот изоморфизм позволяет делать социальные структуры осмысленными и содержательными, а лингвистические структуры социально действенными. Разумеется, структуры языкового и социального планов совпадают далеко не полностью. Это позволяет каждому из планов сохранять свою специфику. Более того, и в одном, и в другом плане есть немало таких элементов, которые не соотносимы однозначным образом с явлениями противоположного плана.

Суть новации Халлидея и одно из главных его достижений заключается в том, что он трактует язык как широкую социальную практику, а не только как знаковую систему. Ему удалось показать, что язык как явление, и тем самым коммуникационная практика, является не только знаковым – лингвистическим, семиотическим – феноменом, но и социальным. Однако это важное достижение имело существенные ограничения: работа Халлидея была проведена почти исключительно на языковом материале. Он сумел вычленить функции языка и показать, что многие из них социальны, при этом, однако, инсти-

туциональные аспекты фактически остались в тени – оказались прояснены функциональные аспекты языка как социальной семиотики, но не структурные.

Социальная семиотика: дисциплина и предмет

В работе Халлидея термин *социальная семиотика* используется преимущественно для обозначения *предмета* системно-функциональных исследований, а вот в качестве названия особой междисциплинарной области это словосочетание было введено в оборот уже его учениками Робертом Ходжем и Гюнтером Крессом, о которых мы упоминали выше. По-русски это различие передать трудно, но и в самой форме используемых терминов между Халлидеем и его последователями есть расхождения. В заглавии книги Халлидея (*Language as Social Semiotic*) английское слово *semiotic* («семиотика», «семиотический») стоит в единственном числе, поэтому, вероятно, более точным вариантом перевода была бы формула «Язык как социосемиотическое явление». В работе же Ходжа и Кресса (*Social Semiotics*) то же слово употреблено уже во множественном (*semiotics*), что, во-первых, перекликается с английскими названиями некоторых научных дисциплин (*mathematics, economics, physics* и т. п.), а, во-вторых, показывает, что авторы выходят за пределы халлидеевской лингвистической проблематики, фокусируясь не на естественном языке как на одном из семиотических явлений, а предлагая рамку, которая могла бы вписать все этого рода явления (включая, конечно, и язык).

В своей трактовке социальной семиотики Ходж и Кресс переносят акцент на трансфер знаний между дисциплинами и на конвергенцию соответствующих методологических традиций. В поле их зрения пресечение таких областей, как лингвистика и политология, психология и социология, системные и когнитивные исследования, то есть семиотики и социальных наук в целом.

Отправной точкой для рассуждений Ходжа и Кресса во многом послужило марксистское понимание социальной динамики, осмысленное, в том числе, через призму концепций Михаила Бахтина (авторы «Социальной семиотики» ссылаются на Валентина Волошинова), Антонио Грамши и Луи Альтюссера. По этой причине в их категориальном аппарате довольно отчетливо выражен критический аспект социосемиотического анализа.

Для обозначения системы правил, предписывающих, в каких ситуациях какие сообщения должны отправляться (режим производства смыслов) и получаться (режим рецепции смыслов), Кресс и Ходж вводят понятие *логономических систем*. Они тем самым моделируют взаимодействия между социальными группами. В их понимании логономические системы фиксируют информацию о том, какими должны быть условия производства и получения сообщений: кто, при каких обстоятельствах и каким образом какие сообщения может отправлять (или получать) [6, р. 4].

Резонно задать вопрос, к какой сфере принадлежат логономические системы. К социальной, к собственно языковой или к более широкой коммуникативной сфере, если пользоваться привычными и не слишком строгими терминами? К сфере адаптации, целедостижения, интеграции или латентного

поддержания образцов, если обратиться к более строгой парсонсианской терминологии? Однозначный ответ затруднителен в любом случае. Дело в том, что логономические системы являются своего рода связками между различными аналитическими сферами человеческого существования.

Авторы «Социальной семиотики» в своей работе совершают сразу два важных шага в становлении и развитии социальной семиотики как одной из ключевых трансдисциплинарных методологий. Первое их достижение состоит в том, что всё «человеческое» (не только язык) объявляется семиотическим, и именно из этой позиции происходит выстраивание всей новой аналитической рамки. Второе – в том, что разные стороны социальных взаимодействий оказываются представлены как семиотические модусы. Однако, заявляя это, Ходж и Кресс не проходят по начатому пути до конца. Фактически в их работе модусы оказываются редуцированы до привычных коммуникативных практик. А непривычные коммуникативные практики типа властных, хозяйственных и прочих «прямых», как бы и не коммуникативных, взаимодействий фактически выносятся за скобки.

В своих недавних работах Ходж и Кресс намечают новые перспективы развития социальной семиотики, связанные с нынешними вызовами науки и практики [2; 4; 8; 11; 12].

Социальная семиотика сегодня: вызовы мультимодальности

Ходж и Кресс последовательно и решительно выходят за пределы рассмотрения и анализа текстов в узком значении этого термина. Предмет их изучения – дискурсы, куда тексты вплетены наряду с другими символическими образованиями – визуальными, звуковыми, тактильными и т. д. Соединение различных способов или модусов социальной коммуникации становится важной находкой Ходжа и Кресса. Отсюда берет начало важнейшее научное направление, получившее название мультимодальность [3; 4; 8; 9; 10; 13; 14]. Что же это такое? Научный лидер этого направления Гюнтер Кресс утверждает, что использование этого понятия варьируются в широком спектре: от того, что можно было бы охарактеризовать как «позицию здравого смысла» (commonsense positions), к «позиции теории» (theory-based positions) [2, с. 80]. «Позиция здравого смысла» часто проявляется в том, что о мультимодальности рассуждают в логике «добавления». При этом ядром, к которому «добавляются» новые аспекты, обычно выступает лингвистический материал, а весь комплекс других модусов коммуникации оказывается отнесен к области *экстралингвистического*.

При всем разнообразии школ и традиций мультимодального анализа их все можно было бы отнести к *социальной семиотике* в широком значении этого слова. Во всех них одним из главных стержней оказывается проблематика взаимодействия языка и социальной, которая не менее важна для интеграции области мультимодальных исследований. Ведь мультимодальность по большей части интересует исследователей, работающих в этой области, не сама по себе, а именно в контексте вопросов о соотношении социального и коммуникативного.

При этом и понимание социальности существенно расширяется: «Если в лингвистике отправной точкой для мышления или работы выступает «язык», понимаемый как речь или письмо, то в мультимодальности «материальные» ресурсы языка в своей многочисленности и своем разнообразии выходят далеко за пределы речи и письма. Слово *материальные* здесь используется в значении, отсылающем к тем феноменам, которые доступны средствам восприятия, (человеческому) сенсориуму» [2, с. 78].

Подобная трактовка социальности позволяет осуществить существенную новацию в мультимодальных исследованиях за счет разработки комплексного понимания техник и технологий, одновременно коммуникативных и социальных, то есть «социально сконструированных культурных ресурсов, которые участвуют в создании значащих материалов (meaning materials)» [2, с. 79].

Накопленный за три десятилетия опыт междисциплинарных исследований стал мощным потоком, который вышел далеко за пределы русла социальной семиотики. Достаточно упомянуть, помимо мультимодальности, такие заметные научные направления, как биосемиотика и киберсемиотика, меметика, биополитика и т. п. Ключом к дальнейшему прогрессу социальной семиотики и составляющих ее ореол научных начинаний, о которых шла речь, является интенсификация трансфера знаний между соответствующими научными традициями, а также конвергенция их теоретико-методологических установок.

Социальная семиотика завтра: вызовы трандисциплинарного функционализма

Одна из крайне важных задач, связанных с развитием трандисциплинарных взаимодействий социальной семиотики, состоит в том, чтобы обобщить опыт междисциплинарной интеграции трех ведущих потоков функциональных исследований, связанных с социальными и политическими науками, с лингвистикой и с когнитивистикой [1].

Принято считать, что функциональный подход к изучению общественных процессов и явлений стал доминировать в социальных науках в середине прошлого века под маркой структурного функционализма. Он стал кульминацией длительного векового процесса, позволившего поставить предельно общие и фактически универсальные понятия структуры и функции в основу всего теоретико-методологического строя современной социальной науки или даже науки вообще. Всеобщий энтузиазм оправдался далеко не в полной мере и быстро сменился критикой функционализма.

Ключевая теоретико-методологическая проблема заключается в объяснении того, чем аппарат общей теории систем и структурно-функционального анализа не удовлетворил наших коллег полвека назад. За разного рода контекстуальными упреками и даже вымышленными причинами (дефицит критики, динамики и т. п.) кроется вполне отчетливое методологическое неудовлетворение слишком грубым характером инструментария, который не позволяет, как кажется при его прямом использовании, осуществить тон-

кие исследовательские процедуры. Означает ли это, что функционалистский инструментарий не годен в принципе (поспешный вывод, сделанный многими полвека назад) или что он требует наладки, заточки и переделки для более тонкого анализа? Скорее верно второе. Однако просто сказать об этом еще не означает решить проблему. Нужны альтернативы. Где их искать? Одно из направлений поиска заключается в том, чтобы рассмотреть функционалистские по своему характеру исследовательские практики последних полвека, которые были связаны с более узкими и специализированными контекстами изучения иных предметных областей.

Функциональные исследования в языкознании обычно связывают с традициями, заложенными выдающимися лингвистами И. А. Бодуэном де Куртене, Ф. де Соссюром и О. Есперсенем. Своего рода программу лингвистического функционализма сформулировали представители следующего поколения. Это были Р. О. Якобсон, Н. С. Трубецкой и С. О. Карцевский, которые в «Тезисах Пражского лингвистического кружка» (1929) трактовали язык как целенаправленную систему средств выражения. Фактически одновременно выдающийся немецкий психолог К. Бюлер выдвинул идею трех функций языка – экспрессивной, апеллятивной и репрезентативной, посвятив последней большую часть своего замечательного труда «Теория языка».

В свою очередь Р. О. Якобсон выделял шесть основных функций речевой коммуникации. Эти функции ориентированы на различные аспекты речевого акта – на говорящего, воспринимающего его адресата, контакта между ними, ситуацию общения, код и собственно сообщение. Он также выдвинул концепцию «динамической синхронии», которая позволяла связать историческую эволюцию языка и овладение им отдельным человеком через развитие ключевых функций общения.

В нашей стране отдельным большим и очень значительным по полученным результатам стала так называемая функциональная стилистика языка. Создателями этой замечательной традиции стали В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Л. В. Щерба и другие выдающиеся лингвисты. Эта традиция окончательно оформилась в середине 50-х годов после масштабной дискуссии в журнале «Вопросы языкознания». Фактически данное направление на свой лад предвосхищало развитие дискурса-анализа и социальной семиотики.

Таким образом, функциональные исследования осуществлялись в самых разных дисциплинарных традициях. Одновременно отрабатывались различные функционалистские теоретико-методологические принципы с учетом специфики областей знания и предмета изучения. В результате всех этих усилий был накоплен богатейший, но крайне разнородный опыт, который сложно даже обозреть, не говоря уж о том, чтобы свести воедино. И именно в этом плане важно обратить внимание на потенциал социальной семиотики, которая как раз начала формироваться как естественный интерфейс между лингвистикой и социальными науками, отчасти затрагивающий также и сферу когнитивистики.

В нынешних условиях мультимодальность заняла положение ядра в пространстве разнообразных социосемиотических проектов. Сохранит ли она это положение? В ближайшие годы – несомненно. Однако когнитивные

исследования, а также изучение антропогенеза и онтогенеза человека могут составить ей конкуренцию уже очень скоро.

В силу того обстоятельства, что сам Майкл Халлидей и его ученики были лингвистами, развитие дальнейших исследований в рамках социальной семиотики привело к тому, что отклонения от изоморфизма социальных и языковых планов рассматривали преимущественно как бы в перспективе взгляда изнутри языка. Возникающая асимметрия была вполне оправдана теми исследовательскими вопросами, которые ставились в социосемиотике, и не создавала существенных методологических проблем. Однако данная асимметрия если и не исключала, то значительно ограничивала возможности анализа от социальных институтов и явлений к их коммуникативным и символическим соответствиям. Тут существует громадный резерв и поле для мощнейшего развития социальных в целом и отдельных дисциплин в особенности.

Можно и нужно развернуть асимметрию и взглянуть в противоположном направлении – в перспективе взгляда изнутри социальных структур вовне, в знаковые системы. Это само по себе было бы крайне значимой новацией. Ее можно было бы усилить за счет комбинирования перспектив изнутри / вовне в их различных версиях и вариантах. Это потребовало бы усвоения непривычного, но крайне выигрышного методологического потенциала, выработки нового исследовательского языка или языков.

1. Гаврилова М.В. Социальная семиотика: опыт систематизации терминологической системы // Политическая наука. – М., 2016. – № 3. – С. 101–117.
2. Кресс Г. Социальная семиотика и вызовы мультимодальности // Политическая наука. – М., 2016. – № 3. – С. 77–100.
3. Bateman, John. *Multimodality and genre: A foundation for the systematic analysis of multimodal documents*. Springer, 2008.
4. Bezemer J., Kress G. *Multimodality, learning and communication: A social semiotic frame*. – Routledge, 2015. – 170 p.
5. Halliday M. A. K. *Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning*. – L.: Edward Arnold, 1978. – 256 p.
6. Hodge R., Kress G. *Social semiotics*. – Cambridge: Polity press, 1988. – 285 p.
7. Hodge R. *Social semiotics for a Complex World*. – Cambridge: Polity press, 2017. – 258 p.
8. Holsanova, J. (2012). New methods for studying visual communication and multimodal integration. *Visual Communication* 11, 251–257.
9. *Introducing Multimodality* / Carey Jewitt, Jeff Bezemer and Kay O'Halloran. – L., Routledge, 2016. – 220 p.
10. Kress G., Van Leeuwen T.V. *Multimodal discourse: The modes and media of contemporary communication*. – L.: Edward Arnold. 2001.
11. Kress, Gunther. *Multimodality: A social semiotic approach to contemporary communication*. – Routledge, 2009. – 232 p.
12. Kress, Gunther. "Multimodal discourse analysis." *The Routledge handbook of discourse analysis*. Routledge, 2013. 61–76.

13. O'Halloran, Kay L. "Multimodal discourse analysis." *Companion to discourse* (2011): 120–137.
14. O'Halloran, Kay, ed. *Multimodal discourse analysis: Systemic functional perspectives*. A&C Black, 2004.
15. Scollon, R., & Wong Scollon, S. (2003). *Discourses in Place: Language in the Material World*. London: Routledge.

References

1. Gavrilova M.V. Social'naya semiotika: opyt sistematizacii terminologicheskoy sistemy // *Politicheskaya nauka*. – M., 2016. – № 3. – S. 101–117.
2. Kress G. Social'naya semiotika i vyzovy mul'timodal'nosti // *Politicheskaya nauka*. – M., 2016. – № 3. – S. 77–100.
3. Bateman, John. *Multimodality and genre: A foundation for the systematic analysis of multimodal documents*. Springer, 2008.
4. Bezemer J., Kress G. *Multimodality, learning and communication: A social semiotic frame*. – Routledge, 2015. – 170 p.
5. Halliday M. A. K. *Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning*. – L.: Edward Arnold, 1978. – 256 p.
6. Hodge R., Kress G. *Social semiotics*. – Cambridge: Polity press, 1988. – 285 p.
7. Hodge R. *Social semiotics for a Complex World*. – Cambridge: Polity press, 2017. – 258 p.
8. Holsanova, J. (2012). New methods for studying visual communication and multimodal integration. *Visual Communication* 11, 251–257.
9. *Introducing Multimodality* / Carey Jewitt, Jeff Bezemer and Kay O'Halloran. – L., Routledge, 2016. – 220 p.
10. Kress G., Van Leeuwen T.V. *Multimodal discourse: The modes and media of contemporary communication*. – L.: Edward Arnold. 2001.
11. Kress, Gunther. *Multimodality: A social semiotic approach to contemporary communication*. – Routledge, 2009. – 232 p.
12. Kress, Gunther. "Multimodal discourse analysis." *The Routledge handbook of discourse analysis*. Routledge, 2013. 61–76.
13. O'Halloran, Kay L. "Multimodal discourse analysis." *Companion to discourse* (2011): 120–137.
14. O'Halloran, Kay, ed. *Multimodal discourse analysis: Systemic functional perspectives*. A&C Black, 2004.
15. Scollon, R., & Wong Scollon, S. (2003). *Discourses in Place: Language in the Material World*. London: Routledge.

UDC 316.77+81

DOI 10.17506/dipi.2018.32.3.1524

SOCIAL SEMIOTICS: STUDY OF DISCOURSES AND PRACTICES OF SOCIAL INTERACTION

Iyin Mikhail Vasilyevich,

National Research University Higher School of Economics,
Center for Advanced Methods of INION RAS,
Moscow, Russia,
E-mail: mikhaililyin48@gmail.com

Fomin Ivan Vladlenovich,

National Research University Higher School of Economics
Center for Advanced Methods of INION RAS,
Moscow, Russia,
E-mail: fomin.i@gmail.com

Annotation

The article presents a review of the development of social semiotics in the four recent decades of its existence. It focuses on its subject matter and disciplinary dimensions as well as on current challenges of multimodality and multidisciplinary.

Key concepts:

social semiotics, multimodality, multidisciplinary, discourse, social practices, social interactions.

УДК 81.27

DOI 10.17506/dipi.2018.32.3.2537

ДИСКУРСИВНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В НОВОГОДНИХ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ОБРАЩЕНИЯХ ПРЕЗИДЕНТА К ГРАЖДАНМ РОССИИ

Кожемякин Евгений Александрович,

Белгородский государственный
национальный исследовательский университет,
заведующий кафедрой коммуникативистики,
рекламы и связей с общественностью,
доктор философских наук, доцент,
Белгород, Россия,
E-mail: kozhemyakin@bsu.edu.ru

Аннотация

Новогоднее телеобращение Президента относится к жанру политического дискурса, в котором происходит конструирование национальной идентичности. На лексическом уровне обращений Президента национальная идентичность представлена преимущественно категорией граждане России, которая репрезентируется в номинациях мы, люди, граждане, народ. С помощью корпусного дискурс-анализа была определена частота использования и языковые контексты этих номинаций. Номинация мы является наиболее частотной в новогодних телеобращениях и конструируется в субъектных, агентивных, интегративных характеристиках. Номинация люди моделируется в социально-экономических и социально-психологических категориях; номинация граждане становится предметом социально-экономической и политической категоризации; номинация народ относится адресантом к политическим и историческим категориям. Таким образом, национальная идентичность россиян моделируется преимущественно в социально-экономических и политических категориях.

Ключевые понятия:

дискурсивное конструирование, национальная идентичность, новогоднее телеобращение, политический дискурс.

Национальная идентичность и политический дискурс: концептуальные связи

Национальная идентичность традиционно является на протяжении многих десятилетий объектом активного исследовательского интереса в социально-гуманитарных науках. Теоретические интерпретации этого феномена варьируются от эссенциалистских (примордиалистских) подходов [1; 8] до прагматико-инструменталистских теорий идентичности [14]. В данной статье мы обратимся к эвристическому потенциалу социально-конструктивистского подхода к анализу национальной идентичности как наиболее гибкому в отношении сущностных признаков изучаемого явления.

Аналитический по своей сути конструктивистский подход к национальной идентичности позволяет описать её не как онтологический объект, а как продукт дискурсивно-коммуникативных практик. С конструктивистской точки зрения национальная идентичность есть не что иное, как продукт дискурсивных практик, устойчивых, систематически повторяющихся речемыслительных операций, в ходе которых (вос)производятся смысловые структуры национальности [17]. Идентичность с конструктивистской точки зрения не «дана», а «делается» [2].

Идентичность конструируется индивидами вместе в совместной деятельности [6; 9; 11]. При этом важно отметить, что совместная деятельность – это не только совокупность некоторых операций, поведенческих паттернов и действий, но и система речевых паттернов, дискурсивных схем [12], определяющих, оформляющих и семантически структурирующих принадлежность к нации. Одним из важных элементов этого – дискурсивного – пласта национальной идентичности является *нарратив, история* как «алгоритм» рассказывания о своей идентичности (происхождение, биография, самоназвание, самоописание, а также номинации, описания и оценки других, т. е. тех, кто не относится к определенной нации). Иными словами, *идентичность – это образ собственной принадлежности к нации, конструируемый в совместной практической деятельности, в частности, в дискурсивной практике*. В определенном смысле национальная идентичность – это дискурсивная идентичность, поскольку определение себя в аспекте нации может быть выражено, зафиксировано и определено исключительно посредством речевых маркеров.

Уточним, что дискурсивная практика понимается нами как «место» борьбы за смыслы, интерпретации, определения и, в конечном итоге, картину мира и мировоззрение. Публичный «разговор о нации» и репрезентация национальных феноменов, с точки зрения дискурс-анализа, есть не что иное, как символическая борьба за определение и переопределение принципов общности, а значит – принципов легитимации общественного порядка, распределения ресурсов и т. п. [7; 10].

Как писал Стюарт Холл, «национальная культура представляет собой *дискурс* – способ конструирования значений, который определяет и организует как действия индивидов, так и наши представления о нас самих... Национальные культуры конструируют идентичности путём производства значений «нации», с которой мы себя *идентифицируем*; эти значения заключены в рассказах (stories) о ней, коллективной памяти, которая связывает прошлое нации с её настоящим, и в образах, которые сформированы из них» [13, с. 613].

Уточним, что подобные идентификационные схемы предполагают не спонтанный рассказ о нации и своей принадлежности к ней, а определенным образом организованную дискурсивную практику, которая имеет свои *дискурсивные (системообразующие) узлы*.

Во-первых, это *номинации*, фиксирующие семиотический статус национальной принадлежности: самоназвания, институциональные номинации, а также таксоны, уточняющие и типологизирующие номинативные категории (например, номинация «американцы» может включать в себя таксономические субкатегории «нью-йоркец», «южанин», «калифорниец» и т. п. или – в другом дискурсивном «режиме» – субкатегории «wasps», «hispanics», «afroamericans» и т. д.).

Во-вторых, это *исторический нарратив*, в котором предъясняется / описывается происхождение, официальная хронология, ключевые события в истории нации. В качестве необходимых конструирующих эпистемических ресурсов выступают категории *прошлого, настоящего и будущего*. Поскольку идентичность как динамичный, а не статичный конструкт реализуется в темпоральности.

В-третьих, это использование *категорий «мы» – «они» («свои» – «чужие»)*. В речи происходит дифференциация своих и чужих, дискурсивное различие своей группы и тех, кто в нее не входит. Иными словами, в дискурсивной практике происходит *конструирование национальных различий*. При этом категория «мы» наделяется, чаще всего, позитивными характеристиками, часто персонафицированными признаками (например, смелость, щедрость, гостеприимство, доброта и т. п.).

В-четвертых, это *образы культуры и территории*, с которыми ассоциируются или к которым относятся идентичности. В дискурсивной практике происходит конструирование культурно-территориальных образов нации. Эти образы, как правило, включают в себя репрезентации языка, культуры, искусства, науки, технологий, повседневной жизни и привычек, кухни и спорта, а также природы, населенных пунктов, географических особенностей, масштаба территории и т. д.

В-пятых, дискурсивное конструирование национальной идентичности предполагает обращение к *социально-политическим аспектам* национального сообщества. В дискурсе репрезентируются особенности политической системы, социального устройства государства, социально-политических проблем и перспектив.

Эти «дискурсивные узлы» участвуют в реализации функций конструирования национальной идентичности, которое имеет различные формы и средства: от музеев и «институционализированной» народной культуры до публичных политических обращений и комментариев в социальных сетях.

Далее мы обратимся к распространенному и важному в политическом смысле жанру политического дискурса: *новогоднему телеобращению Президента страны к гражданам*. Этот жанр рассматривается нами, с одной стороны, как типический для всего жанрового разнообразия политического дискурса, поскольку определяет тематическую и концептуальную структуру для политических текстов других жанров в силу своего властного статуса, и, с другой стороны, как массовый, вовлекающий широкую аудиторию – как элиты, так и обычных граждан. Роль этого жанра, скорее, ритуальная: политик таким образом фиксирует смысловую структуру, проводит «инвентаризацию» базисных национальных концептов, резюмирует общественные дискуссии,

артикулирует ключевые дискурсивные формулы, которые впоследствии могут быть использованы для «строительства» все новых и новых текстов о национальной идентичности.

В этом контексте мы обратились не к кейсам как наиболее ярким или типичным примерам реализации этого политического жанра, а к корпусу всех текстов данного рода.

Национальная идентичность в новогодних телеобращениях Президента РФ

Прежде чем мы обратимся к обсуждению результатов корпусного дискурс-анализа новогодних телеобращений Президента, кратко опишем общий социокультурный контекст применения этого жанра политического дискурса.

Как было отмечено нами ранее [16], новогодние телеобращения к гражданам были интегральной частью системы отечественного ритуализированного политического дискурса – сначала в СССР, а затем в Российской Федерации. По мнению Н.В. Кондратенко, жанр новогоднего телеобращения институционально относится к политическому дискурсу, а его ритуальный характер основывается на принципах текстовой, темпоральной и событийной локализации [3]. Для большинства россиян Новый год и его празднование относится к базисным культурным практикам, интегрированным в «ткань» повседневной жизни. Празднованию Нового года предшествует ряд приготовлений, особой организации семейной и личной жизни, а сам момент праздника представляет собой, в том числе, важное семейное событие, маркированное не только культурными, но и экзистенциальными смыслами. Члены семьи собираются за праздничным столом, дарят друг другу подарки, делятся пожеланиями и загадывают желания на следующий год. Практика встречи Нового года включает в себя ряд других «маленьких» ритуалов: «проводы старого года», открытие шампанского в момент боя курантов, пожелания и т. п. Праздник переживается индивидами как своего рода момент перехода от прошлого к будущему.

Политический аспект праздника представлен телеобращением Президента страны к гражданам. Большинство празднующих Новый год включают телевизор и следят за речью Президента. Её предваряет торжественная музыка и сопровождается демонстрация праздничных и государственных атрибутов. Телеобращение в таком контексте является важным элементом празднования Нового года как культурной, социальной и экзистенциальной практики индивидов. В тот момент, когда Президент произносит речь, многие индивиды молча, стоя с бокалом шампанского в руке, вспоминают свой «личный» уходящий год и строят планы на будущее. Этот момент можно трактовать как момент символического единения семьи, Президента и нации. В этой связи новогоднее поздравление Президента рассматривается как эффективное средство формирования и поддержки политических смыслов и в том числе – конструирования национальной идентичности.

С целью определения основных дискурсивных элементов и средств конструирования национальной идентичности нами был сформирован корпус текстов, в который вошли все новогодние обращения Президентов Российской Федерации с 2000 по 2018 годы. Тексты взяты с официального сайта Президента РФ. Для обработки корпуса, поиска ключевых слов (лемм), кластеров (n-грамм) и кон-

кордансов, включающих в себя основные языковые маркеры национальной идентичности, была использована программа AntConc.

Концептуальная структура новогоднего телеобращения Президента представлена последовательностью следующих элементов: обращение; поздравление; высказывания о достижениях государства и/или о ключевых событиях уходящего года; обращение к семейному и эмоционально-личностному контексту праздника; обращение к государственному и национальному контексту праздника; пожелания и поздравление.

В результате обработки корпуса телеобращений были выявлены наиболее частотные существительные, включая местоимения-существительные (таблица 1).

Таблица 1 – Наиболее частотные существительные в новогодних обращениях Президента

№ пп	Наиболее частотные существительные	Частота в корпусе
1	Мы (нас, нам)	181
2	Год (года, годом, году)	137
3	Россия (России, Россией, Россию)	61
4	Вы (вас, вам)	48
5	Я (мне, мной)	42
6	Друзья (друзей)	42
7	Страна (стране, страной, страну)	20
8	Люди (людей, людям, людьми, людях)	20
9	Они (их, им)	17
10	Праздник (праздника, праздником)	17

Результаты показывают специфику корпуса телеобращений Президента: контекстуальный характер коммуникативной ситуации (обращение представителя высшей власти к гражданам страны по поводу Нового года и праздничный контекст ситуаций) выражается в частотном использовании слов *страна*, *Россия*, *праздник*.

Нация как «мы»

Важным является то, что местоимение *мы*, достаточно частотное в русском языке, является наиболее частотной и в дискурсе новогоднего телеобращения. Это подтверждает известную гипотезу о коммуникативной прагматике этого жанра политического дискурса (см., например: [3; 4]): обращаясь к гражданам посредством телевидения, Президент осуществляет символическое конструирование национальной общности, интеграцию адресантов в институционально-дискурсивное пространство. На это указывает также наиболее частотный конкорданс со словом *мы*: *вместе* (9 случаев). Показательно, что значение суммы лемм *я* и *вы* не превышает значения частотности леммы *мы*: в этом проявляется интегрирующая, а не дифференцирующая функция новогоднего обращения (таблица 2).

Таблица 2 – Наиболее частотные местоимения в новогодних обращениях

№ пп	Наиболее частотные местоимения	Частота в корпусе
1	Мы (нас, нам, наш) («нас», «наш», «нам»)	181
2	Вы (вас, ваш, вам)	48
3	Я (мне, мой, меня)	42
4	они (их, им, ими)	17

Местоимение *они* также присутствует среди наиболее частотных элементов корпуса. Конкордансы местоимения *они* (в порядке убывания частоты): *дети, праздники, родители, планы, перемены, радости и потери, жители Крыма и Севастополя* и некоторые другие. Очевидно, что местоимение *они*, которое часто используется в политическом дискурсе в качестве идеологического противопоставления местоимению *мы*, в этом жанре используется в качестве позитивного идентификационного маркера («они» – это тоже «мы»).

Наиболее частотные п-граммы со словом *мы*: *вместе, друзья, год, новый, наши*; самые частотные конкордансы: *мы вместе, мы будем, мы вспоминаем, мы делаем, мы думаем*. Данные конкордансы и кластеры указывают на интегрирующий, проективный, рефлексивный и акциональный характер высказываний Президента.

Наиболее частотные п-граммы со словом *я*: *не, хочу, вас, России*; самые частотные конкордансы: *я хочу, я желаю, я всегда*.

Наиболее частотные п-граммы со словом *вы*: *счастье, счастливы, заслужили, я*; самые частотные конкордансы: *вы были, вы заслужили*.

Очевиден дисбаланс в темпоральном моделировании адресанта адресатов: адресант моделируется в настоящем, тогда как адресаты – преимущественно в прошлом. При этом моделирование интегративного пространства «я» + «вы» (т. е. «мы») происходит в настоящем (*мы вспоминаем, мы делаем, мы думаем*), то есть, в соответствии с речевым позиционированием говорящего.

Наиболее частотные п-граммы в корпусе, выражающие адресацию: *дорогие друзья, граждане России, уважаемые граждане*. Такое распределение значений указывает на межличностный, интимный, но в то же время дистанцированный характер обращений к аудитории.

Собственно *номинации национальной идентичности* представлены в корпусе следующим образом (таблица 3).

Таблица 3 – Номинации национальной идентичности

№ пп	Номинация	Частота в корпусе
1	люди	20
2	граждане России	19
3	народ	10
4	россияне	4
5	соотечественники	1

Очевидно, что наделение значениями национальной принадлежности номинаций *люди*, *соотечественники* и *народ* осуществляется в коммуникативно-речевых контекстах их употребления, в частности, в ситуации обращения Президента России к гражданам, которые контекстуально интерпретируют эти номинации как маркирующие их самих в отношении к российской нации; в то же время номинации *россияне* и *граждане России* являются внеконтекстуальными. Однако далее мы не будем акцентировать внимание на этом различии, имея в виду, что коммуникативный контекст новогоднего телеобращения позволяет адресатам воспринимать все указанные номинации как равнозначно указывающие на национальную принадлежность.

Рассмотрим подробнее три наиболее частотные номинации: *люди*, *граждане России* и *народ*.

Нация как «люди»

Номинации нации как общности людей репрезентированы в тексте следующим образом (таблица 4).

Таблица 4 – Номинации нации как общности людей

№ пп	Номинация	Частота в корпусе
1	Люди	7
2	Самые дорогие и близкие люди (семейно-родственные коннотации)	7
3	Люди нашей страны / люди в нашей стране	2
4	Люди старшего поколения	2
5	Наши люди	1
6	Молодые люди	1

Наиболее частотные n-граммы со словом *люди*: *старшего поколения*, *страна*, *близкие*, *верили*, *обеспечение*. Наиболее частотные конкордансы: *самые родные люди*, *самые близкие люди*, *люди старшего поколения*, *улучшение жизни людей*.

Очевидно, что категория *люди* реализуется преимущественно в контексте *семейно-родственных* и *патерналистских* отношений: согласно речевой практике этого типа политического дискурса *люди* трактуются как скорее персонализированные индивиды, главным образом, родители, а также те, кто требует помощи, особого отношения, и которые при этом выступают в качестве скорее объекта, а не субъекта действия.

Об объектном, но при этом положительно маркированном характере концепта *люди* свидетельствуют более частотные языковые конструкции, выражающие не агентивность, а адресатность (*поздравим людей*, *возможности для людей*, *улучшить жизнь людей*, *разделить чувства с людьми*, *сделать так, чтобы людям жилось чуточку лучше* и т. п.).

Объектный характер этого концепта проявляется также и в том, как он тематизируется в новогодних телеобращениях. Выделим несколько *тематических блоков*, связанных с употреблением слова *люди*:

– забота, помощь и внимание к близким людям (*мы всегда стараемся быть рядом с близкими и дорогими нам людьми; современные технологии позволяют разделить наши чувства с дорогими людьми; сегодня мы думаем о самых близких людях, о наших родителях; государство обязано и будет поддерживать и помогать людям старшего поколения*);

– улучшение жизни людей (*удалось пусть немного, но всё-таки улучшить жизнь людей; нам многое предстоит сделать: в экономике, в улучшении жизни людей; что нужно сделать, чтобы людям хотя бы чуточку, хотя бы немного жилось легче и лучше; раскрытие возможностей каждого, улучшение жизни людей – это главная задача*);

– надежды и возможности людей (*мы видим, как... открываются новые возможности для людей; люди в нашей стране уверенней смотрят в будущее; эти минуты всегда объединяют людей <...>, потому что каждый <...> надеется <...> на лучшее; с какой надеждой и верой люди проголосовали на выборах*).

Можно резюмировать, что результатом тематизации категории *люди* является преимущественно его *социально-экономическая* (улучшение жизни) и *социально-психологическая категоризация* (забота, помощь и внимание, а также надежды и возможности): люди – это те, экономическое положение которых должно вызывать заботу, и кто требует персонализированного, особого внимания и отношения.

Нация как «граждане»

Номинации нации как общности граждан представлены в текстах телеобращений следующим образом (таблица 5).

Таблица 5 – Номинации нации как граждан

№ пп	Номинация	Частота в корпусе
1	Граждане России	14
2	Граждане нашей страны	2
3	Наши граждане	2
4	Граждане	1

Наиболее частотные n-граммы со словом *граждане*: *Россия, страна, уважаемые, дорогие, убеждён, друзья*. Наиболее частотные конкордансы с леммой *граждане*: *наши граждане, все граждане, жизнь граждан*.

Категория *граждане*, в отличие от категории *люди*, реализуется в новгодних телеобращениях в *государственном* и *социальном* контекстах. Примечательно, что именно эта номинация используется в качестве обращения (*уважаемые граждане; именно вам, её гражданам*), что, с одной стороны, определяется культурно-речевыми конвенциями (принятой формой обращения является именно эта, а не *уважаемый народ* или *уважаемые люди*), но с другой стороны, имеет смысловой эффект наделения индивида как объекта адресации государственными и социально-экономическими характеристиками. В известной степени институционализированный характер обращения *уважаемые граждане*

смягчается за счёт следующего за ним обращением *дорогие друзья*, что объясняется праздничной, семейно-приватной, личностно-значимой атмосферой коммуникативной ситуации и придаёт коммуникативному контакту с Президентом более неформальный и даже интимный тон.

Тематизация нации как граждан подразумевает выделение следующих тематических блоков:

- интересы граждан и их защита (*мы будем <...> в самом широком смысле защищать интересы наших граждан*);
- трудовая деятельность граждан (*немало наших граждан, в том числе и вдали от родного дома, обеспечивают безопасность России, работают на предприятиях и дежурят в больницах, ведут поезда и самолёты*);
- жизнь граждан, благополучие граждан (*государство, удобное и комфортное для жизни граждан; я желаю всем гражданам России прежде всего благополучия; в этом году не все наши граждане стали жить лучше*);
- демография (*отрадно, что в уходящем году у нас родилось больше новых граждан России, чем в прошлом*);
- испытания (*наша Родина прошла через драматические испытания <...> благодаря вам, её гражданам*).

Выделенные тематические блоки свидетельствуют о том, что концепт *граждане* подвергается *социально-экономической* (трудовая деятельность, жизнь и благополучие, демография, а также (*гео*) *политической категоризации* (защита интересов граждан, испытания, упоминание военнослужащих первыми при перечислении категорий занятых граждан): граждане – это те, чьи интересы взаимно связаны и определены интересами государства, и кто образует с государством единое структурное целое.

Нация как «народ»

Номинации нации в значении «народ» репрезентированы в новогодних телеобращениях следующим образом (таблица 6).

Таблица 6 – Номинации нации в значении «народ»

№ пп	Номинация	Частота в корпусе
1	Российский народ / Народ России	4
2	Наш народ	3
3	Великий народ	1
4	Единый народ	1
5	Многонациональный народ	1

Наиболее частотные n-граммы со словом *народ*: *российский, Россия, великий, сможем, здоровье*. Наиболее частотные конкордансы с леммой *народ*: *наш народ, российский народ*.

Тематизация нации как народа:

- «путь народа» и его достижения (*путь, выбранный народом России; мы, народ России, сможем уверенно идти вперёд; [в российской истории] отразились свершения всего российского народа*);

– достоинство народа и авторитет страны (*все это послужило нашему общему успеху; прибавило авторитета стране в целом, достоинства всему российскому народу*);

– положительные качества народа (*мужество, трудолюбие и интеллектуальный потенциал нашего великого народа*);

– чувство единства (*мы <...> вновь почувствовали себя единым народом*).

Судя по выделенным блокам, в которых тематизируется концепт *народ*, его смысловая структура подвергается *политической* (авторитет страны и народа, единство народа) и *исторической категоризации* («путь народа» и его достижения). Следует подчеркнуть, что в новогодних обращениях *народ*, в отличие от категории *люди*, конструируется скорее в субъектных, а не объектных, агентивных, а не адресатных характеристиках. Народ активен, един, не персонализирован, выбирает свой путь, обладает достоинством и определёнными (положительными) качествами.

В отношении новогодних телеобращений Президента на условной шкале «объектность – субъектность» мы можем расположить рассмотренные нами категории следующим образом: *люди – граждане – народ*, где *люди* наделяются скорее объектными, а *народ* – субъектными характеристиками.

Результаты проведенного исследования позволяют прийти к следующим выводам:

1. Новогоднее телеобращение Президента как жанр политического дискурса выполняет ритуально-фатическую и моделирующую (конструирующую) функции. Объектом дискурсивного конструирования является национальная идентичность как система индивидуальных и коллективных представлений о принадлежности к нации.

2. На лексическом уровне национальная идентичность в обращении Президента представлена в основном категорией *граждане России*, которая репрезентируется в номинациях *мы, люди, граждане, народ*. С помощью корпусного дискурс-анализа были определены частота использования и языковые контексты этих номинаций (конкордансы, коллокации и кластеры (n-граммы)), что позволило выявить основные стратегии тематизации национальной идентичности и определить стратегии дискурсивной категоризации исследуемого феномена.

3. Номинация *мы* является наиболее частотной в новогодних телеобращениях, в чём находит отражение интегрирующая функция этого жанра политического дискурса. Категория *мы* конструируется в субъектных, агентивных, интегративных характеристиках.

4. Номинация *люди* моделируется в социально-экономических и социально-психологических категориях; номинация *граждане* становится предметом социально-экономической и политической категоризации; номинация *народ* относится адресантом к политическим и историческим категориям. Таким образом, национальная идентичность россиян моделируется преимущественно в социально-экономических и политических категориях.

5. На дискурсивно-риторическом уровне используемые средства языкового моделирования национальной идентичности нацелены на персонально-

коллективное вовлечение (*интерпелляцию* в терминологии Л. Альтюссера [5, с. 34]) адресата в символическо-ментальное пространство нации. Это достигается за счёт политической контекстуализации экзистенциальных и культурных практик празднования Нового года. Конструирование национальной идентичности происходит посредством дискурсивной интеграции субъекта власти в семейно-личные и общественные практики, формируя эффект создания идентичности «изнутри» социальной и культурной ткани общества.

1. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 418 с.
2. Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами «идентичности» // Брубейкер Р. Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М., 2010. С. 131–192.
3. Кондратенко Н.В. Новогоднее обращение как ритуальный жанр политического дискурса: макроструктурные компоненты и средства их выражения. Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/dialog2007/materials/html/45.htm>.
4. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 326 с.
5. Althusser, L. Ideology and Ideological state of apparatuses // L. Althusser. Essays on Ideology. London: Verso, 1984. Pp. 1–60.
6. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, N.Y.: Verso, 1991. 240 p.
7. Barker C., Galasinski D. Cultural Studies and Discourse Analysis. A Dialogue on Language and Identity. London: Sage, 2001. 192 p.
8. Berghe P.L. van den. The Ethnic Phenomenon. N.Y., 1981. 301 p.
9. Castells M. The Power of Identity: The Information Age: Economy, Society, and Culture. Volume II. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009. 538 p.
10. De Cillia R., Reisigl M., Wodak R. The discursive construction of national identities // Discourse and society. Vol. 10 (2). London: Sage Publications, 1999. P. 149–173.
11. Epstein C. Who speaks? Discourse, the subject and the study of identity in international politics // European Journal of International Relations. 2011. № 17 (2). P. 327–350.
12. Hall, S Cultural identity and diaspora. In: Mongia, P (ed.) Contemporary Postcolonial Theory: A Reader. London: Bloomsbury Academic, 1996. PP. 110–121.
13. Kohn H. Nationalism: its Meaning and History. Princeton, NJ: D. van Nostrand Publishing, 1955. 192 p.
14. Le E. Human rights discourse and international relations: Le Monde's editorials on Russia // Discourse and society. Vol. 13 (3). London: Sage Publications, 1999. P. 373–408.
15. Pereverzev E., Kozhemyakin E. New Russian identity in president's new year's address to the nation // Современный дискурс-анализ. – 2009. – № 1. – Т. 2. – С. 24–37.
16. Wodak R., de Cilia, Reisigl M, Liebhart K. Discursive construction of national identity: 2nd edition. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. 287 p.
17. Wodak, R. Meyer M. Methods of Critical Discourse Analysis. London: Sage Publications, 2001. 216 p.

References

1. Bromlej Yu. V. Ocherki teorii e'tnosa. M.: Nauka, 1983. 418 s.
2. Brubejker R., Kuper F. Za predelami «identichnosti» // Brubejker R. Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i nacionalizma. M., 2010. S. 131–192.
3. Kondratenko N.V. Novogodnee obrashhenie kak ritual'nyj zhanr politicheskogo diskursa: makrostrukturnye komponenty i sredstva ix vyrazheniya. Rezhim dostupa: <http://www.dialog-21.ru/dialog2007/materials/html/45.htm>.
4. Shejgal, E.I. Semiotika politicheskogo diskursa. M.: Gnozis, 2004. 326 s.
5. Althusser, L. Ideology and Ideological state of apparatuses // L. Althusser. Essays on Ideology. London: Verso, 1984. Pp. 1–60.
6. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, N.Y.: Verso, 1991. 240 p.
7. Barker C., Galasinski D. Cultural Studies and Discourse Analysis. A Dialogue on Language and Identity. London: Sage, 2001. 192 p.
8. Berghe P.L. van den. The Ethnic Phenomenon. N.Y., 1981. 301 p.
9. Castells M. The Power of Identity: The Information Age: Economy, Society, and Culture. Volume II. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009. 538 p.
10. De Cillia R., Reisigl M., Wodak R. The discursive construction of national identities // Discourse and society. Vol. 10 (2). London: Sage Publications, 1999. P. 149–173.
11. Epstein C. Who speaks? Discourse, the subject and the study of identity in international politics // European Journal of International Relations. 2011. № 17 (2). P. 327–350.
12. Hall, S Cultural identity and diaspora. In: Mongia, P (ed.) Contemporary Postcolonial Theory: A Reader. London: Bloomsbury Academic, 1996. PP. 110–121.
13. Kohn H. Nationalism: its Meaning and History. Princeton, NJ: D. van Nostrand Publishing, 1955. 192 p.
14. Le E. Human rights discourse and international relations: Le Monde's editorials on Russia // Discourse and society. Vol. 13 (3). London: Sage Publications, 1999. P. 373–408.
15. Pereverzev E., Kozhemyakin E. New Russian identity in president's new year's address to the nation // Sovremennyj diskurs-analiz. – 2009. – № 1. – T. 2. – S. 24–37.
16. Wodak R., de Cilia, Reisigl M, Liebhart K. Discursive construction of national identity: 2nd edition. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. 287 p.
17. Wodak, R. Meyer M. Methods of Critical Discourse Analysis. London: Sage Publications, 2001. 216 p.

UDC 81.27

DOI 10.17506/dipi.2018.32.3.2537

DISCURSIVE CONSTRUCTION OF NATIONAL IDENTITY IN PRESIDENTIAL NEW YEAR TELEVISED ADDRESSES TO RUSSIAN CITIZENS

Kozhemyakin Evgeny Alexandrovich,

Belgorod National Research University,
Head of Department of Communication Studies,
Advertising and Public Relations,
Doctor of Philosophy,
Belgorod, Russia,
E-mail: kozhemyakin@bsu.edu.ru

Annotation

The Presidential New Year televised address is a genre of political discourse where the national identity is discursively constructed. On the lexical stage, the national identity is modeled in Presidential messages predominately by the category citizens of Russia represented by nominations we, people, citizens, nationhood. By means of corpus discourse analysis, we defined the frequency of usage and linguistic contexts of these nominations. The nomination we is the most frequent in TV addresses and is constructed in subjective, agentive and integrative terms. The nomination people is modeled in socio-economic and socio-psychological categories; the nomination citizens is under the socio-economic and political categorization; and the nomination nationhood refers to political and historical categories. Thus, the national identity of Russians is generally modeled in socio-economic and political categories.

Key concepts:

discursive construction, national identity, New Year televised address, political discourse.

УДК 327

DOI 10.17506/dipi.2018.32.3.3843

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Василькова Наталья Николаевна,

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,
кафедра стилистики русского языка,
кандидат филологических наук, доцент,
Москва, Россия,
E-mail: n.vasilkova@mail.ru

Аннотация

Современный общественно-политический дискурс характеризуется использованием агональных речевых стратегий и тактик. В политическом речевом взаимодействии противники не заботятся о соблюдении правил аргументативного убеждения. Такие агональные стратегии, как самоутверждение, конструирование образа врага, дискредитация оппонента, реализующиеся с использованием речевых приемов, свойственных эристике, стали неотъемлемой частью современного политического дискурса.

Ключевые понятия:

политический дискурс, агональность, полемика, дискуссия, речевые стратегии, речевая агрессия, общественно-политическое ток-шоу.

Наблюдающееся сегодня обострение информационного противостояния в политическом пространстве выдвигает новые требования к языку публичных выступлений политических деятелей. Политику, конструирующему свой дискурс, для достижения стратегически заданного коммуникативного эффекта необходимо учитывать не только экстралингвистические факторы, отражающие динамику общественно-политического развития, но и коммуникативные характеристики языковых средств, особенности их применения и действенное сочетание в речи.

Политический дискурс представляет собой совокупность речевых действий, используемых как в монологических, так и в диалогических формах. Спецификой существования политического дискурса является интенция борьбы

за власть, включающая все фазы этого процесса: завоевание, удержание и доминирование политической власти. Именно это волевое начало характерно для всех речевых жанров политического дискурса, таких как агитационная речь, дебаты в парламенте, дискутивно-полемическое выступление, политическое интервью, пресс-конференция и т. д. Основными функциями политического дискурса являются утверждение политической власти, убеждение, интерпретация и манипуляция. К дополнительным функциям относятся: информативная, побудительная, эмотивная и эстетическая.

Современный политический дискурс характеризуется использованием агональных речевых стратегий и тактик (от греч. *Агон* – «состязание», «борьба двух идей, которые защищают соперничающие стороны, причём борьба азартная, страстная» [2]). Такие стратегии, как самоутверждение, конструирование образа врага, дискредитация оппонента, реализующиеся с использованием манипулятивных приемов и речевой агрессии, стали неотъемлемой чертой современной общественно-политической жизни. Для политического дискурса характерной чертой является не только агональность, которой пропитана вся сфера коммуникации в политике, но и наличие противоборствующих сторон, которое предопределяет диалогичность политического взаимодействия. Однако главным адресатом персуазивного воздействия являются не столько противоборствующие субъекты, сколько аудитория избирателей*.

Столкновение различных точек зрения, необходимость отстаивать свою позицию определяют применение различных коммуникативных стратегий. В политическом речевом взаимодействии противники не заботятся о соблюдении правил аргументативного убеждения. Их место занимают логические и психологические манипуляции и речевые тактики, получившие название «эристических уловок» [3]. Даже самые изящные образцы общественно-политических полемик не в состоянии избежать использования этих приемов.

Например, привлекая к себе повышенное внимание общественности переписка поэта, журналиста и оппозиционного общественного деятеля Д. Быкова и официального представителя МИД М. Захаровой, выполненная в стихотворной форме с опорой на классические образцы с элегантно использованной иронией, аллюзией и стилистическими фигурами, в содержательной части реализует конфронтационные стратегии дискредитации, самозащиты и нападения. Вкратце напомним эту историю марта 2016 года. Главу МИД Сергея Лаврова и министра обороны Сергея Шойгу Д. Быков упрекнул в «дворовости», сравнивая чиновников с не слишком умелыми футболистами. Внимание поэта оказалось направлено и на официального представителя МИД Марию Захарову, которая к футболу не имеет прямого отношения, но по которой писатель прошелся в одной из рифм:

Так повернулось колесо:

Побыв гламурными для вида –

Айда во двор! Дворово всё:

Война, культура, спикер МИДа.

* Под персуазивностью вслед за многими лингвистами понимается «тип ментального речевого взаимодействия коммуникантов, при котором адресантом осуществляется попытка преимущественно вербального воздействия на ментальную сферу реципиента с целью изменения его поведения» [1].

На это стихотворное обвинение откликнулась официальный представитель МИД Мария Захарова:

Дворовый стиль был задан вами.

«А мы? Ничем мы не блесним».

Лишь для удобства пониманья

Мы на дворежном говорим.

Кому нужны изыски Гессе?

Ведь не с кем в бисер нам играть.

Теперь для санитаров леса

Мы стали вирши сочинять.

В ответ на обвинение Д. Быкова в «дворовости» (стратегия нападения) М. Захарова отвечает выпадом, выраженным такими приемами, как использование прецедентного феномена с расширением семантического поля за счет ассоциации с известным фразеологизмом о бисере и свиньях, перифраза (санитары леса), метафоры (стаяка злобных мух), стилистически маркированной лексики (вирши) и т. д.

Интереснейшим для исследования явлением, находящимся на стыке политического и эристического дискурсов, являются популярные и рейтинговые общественно-политические ток-шоу. Политическое ток-шоу предоставляет широкие возможности для ведения так называемого «словесного боя», или эристического состязания оппонентов. Участники дискуссионно-полемиического ток-шоу, с одной стороны, являются проводниками авторского намерения, средством воздействия на аудиторию, а с другой стороны, их определяющая установка – быть субъектами речевого воздействия и регулировать деятельность своего собеседника. Дискуссии и полемики как один из жанров политического дискурса, основанный на спорах участников-оппонентов, базируется на двух определяющих компонентах: а) структурно-ролевой организации коммуникативного события; б) стратегиях и тактиках речевого поведения субъектов коммуникации. Для публичной политической речи особенно важны приемы речевой экспрессии: тропы, стилистические фигуры, прецедентные феномены, помогающие достичь максимального воздействия на аудиторию с помощью яркости, выразительности и динамичности высказывания.

Одной из самых действенных агональных стратегий является использование демагогических приемов, аргументации к пафосу и этосу: апеллирование к авторитетам, патетический призыв к высшим ценностям, переходящим из области аналитики в область веры, использование символов и образов, обладающих мощным аргументативно-коннотативным и экспрессивным потенциалом. В качестве примера приведу риторическое определение, приведенное И. Коротченко в передаче «Воскресный вечер с В. Соловьевым»: «Что такое НАТО? *НАТО – это военная опухоль на теле Европы. Непрерывно расширяясь, порождая метастазы, сожрав и проглотив бывший Варшавский договор, бывшие республики советской Прибалтики, бывшие республики Югославии, почти все.* НАТО уперлось в российские границы. Все! Расширения дальше нет» (И. Коротченко, «Воскресный вечер с В. Соловьевым», 10.07.2016). В этом высказывании оратор использовал несколько средств речевой выразительности. Для своего риторического определения он берет яркую метафору, использует фигуры объективации и перечисления, а также стилистически окрашенную лексику, что, в конечном счете, создает выразительный, но пугающий образ военной организации. Еще один пример апел-

ляции к общепризнанным ценностям встречаем в речи политика Н. Старикова: «Наш уважаемый вашингтонский гость проговорился. Это оговорка по Фрейду. Что нам обычно говорят либералы? Вы станьте такими, как США, и тогда можете творить, чего хотите. То есть, они говорят о праве сильного. *Где тут демократия, где тут свобода, где права человека?*» (Н. Стариков, «Воскресный вечер с В. Соловьевым», 10.07.2016). Еще один пример из ораторского выступления того же политика, который использовал сразу несколько экспрессивных стилистических средств: «То есть, будь здоровым *битюгом* и тогда можешь творить, чего хочешь, говорить, чего хочешь, диктовать всем условия. Вот истинное лицо *не американского империализма, а российского либерализма*» (Н. Стариков, «Воскресный вечер с В. Соловьевым», 10.07.2016). Сочетание повтора, фигуры сближения паронимов и антитезы со стилистически сниженным словом «битюг» придает высказыванию эмоциональность и разговорность.

В политических дискуссиях нередко можно наблюдать прием ухода политика от ответа на нежелательный вопрос, когда тема разговора переводится в другое русло, тем самым внимание зрителей переключается на явления действительности, не имеющие прямого отношения к разговору. Этот прием часто использует лидер КПРФ Г.А. Зюганов. Так, в передаче В. Соловьева «Поединок» (19.01.2012 г.) на вопрос своего оппонента С. Кучеры «Зачем вы идете на выборы? <...> вы не боец...» он отвечает: «...вы специально в эту оранжевую кофту оделись, с оранжевыми метите... Но, на счет бойца, вы мне еще в бильярд не отыгрались». Здесь использована нарушающая логический закон тактика, которая заключается в подмене темы.

В отличие от полемики, в политической дискуссии, где конфронтационный вызов относительно ограничен и приобретает более сдержанные формы, встречаются достаточно эффективные скрытые приемы речевой эристики с использованием иронии или сарказма, косвенных речевых актов, импликаций, превращающихся в агональные намеки. Так, в следующем примере, когда участник дискуссии политолог В. Карасев, не желая прямо назвать виновников происходящих событий, использует имплицитное речевое воздействие – намек: «Потому что все *хотят* власти, *не хотят* ответственности, *хотят* безответственности» (В. Карасев, «Право голоса», 16.07.2016). Выразительности и яркости этому высказыванию добавляют фигура повтора в сочетании с антитезой, выраженной однокорневыми антонимами. Еще один пример того, как обобщенная форма высказывания скрывает в себе обвинение в адрес оппонента: «Совершенно очевидно, что те, кто делает ставку на предателей, не имеют будущего *ни в современности, ни в истории, ни в будущем*» (С. Железняк, «Право голоса», 16.07.2016). С.А. Михеев, комментируя драку депутатов в парламенте Украины, использует иронию: «Да, вот это европейский парламент, ничего не скажешь. Это европейские демократические ценности, так как они трактуются на Украине» (С. Михеев, «60 минут», 23.09.2016).

Нередко в пылу ожесточенной полемики встречается крайнее проявление эристического вызова – открытая речевая агрессия с использованием оценочной лексики с негативной коннотацией, а нередко и инвективной лексики. Например: «Все хороши в словесных обвинениях. Вот официальное заявление МИДа, что США защищают ИГИЛ. Это *безобразное обвинение!* Абсолютно *безобразное обвинение!*» (М. Бом, «60 минут», 21.09.2016). Использование оценочной лексики в этом примере поддержано фигурой повтора. Еще пример агрессивного речевого

поведения с использованием просторечного оценочного фразеологизма: «Что вы *несете ахинею*? Если дискутировать, то дискутировать! Я имею в виду очень конкретные вещи. В тот момент, когда был договор о том, что Янукович уходит и все будет мирно, вы его нарушили, а Европа и Америка закрыли тогда глаза». Еще более резкое высказывание с использованием бранной лексики, обращенное уже непосредственно к оппоненту, было использовано в программе «60 минут» политологом С.А. Михеевым: «Дай хоть слово кому-то еще сказать! *Охамел* совсем *придурак* польский! Еще Достоевский писал: «Один наглый полячок». Вот это про него, про таких, как он» (С. Михеев, «60 минут», 07.11.2016).

Использование агрессивных форм речевого поведения вряд ли можно объяснить только накалом полемики и пренебрежительным отношением к нормам литературного языка. Очевидно, что создатели программ этого формата намеренно прибегают к введению в канву полемики эмоционально-оценочных выражений, находящихся за пределами этических норм и норм литературного языка. Эта агрессивная речевая стратегия с использованием скандала как приема ставит своей целью привлечение внимания аудитории, пусть даже и порицаемыми средствами. В качестве примера приведу высказывание известного журналиста В. Соловьева 13 июня в программе «Полный контакт», ведущим которой он является: «Навальный обратил своих *гонников* против людей! Ну, давайте посчитаем, сколько вывел этот *Полиграфыч мерзкий* на улицы? <...> Значит, это получается 1,9 процента. То есть вечные два процента дерьма. И вот эти два процента дерьма считают, что они здесь власть?!» Грубо просторечная лексика, жаргонизм и оценочная инвективная лексема, осложнена в этом примере антономазией с использованием прецедентного имени и ожидаемо вызвала обсуждение в обществе и интерес аудитории.

Будучи одной из форм газетно-публицистического стиля, публичная речь политиков призвана выполнять информационную и агитационно-пропагандистскую функции для воздействия на аудиторию с целью формирования общественного мнения. Между тем общественно-политическая публичная речь рассматривается и как самостоятельное функционально-стилевое образование, поскольку, с одной стороны, в ее текстах осуществляется речевое общение в условиях заданной, а потому отчасти подготовленной полилогической коммуникации, с другой, – тексты общественно-политической публичной речи рассчитаны на экспромт и окончательно создаются в процессе произнесения. Таким образом, в комбинации этих стилистических черт проявляется двойственная природа устной общественно-политической публичной речи.

Учет ситуации общения, ее общих и частных характеристик, правильное использование стилистических приемов, их выразительных возможностей могут привести к наилучшему взаимодействию оратора и аудитории, к достижению необходимых результатов. В связи с этим исследование языка политической коммуникации представляет большой лингвистический интерес, связанный с изучением языкового поведения политиков, а именно языковых средств, риторических приемов, реализующих манипулятивные стратегии, используемые в целях убеждения.

1. Логинова И.Ю. Персуазивность как механизм воздействия в политическом дискурсе: программа политической партии и манифест // Интерпрета-

ция. Понимание. Перевод: Сборник научных статей. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2005. С. 240–248.

2. Лосев А.Ф. История античной эстетики: Софисты. Сократ. Платон. Т. 2. – М., 1969. – 641 с.

3. Шопенгауэр А. Эристика или искусство побеждать в спорах. СПб., 1900. – 70 с.

References

1. Loginova I. Yu. Persuazivnost' kak mexanizm vozdejstviya v politicheskom diskurse: programma politicheskoy partii i manifest // Interpretaciya. Ponimanie. Perevod: Sbornik nauchnyx statej. SPb.: Izd-vo SPbGUE'F, 2005. S. 240–248.

2. Losev A. F. Istoriya antichnoj e'stetiki: Sofisty. Sokrat. Platon. T. 2. – M., 1969. – 641 s.

3. Shopengau'e'r A. E'ristika ili iskusstvo pobezhdat' v sporax. SPb., 1900. – 70 s.

UDC 327

DOI 10.17506/dipi.2018.32.3.3843

POLITICAL DISCOURSE: COMMUNICATIVE STRATEGIES OF REGULATION

Vasilkova Natalia Nikolaevna,

Lomonosov Moscow State University,
Department of Russian Language Stylistics,
Candidate of Philology, Professor,
Moscow, Russia,
E-mail: n.vasilkova@mail.ru

Annotation

Modern socio-political discourse is characterized by the use of agonal speech strategies and tactics. The political controversy is beyond the classical laws of argumentation: its goal is the assertion by any means of its position and the achievement of victory at any cost. Such agonal strategies as self-affirmation, constructing of the image of enemy, discrediting of opponent, realized with the use manipulative methods peculiar to eristica, have become an integral part of modern social and political discourse.

Key concepts:

political discourse, eristic, polemic, discussion, speech strategies, verbal aggression, socio-political talk show.

УДК 811.161.1'42
DOI 10.17506/dipi.2018.32.3.4449

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИРОНИИ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Соболева Ирина Александровна,

Государственное учреждение
«Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»,
зав. кафедрой русского языкознания
и коммуникативных технологий,
кандидат филологических наук, доцент,
E-mail: sobolevalugansk@mail.ru

Аннотация

В статье обращено внимание на необходимость исследования иронических дискурсивных стратегий в современном медиадискурсе. Мы выделяем следующие виды иронических стратегий: манипулятивно-воздействующая, экспрессивно-апеллятивная, оценочно-аксиологическая и др. Иронический медиадискурс – сложный многогранный лингвистический механизм. Наши наблюдения показывают, что ирония стала одним из средств воздействия на сознание адресата. Таким образом, ирония помогает реализовать прагматические цели и задачи дискурса.

Ключевые понятия:

медиадискурс, ирония, интенция, коммуникативно-речевые стратегии и тактики.

Развитие контент-стратегий современных СМИ проходит в координатах исторического времени и тесным образом связано с теми системными изменениями, которые переживает современная журналистика. На таком фоне глубинных динамических изменений в медиасистеме происходит активизация различных проявлений иронического. При этом варианты воплощения иронии в дискурсе реализуются в различных формах: это может быть репрезентация речевых жанров, относимых к области иронии (анекдотов, антифразисов, шутивных афоризмов, сентенций и т. д.), или придание иронической тональности жанрам, изначально не относящихся к комическим (очеркам, эссе, репортажам и т. д.).

Ирония в современном медиадискурсе чаще всего осуществляется с определенной иллюкутивной целью. Для достижения этой цели участники коммуникации выбирают те средства языка, которые им кажутся оптимальными [7, с. 184]. Современной медиалингвистике еще предстоит исследовать

иронический потенциал современного медиадискурса и классифицировать виды иронических стратегий и тактик.

Используя типологию коммуникативно-речевых стратегий М.Ю. Олешкова [3, с. 93], мы проанализировали иронический механизм медиадискурса телевизионных общественно-политических ток-шоу, которые в настоящее время приобрели завершённый формат, острую тематическую направленность и высокие зрительские рейтинги.

Ирония – один из самых древних с точки зрения интереса к его применению и организации риторических приемов, о котором известно и много, и мало одновременно. Греческое происхождение этого термина отсылает нас к следующим его значениям: «притворное незнание, притворное самоунижение» [4, с. 227], «притворство, когда человек притворяется глупее, чем он есть» [1, с. 405].

В Энциклопедическом словаре-справочнике «Культура русской речи» приводятся два значения иронии: 1) «...выражающее насмешку или лукавство иносказание, когда слово или высказывание обретают в контексте значение, противоположное буквальному смыслу или отрицающее его, ставящее под сомнение»; 2) «...вид комического, в котором критическое отношение к объекту осмеяния носит осуждающий характер и выражается в несколько завуалированном виде» [1, с. 227–229].

Наиболее точно и емко суть современной иронии интерпретирует, на наш взгляд, Л.Н. Синельникова, размышляя о ее специфике в авангардной поэзии: «Ирония – всегда элемент культуры, свойство анализирующего, оценивающего сознания. Ирония сопровождает мысль о мире, вступившем в стадию переоценки... Иронизирующий поэт направляет внимание читателя на то, что суетное, ничтожное не может быть вечным, следовательно, надо менять сознание, чтобы поставить его в соответствие с истинным предназначением человека... Ирония скорее боль, чем осмеяние» [6, с. 157].

Современный иронический тип медиаповествования – многогранный, неоднозначный процесс. Это и способ личностного отстранения, дистанцирования от реальности, когда ирония современного медиадискурса выражает насмешку, лукавство, ставит под сомнение объективность сказанного, но гораздо в меньшей мере выражает критическое или осуждающее отношение к изображаемому. Ирония медиадискурса частотно предполагает слегка завуалированные превосходство, снисхождение, скептицизм по отношению к описываемым реалиям, выражая ценностные ориентиры дискурсивной личности. Ирония медиадискурса – это семантический процесс переключения между отрицательной и утвердительной модальностями одного и того же высказывания (слова, словосочетания, предложения), или положительной и негативной оценкой объекта высказывания, осуществляющейся при помощи интонации, контекста.

Режиссер И. Дыховичный в интервью корреспонденту «Огонька» так сформулировал авторскую позицию одного из телевизионных проектов: «...я уверен, что через ироническую форму можно многое людям прояснить. Смех прощает все. Злобные выступления по поводу «Аншлага» или еще каких-то программ – бессмысленное занятие. Значительно полезнее живой разговор – это всегда юмор. В такой программе можно обсудить все что угодно. И клоуну простят» [3, с. 52]. Современное ТВ при выборе авторской стратегии, тональности, стилистики, видимо, работает в подавляющем большинстве случаев по этой модели: «Клоуну

простят». По крайней мере, ежедневные социально-политические ток-шоу четко отражают этот принцип.

Современные СМИ изобилуют иронией, в которых она на дискурсивном уровне проявляется по-разному: «...как оппозиция пафосу она быстро примиряется с разговорными и просторечными средствами, как спрятанная критика стремится опереться на стилистический синтез языковых средств, выполняя одну из основных своих задач – свести несводимое» [6, с. 156].

Ввиду того, что ироническое высказывание, как правило, заключает в себе оценку и выражает собственную позицию адресата к объекту, в медиадискурсе адресант особенно часто обращается к иронии в реализации оценочно-аксиологической речевой стратегии. Оценочно-аксиологическая стратегия заключается в праве давать оценку событиям, обстоятельствам, персонажам, балансируя между объективно-субъективным отношением к действительности [3, с. 119]. В оценочно-аксиологической стратегии ирония «присутствует» в передаче отношения к действительности, жизни вообще или к конкретным поступкам, поведению, фактам и т. д.

Так, к примеру, и ведущие, и участники телевизионных общественно-политических ток-шоу не могут обойтись без иронических замечаний, восклицаний, обобщений, дающих косвенную, завуалированную оценочность содержанию высказывания:

– *Нам говорят: «Положите Крым на место».*

– *Уже который раз США провоцируют Россию, а Россия в очередной раз «не приходит» на войну.*

– *Украинцы протестовали, протестовали и добились – стало хуже.*

– *В историю трудно войти, но легко вляпаться.*

Через употребление иронических высказываний реализуется и манипулятивно-воздействующая стратегия. Иронические речевые акты, используемые при этом, обусловлены интенцией координации деятельности, то есть намерения адресата регулировать процесс восприятия информации, влиять на его протекание. В манипулятивно-воздействующей стратегии ирония участвует в реализации таких коммуникативно-речевых тактик, как контроль над деятельностью и контроль над восприятием. Очевидно, желание манипулировать и влиять на сознание адресанта все более и более подчиняет себе все другие интенции автора медиадискурса. Поэтому даже иронический медиадискурс манипулятивен по сути.

Дискурс телевизионных ток-шоу изобилует манипулятивно-воздействующей тактикой, когда в ходе перманентной ожесточенной политической полемики ее участники ищут любые способы аргументации в отстаивании своей точки зрения. Они могут притворяться единомышленником оппонента, поддавая ему, незаметно доводить его взгляд до абсурда, обнаруживая ограниченность как бы очевидных истин и т. д. Такая ирония, будучи субъективной по сути, выполняет задачу внушения, является суггестивной формой воздействия на сознание адресата. В этих случаях ирония часто становится преувеличенной, грубой, приближается к пародии, когда противоречие между созерцаемым и мыслимым выступает очень отчетливо, на грани фола.

Так, обсуждая действия и высказывания президента Трампа в отношении России, на вопрос одного из участников ток-шоу «Время покажет»: «А что

Трамп сделал хорошего для России? Все говорят, что Трамп – пророссийский президент, но какие для этого основания?», – депутат Государственной Думы А. Журавлев отвечает: *«Вы знаете, сделать что-то хорошее очень трудно, а вот нагадить – раз и все»*.

В другом случае ведущий того же ток-шоу А. Кузичев резюмирует: *«Русофобия чревата косоглазием. Посмотрите на Сытина и Гозмана»* (иронизация по поводу физических недостатков человека категорически недопустима).

В экспрессивно-апеллятивной стратегии, которая связана с формированием эмоциональной среды дискурса, с оценкой коммуникативной ситуации, ирония участвует в реализации таких коммуникативно-речевых тактик, как формирование эмоционального настроения и самопрезентации. Ирония в ряде случаев помогает смягчить однозначность, категоричность оценки и представить суждение в форме некой доброжелательной насмешки над действительностью или над собой.

Коммуникативно-речевая тактика самопрезентации позволяет с помощью иронических речевых актов реализовать тактический ход «речевого моделирования»: автор, употребляя активно и последовательно яркие иронические высказывания, формирует свой определенный имидж ирониста. Именно последовательность, повторяемость иронических стратегий, при условии их своеобразности, оригинальности и т. д., моделирует структуру имиджа многих талантливых современных журналистов. Ведущие всех политических ток-шоу на различных телеканалах как будто соревнуются между собой в отстаивании права называться «Иронистом № 1».

Примеров реализации экспрессивно-апеллятивной стратегии в ироническом медиадискурсе телевизионных ток-шоу достаточно много. Вот один из них:

– Евросоюз – большая коммунальная квартира, где много соседей, которые охотно бросят какую-нибудь гадость в кастрюлю с борщом другому соседу. А Украина похожа на того, кто обращается к Европе примерно так: «Бабушка Европа, дай попить, а то так кушать хочется, что даже переночевать негде».

Примечательно, что иронический дискурс стал использоваться в реализации информационно-аргументирующей стратегии. Хотя, казалось бы, ирония призвана давать оценку уже известным, сложившимся знаниям, а информационно-аргументирующая стратегия направлена на усвоение новой информации. Интенция ироничности наряду с разговорностью, непосредственностью общения и обмена мнениями сквозит в интонациях телеведущих и в дискурсах журналистов, рассказывающих о самых разных событиях: светской жизни, политических баталиях, экономических фактах и т. д. Этот иронический «флер», видимо, воспринимается или должен восприниматься адресантом как некая попытка смягчить сказанное, извиниться за сообщенное. Ирония позволяет абстрагироваться и дистанцироваться от действительности, о которой идет речь. Далеко не всегда и не всем этот экзамен на ироническую интонацию удается достойно выдержать.

Итак, функциональный потенциал иронии медиадискурса многообразен. Использование иронических высказываний позволяет автору медиадискурса оценивать изображаемую ситуацию, ее участников, попутно выражая свои эмоции, личное отношение к объекту иронии, и тем самым воздействовать на адресата, заставляя формировать у него определенное отношение и точку зрения. Кроме того, в некоторых случаях ирония медиадискурса помогает адресату сформиро-

вать у адресанта необходимый эмоциональный настрой, а также презентовать себя как яркую, самобытную дискурсивную личность.

Таким образом, мотивированное, осознанное использование адресатом иронических речевых актов всегда интенционально обусловлено: он употребляет иронию намеренно, с конкретными целями, достижение которых происходит в рамках тех или иных стратегий и тактик. И хотя некоторые исследователи считают, что ирония имеет очень много ограничений [4], нельзя не отметить того, что она является мощным средством реализации прагматических установок и задач современного медиадискурса, одним из важных рычагов влияния на современное медиасознание.

1. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / [под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова и др.]. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 840 с.

2. Олешков М. Ю. Моделирование коммуникативного процесса / М. Ю. Олешков. – Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2006. – 336 с.

3. Ларина Ю. Клоуну простят / Ю. Ларина // Огонек. – 2014. – № 2. – С. 52–53.

4. Лассан Э. Р. Изображение речи власти как средство ее десакрализации [Электронный ресурс] / Э. Р. Лассан. – Режим доступа: <http://artstudio.de/kontakt.html>.

5. Литературный энциклопедический словарь / [под ред. В. Н. Кожевникова, Л. А. Николаева]. М.: Советская энциклопедия, 1990. – 752 с.

6. Синельникова Л. Н. Лирический сюжет в языковых характеристиках: монография / Л. Н. Синельникова. – Луганск: Знание, 1993. – 188 с.

7. Шилихина К. М. Ирония как способ повышения авторитетности / К. М. Шилихина. – Воронеж: Воронежский государственный университет: Издательский дом Алейниковых, 2008. – 194 с.

References

1. Kul'tura russkoj rechi: e'nciklopedicheskij slovar'-spravochnik / [pod red. L. Yu. Ivanova, A. P. Skovorodnikova i dr.]. – M.: Flinta: Nauka, 2003. – 840 s.

2. Oleshkov M. Yu. Modelirovanie kommunikativnogo processa / M. Yu. Oleshkov. – Nizhnij Tagil: Nizhnetagil'skaya gosudarstvennaya social'no-pedagogicheskaya akademiya, 2006. – 336 s.

3. Larina Yu. Klounu prostyat / Yu. Larina // Ogonek. – 2014. – № 2. – S. 52–53.

4. Lissan E'. R. Izobrazhenie rechi vlasti kak sredstvo ee desakralizacii [E'lektronnyj resurs] / E'. R. Lissan. – Rezhim dostupa: <http://artstudio.de/kontakt.html>.

5. Literaturnyj e'nciklopedicheskij slovar' / [pod red. V. N. Kozhevnikova, L. A. Nikolaeva]. M.: Sovetskaya e'nciklopediya, 1990. – 752 s.

6. Sinel'nikova L. N. Liricheskij syuzhet v yazykovyx karakteristikax: monografiya / L. N. Sinel'nikova. – Lugansk: Znanie, 1993. – 188 s.

7. Shilixina K. M. Ironiya kak sposob povysheniya avtoritetnosti /

K.M. Shilixina. – Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet: Izdatel'skij dom Alejnikovyx, 2008. – 194 s.

UDC 811.161.1'42

DOI 10.17506/dipi.2018.32.3.4449

FUNCTIONAL POTENTIAL OF IRONY IN MODERN MEDIA DISCOURSE

Soboleva Irina Alexandrovna,

State Institution "Luhansk Taras Shevchenko National University",
Head of the Department of Russian Linguistics and Communication Technologies,
Candidate of Philology, Associate Professor,
E-mail: sobolevalugansk@mail.ru

Annotation

The article draws attention to the need for research of ironic discursive strategies in the modern media discourse: manipulative and effective, expressive and appellative, evaluative and axiological, etc. Our observations show that the irony has become one of the means of influencing the addressee's mind.

Key concepts:

media discourse, irony, intention, communicative speech strategies and tactics.

УДК 808.53
DOI 10.17506/dipi.2018.32.3.5056

КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРЫ В ЛОГИЧЕСКОМ ТИПЕ АРГУМЕНТАЦИИ ДИСКУРСА А. ЛИНКОЛЬНА

Шадаева Лада Иннокентьевна,

ФГБОУ ВО «ИРНИТУ»,
Институт лингвистики и межкультурной коммуникации,
кандидат филологических наук, доцент,
Россия, Иркутск,
E-mail: shadaeva@mail.ru

Аннотация

Утверждается, что логическая аргументация направлена на переинтерпретацию тезиса в рамках заданной ценности. Когнитивной особенностью метафоры в дискурсе А. Линкольна является то, что она не меняет имеющихся ценностных предпочтений адресата, американского народа, а именно, равноправие всех людей и их представление свободы.

Ключевые понятия:

дискурс, метафора, аргументация, картина мира.

«Логическая аргументация направлена на переинтерпретацию тезиса в рамках заданной ценности» [1, с. 29]. «Базовым» типом аргументативного дискурса А. Линкольна является логический (рассудочный) тип. Существенной особенностью обсуждаемого типа естественно-языковой аргументации является то, что аргументы такого рода не затрагивают структуры ценностей участников аргументативного дискурса, не меняют имеющихся ценностных предпочтений. Для дальнейшего анализа нам необходим ряд ментальных процедур прагматического характера, выполнение которых предполагается при данном типе аргументации. Кратко перечислим их: установление соответствия → сравнение → оценка → экспликация значимости.

С целью определения когнитивных особенностей метафоры в дискурсе А. Линкольна проанализируем всемирно известное Геттисбергское обращение от 19 ноября 1863 года. Для анализа данного обращения мы ограничимся первой

прагматодialeктической трансформацией, поскольку не все в анализируемом обращении А. Линкольна является аргументативным *in toto*. Согласно первой трансформации, мы удалим из данного высказывания неаргументативные элементы текста:

«Four score and seven years our fathers brought forth on this continent, a new nation, conceived in Liberty, and dedicated to the proposition that all men are created equal.

Now we are engaged in a great civil war, testing whether that nation, or any nation so conceived and so dedicated, can long endure ...

The brave men, living and dead, who struggled here, have consecrated it, far above our poor power to add or detract. The world will little note, nor long remember what we say here, but it can never forget what they did here. It is for us the living, rather, to be dedicated here to the unfinished work which they who fought here thus far so nobly advanced. It is rather for us to be here dedicated to the great task remaining before us – that from these honored dead we take increased devotion to that cause for which they gave the last full measure of devotion – that we here highly resolve that these dead shall not have died in vain – that this nation, under God, shall have a new birth of freedom – and that government of the people, by the people, for the people, shall not perish from the earth».

Таким образом, мы исключили из анализа объяснение и выражение эмоций А. Линкольном по поводу смерти солдат.

Выделим тезис в высказывании А. Линкольна: «Four score and seven years our fathers brought forth on this continent, a new nation, conceived in Liberty, and dedicated to the proposition that all men are created equal.

Now we are engaged in a great civil war, testing whether that nation, or any nation so conceived and so dedicated, can long endure».

Остановившись на фазе основания нации, А. Линкольн эксплицирует свой тезис, используя две основные ценности в картине мира американского народа: первое – равноправие всех людей – all men are created equal, второе – их представление свободы – conceived in Liberty. Остановимся на характеристике американского народа, обозначенного А. Линкольном словосочетанием a new nation. Использованное словосочетание, как мы предполагаем, входит в концепт «новая нация». Данная метафора заимствована А. Линкольном из Библии: «I will make of you a great nation, and I will bless you».

Колониальные пуритане, как известно, придавали большое значение интересу Господа Бога к человеческой истории. Согласно бытовавшей интерпретации Библии американским народом, Господь Бог заключил соглашение не только с отдельными праведниками, а с целой нацией – Новой Англией [3].

Основополагающей ценностной категорией общей картины мира эпохи А. Линкольна является вера в богоизбранность американской нации, которая, как и библейский Авраам, получила новое имя и новую судьбу с благословения Господа Бога. Возможно, именно такой интерпретации библейской метафоры придерживался А. Линкольн, изменив прилагательное «great» на «new».

Использование концептуальной метафоры a new nation является категориальным переносом в рамках одной части речи, прилагательного, «великая нация» → «новая нация». А. Линкольн трактует понимание общества в библейских терминах. Выражение all men are created equal заимствовано А. Линкольном

из Декларации Независимости. Обращение А. Линкольна к авторитету основного официального документа в истории США позволяет быть уверенным в полной приемлемости данного тезиса адресатом, поскольку в общей картине мира той эпохи в Декларации Независимости были отражены основные этические ценности американского общества, такие как право на жизнь, свободу и стремление к счастью.

Вторая часть тезиса: «Now we are engaged in a great civil war, testing whether that nation, or any nation so conceived and so dedicated, can long endure» эксплицирует понимание А. Линкольном и многими северными протестантами смысла гражданской войны для американского общества. Гражданская война понималась ими как заслуженное наказание за национальные грехи, в частности, за рабство. Причастие настоящего времени «testing», как мы полагаем, входит в концепт «испытание». Приведем контекст Библии: «Some time after these events, God put Abraham to the test». В контексте Библии Господь Бог подвергает Авраама испытанию, принести в жертву своего единственного сына в подтверждение своей веры.

Пропозициональное содержание тезиса, выдвинутого А. Линкольном, будет звучать следующим образом: «Наши отцы-основатели провозгласили основные принципы американского общества, избранного Богом, такие как свобода и равенство всех людей. Гражданская война – испытание Господом Богом американского народа за прегрешение, существование рабства в обществе и измену принципам американского общества, принятых отцами-основателями».

Рассмотрим аргументы, выдвигаемые А. Линкольном в защиту эксплицированного тезиса.

Аргумент 1: «The brave men, living and dead, who struggled here, have consecrated it, far above our poor power to add or detract. The world will little note, nor long remember what we say here, but it can never forget what they did here». Он выражен двумя ассертивами, демонстрирующими положение дел. А. Линкольн в данном аргументе подчеркивает общность жертв, не выделяя тем самым ни Севера, ни Юга, ни проблем, послуживших причиной гражданской войны. З. Вендлер [2] назвал «иллокутивным самоубийством» некоторые случаи, когда содержание тезиса, а мы можем добавить – и аргумента, подвергается серьезному испытанию, подрывающему иллокутивную функцию выражаемого мнения.

Аргумент 2: «It is for us the living, rather, to be dedicated here to the unfinished work which they who fought here thus far so nobly advanced» выражен косвенным речевым актом, ассертивом, в котором вторым иллокутивным актом является директив. Иллокутивная направленность директивов состоит в том, что они представляют собой попытки со стороны говорящего добиться того, чтобы заставить слушающего совершить некоторое действие; определяя значение смерти павших солдат на поле брани под Геттисбергом сочетанием *the unfinished work*, А. Линкольн призывает американскую нацию достойно пройти божье испытание гражданской войной и подтвердить ее избранность Господом Богом, которая должна выразиться в сохранении принципов демократического общества.

Аргумент 3: «It is rather for us to be here dedicated to the great task remaining before us – that from these honored dead we take increased devotion to that cause for which they gave the last full measure of devotion – that we here highly resolve that these dead shall not have died in vain» выражен косвенным речевым актом

-ассертивом, где вторым иллокутивным актом является директив. Дж. Серль в своей работе о косвенных речевых актах обобщил списки предложений и наборы условий существования косвенных речевых актов. В обобщении 4 говорится о том, что S (говорящий) может высказать косвенное побуждение либо посредством утверждения о существовании веских и даже более чем веских причин для осуществления действия A (адресатом), либо посредством вопроса о существовании таких причин [5]. Такими вескими причинами в высказывании А. Линкольна являются следующие. Первая причина – это подтверждение избранности американской нации Господом Богом, выражающееся в сохранении целостности союза штатов. Говорящий эксплицирует первую причину метафорой *the great task*. В контексте высказывания А. Линкольна фокусное слово *task* приобретает новый смысл, который расширяет его значения, что, в свою очередь, позволяет нам понять данную метафору как «социальное явление» – сохранение целостности союза штатов. А. Линкольн категоризует сохранение целостности союза в рамках одной части речи, а именно имени существительного: в данном случае мы имеем метафорический перенос «деятельность человека → социальное явление».

Вторая веская причина – общность принесенных жертв во имя существования демократического общества. Говорящий выражает вторую причину посредством метафоры *the last full measure of devotion*, где «общность принесенных жертв» категоризуется в терминах «измерения». Здесь мы наблюдаем категориальный тип метафорического переноса, результатом которого является морфологическое изменение лексических единиц, вовлеченных в номинационный процесс: в нашем случае неодушевленное существительное *the death* (смерть) переходит в разряд абстрактных *measure* (мера).

Третья веская причина заключается в обещании А. Линкольном живым того, что смерть павших на поле брани будет не напрасной. Отрицательная форма глагольной временной формы Future Perfect и значение слова *vain* (напрасность), указывают на результативность действия в будущем.

Не вызывает сомнения тот факт, что важные концепты «кодируются» в языке, причем нередко утверждается, что центральные для человеческой психики концепты отражены в грамматике языков, и что именно грамматическая категоризация создает ту концептуальную сетку, тот каркас для распределения всего концептуального содержания, которое выражено лексически. Заметим, что механизм «трансформации» лексического значения в абстрактное грамматическое значение также можно охарактеризовать как метафорический [4, с. 105].

Позиция А. Линкольна по отношению к пониманию концепта «свобода» заключалась в предоставлении как личности, так и обществу максимальной возможности осуществить свободу самоопределения, этического совершенствования. И на этом пути к совершенству препятствием являлось существование рабства в Южных штатах союза. Как пишет Дж. Дэвид Гринстоун в своей книге об американском либерализме, А. Линкольн видел в существовании рабства тройное зло: оно отрицало все интеллектуальные способности рабов, оно развращало моральные принципы их владельцев и угрожало перспективам развития совершенства всего белого населения [8, с. 35].

А. Линкольн воспринимал существование института рабства как морально-этическую проблему, мешавшую дальнейшему развитию свободной личности,

и, следовательно, свободного общества. Преодолев эту проблему, нация переживет новое рождение свободы, избавление от существования института зла. Соответствующее понимание концепта «свобода» А. Линкольном выразилось в употреблении им прилагательного *new* в метафоре a new birth of freedom. В данном случае понимание социального явления «свобода» выражено в терминах физического явления «рождения» [6].

Выражение that government of the people, by the people, for the people, использованное А. Линкольном, станет впоследствии символом демократической власти США [7]. Произнесение или написание материальной формы слова, адресованного в первую очередь слушающему, столь же важно и для самого отправителя слова. Именно в этот момент слово формируется и функционирует как полноценный знак, ибо его форма непосредственно связана с соответствующим концептом или образом в сознании говорящего/пишущего. В подобных случаях метафора используется для создания наименования реалий (понятий), примером может служить обозначение понятия «народное правление» А. Линкольном метафорой «government of the people, by the people, for the people», в которой он выразил свое понимание принципов демократии. Три английских предлога выражают различные аспекты и существенные признаки демократии, а именно: демократия исходит из самого народа (of), она осуществляется народом (by) и в интересах народа (for).

Представим данную аргументацию схематично следующим образом. Данные (тезис): «Four score and seven years our fathers brought forth on this continent, a new nation, conceived in Liberty, and dedicated to the proposition that all men are created equal.

Now we are engaged in a great civil war, testing whether that nation, or any nation so conceived and so dedicated, can long endure».

Основание: Аргумент 1 и Аргумент 2.

Заключение: «that this nation, under God, shall have a new birth of freedom – and that government of the people, by the people, for the people, shall not perish from the earth».

Воспроизведем ряд ментальных процедур прагматического характера, для логического (рассудочного) типа аргументации.

Первая процедура связана с установлением соответствия между структурами ценностей участников. Это соответствие можно установить из дискурса А. Линкольна посредством экспликации двух основных ценностных категорий в картине мира американского народа: первая включает концепт «равенство» (выражение all men are created equal), вторая – концепт «свобода» (выражение conceived in Liberty).

Вторая процедура – сравнение обсуждаемого тезиса с актуализированными ценностными концептами. Данную процедуру можно обнаружить во второй части тезиса А. Линкольна, выраженного им метафорически глаголом *test*.

Третья процедура связана со сравнением; она позволяет дать оценку степени соответствия тезиса представлению ценностных категорий.

Последней процедурой логического (рассудочного) типа аргументации является экспликация значимости отстаиваемого положения. В нашем случае экспликацией значимости данного тезиса является заключение в дискурсе

А. Линкольна. Мы наблюдаем переинтерпретацию тезиса в рамках заданных ценностных категорий, а именно: сохранение принципов демократического государства, основанного на свободе, равноправии и народном правлении, выраженных говорящим посредством выражений *a new birth of freedom, all men are created equal, that government of the people, by the people, for the people*.

Итак, когнитивной особенностью метафоры в обсуждаемом типе аргументации является то, что она не меняет имеющихся ценностных предпочтений адресата, тем самым метафоры, использованные А. Линкольном, не затрагивают структуры ценностей участников аргументативного дискурса.

1. Баранов А.Н. Когнитивные механизмы онтологизации знания в зеркале языка // Труды по искусственному интеллекту. Тарту: ТГУ. 1988. Выпуск 793. с. 21–39.

2. Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. М: Прогресс. 1985. Выпуск 16. с. 238–250.

3. Гаджиев К.С. Американский протестантизм: История и современность [Текст] // Новая и новейшая история. М. 1993. № 1. с. 96–114.

4. Лагута О.Н. Метафорология: Теоретические аспекты. Новосибирск: НГУ, 2003. Ч. 1. 114 с.

5. Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М: Прогресс. 1986. Выпуск 17. с. 170–194.

6. Хахалова С.А. Метафора в аспектах языка, мышления и культуры. Иркутск: ИГЛУ, 1998. 249 с.

7. Brown B. F. Witness to the Young Republic // A Yankee's Journal. London: University Press. 1989. 675 p.

8. Greenstone D. J. The Lincoln Persuasion. Remaking American Liberalism. Pringeton, New Jersey: Pringeton University Press, 1993. 310 p.

References

1. Baranov A. N. Kognitivnye mexanizmy ontologizacii znaniya v zerkale yazyka // Trudy po iskusstvennomu intellektu. Tartu: TGU. 1988. Vypusk 793. s. 21–39.

2. Vendler Z. Illokutivnoe samoubijstvo // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. M: Progress. 1985. Vypusk 16. s. 238–250.

3. Gadzhiev K. S. Amerikanskij protestantizm: Istoriya i sovremennost' [Tekst] // Novaya i novejšhaya istoriya. M. 1993. № 1. s. 96–114.

4. Laguta O. N. Metaforologiya: Teoreticheskie aspekty. Novosibirsk: NGU, 2003. Ch. 1. 114 s.

5. Serl' Dzh. R. Klassifikaciya illokutivnyx aktov // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. M: Progress. 1986. Vypusk 17. s. 170–194.

6. Xaxalova S. A. Metafora v aspektax yazyka, myshleniya i kul'tury. Irkutsk: IGLU, 1998. 249 s.

7. Brown B. F. Witness to the Young Republic // A Yankee's Journal. London: University Press. 1989. 675 p.

8. Greenstone D. J. The Lincoln Persuasion. Remaking American Liberalism. Pringeton, New Jersey: Pringeton University Press, 1993. 310 p.

UDC 808.53

DOI 10.17506/dipi.2018.32.3.5056

COGNITIVE FEATURES OF THE METAPHOR IN THE LOGICAL TYPE OF ARGUMENTATION OF A. LINCOLN'S DISCOURSE

Shadaeva Lada Innokentievna,

INRTU,
Institute of Linguistics and Intercultural Communication,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Russia, Irkutsk,
E-mail: Shadaeva@mail.ru

Annotation

We give a statement that a logical reasoning is aimed at re-interpreting the thesis within the framework of a given value. The cognitive feature of the metaphor in the discourse of A. Lincoln is that it does not change the existing value preferences of the addressee, the American people, but, precisely, the equality of all people and their representation of freedom.

Key concepts:

discourse, metaphor, argumentation, world view.

УДК 321

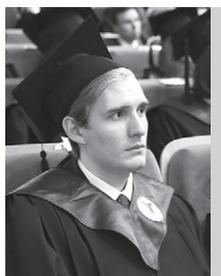
DOI 10.17506/dipi.2018.32.3.5771

СОВРЕМЕННАЯ УКРАИНА: ОЦЕНКА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (1991–2016)

Пономарева Елена Георгиевна,

МГИМО МИД России,
профессор кафедры сравнительной политологии,
доктор политических наук, профессор,
Россия, Москва,
E-mail: politology@mgimo.ru

Зарытов Павел Игоревич,

МГИМО МИД России,
аспирант кафедры сравнительной политологии,
магистр политологии,
Россия, Москва,
E-mail: zarytov.pavel@mail.ru

Аннотация

Государственная состоятельность – базовая характеристика внутренней природы конкретного социума, определяющая место страны в мировой «табели о рангах». Уровень состоятельности зависит от комплекса социально-экономических, демографических, этнокультурных, управленческих и военно-политических факторов, являющихся главными ее индикаторами. В данной статье, посвященной анализу и оценке государственной состоятельности современной Украины, фокус сделан на статистических (вторичных) данных. В то же время интерпретация полученной информации дается на основе традиционного анализа документов и источников. Особое внимание уделено изучению этнополитических и этнокультурных расколов; отношений украинской власти и бизнеса; процесса институционализации формальных и неформальных практик; характеру украинского правящего класса, в том числе его взаимодействию с внешними игроками, а также возможностей и перспектив консолидации общества и преодоления кризиса.

Ключевые понятия:

современная Украина, государственная состоятельность, индикаторы состоятельности, украинский кризис, государственное строительство.

В докладе Российской ассоциации политической науки (РАПН) «Председательство Латвии в ЕС-2015» была предельно четко зафиксирована оценка событий на Украине 2013–2014 гг., спровоцировавших «крупнейший на евразийском пространстве геополитический кризис с начала нового столетия, который привел к не только коллапсу украинскую экономику и государственную систему, но и определил территориальный распад страны» [5, с. 3]. К настоящему моменту историография украинского кризиса, начиная от анализа технологий государственного переворота в Киеве и заканчивая причинами военно-политического конфликта на Востоке страны, весьма обширна. Ситуация на Украине по степени влияния на мировую экономику и международную ситуацию давно переросла балканский кризис 1990-х годов, сформировав настоятельную потребность в создании академической исследовательской площадки аналогичной Центру по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения РАН. Однако, несмотря на огромную работу, проделанную отечественными и зарубежными учеными, некоторые факторы, повлиявшие на формирование и эволюцию украинского казуса, оказались либо за рамками научного анализа, либо не в полной мере изученными. Восполнить существующие пробелы призвано исследование влияния динамики демографических, социально-экономических, политических, военных и макроэкономических показателей на уровень состоятельности украинского государства. С нашей точки зрения именно уровень состоятельности государства есть социально-политический «ключ», способный как наглухо закрыть, так и открыть «ящик Пандоры» конфликтов и кризисов. В целях максимальной объективности хронологический период охватывает четверть века – с 1991 по 2016 гг.

Государственная состоятельность: методологические уточнения

Государственность – особый признак, состояние развития определенного общественного образования (нации, народа), сумевшего создать собственное государство, национальную правовую систему или восстановить эти институты, утраченные в силу различных причин. Государственность – это свойство, качество, состояние общества на конкретном историческом этапе его развития. Иными словами, государственность есть сущность, качество государства. Государство же – проявление, форма, «скорлупа» государственности. Таким образом, государственность есть не что иное, как качественная сторона государства, которая наполняет государство как политический институт жизнью, организует не только всю человеческую, но даже отчасти географическую и биологическую среды конкретного социума на «известной ступени развития» [21, с. 362].

Понятие «государственность» шире и глубже, чем понятие «государство». Когда мы говорим, что у какого-то народа есть государственность, это означает, что этот народ имеет или может иметь свое государство. Государственность опре-

деляет весь строй общественной жизни, политический порядок, состоятельность государства. В свою очередь государство как институт должно соответствовать государственности того или иного народа. Для того чтобы стать состоявшимся государством, а не «кучей геополитической щебенки» [20, с. 25], в обществе должна вырваться идея государственности.

Максимально полное раскрытие понятия «государственность» представляется возможным через наложение таких характеристик, как статусность и состоятельность. Впервые на это обратил внимание еще в конце 1960-х годов американский исследователь Дж. П. Неттл. Под состоятельностью ученый предлагал понимать «соответствие своей собственной природе государства-состояния», которое характеризует внутреннее развитие социума. В свою очередь статусность характеризует «принадлежность к сообществу государств-состояний» [27, с. 563], т. е. позволяет определить место и роль этого государства в мировой системе.

С конца XX в., когда государства на политической карте мира стали расти, как грибы, статусность практически перестала зависеть от внутренней природы государства, а ее обретение стало, прежде всего, геополитическим инструментом и политической технологией. Достаточно назвать самые известные примеры частично признанных – Абхазия, Косово, Южная Осетия – и непризнанных – Нагорный Карабах, Приднестровье – государств, чтобы в очередной раз убедиться, что их судьба зависит не от «своей собственной природы» – состоятельности, но от интересов ведущих игроков мировой политики.

Однако большее значение состоятельность имеет для признанных международным сообществом стран, и прежде всего для членов ООН, поскольку формирует социально-политическую среду значимости решений этой наднациональной структуры. Дело в том, что состоятельность зависит не только от исторического развития нации, но от комплекса социально-экономических, демографических, этнокультурных, управленческих и военно-политических факторов, являющихся главными ее индикаторами. Поэтому ответ на вопрос: «Состоятельна ли современная Украина?» предполагает изучение названных индикаторов. В данной статье фокус сделан на статистических (вторичных) данных. В то же время интерпретация полученной информации дается на основе традиционного анализа документов и источников. Основным ограничением для проведения данного исследования является объем статистических данных, находящихся в свободном доступе. Во-первых, не все актуальные данные доступны, поэтому хронологические рамки ограничены 2016 годом. Во-вторых, это ограничители методологии сбора данных и их интерпретации.

Демографический и этнолингвистический индикаторы состоятельности

В историко-политическом смысле Г. Гейне был прав – «народы вечны: смертны лишь короли» [7, с. 125]. Основу любого государства составляют народы, нации: без них нет и не может быть государства. В то же время не столько количество населения, сколько качество «человеческого материала» [2, с. 168] определяет уровень государственной состоятельности, поскольку демографический индикатор непосредственным образом связан с экономическими, политическими, культурными и иными определяющими жизнеспособность страны факторами.

Согласно данным Государственной службы статистики Украины (Госстат) с 1991 по 2016 г. численность украинского населения уменьшилась на 10 млн. человек [32]. Цифра убийственная – это чуть меньше численности населения современных Греции, Португалии, Швеции и немного превышает демографические показатели Беларуси и Чехии. Причем, это официальные данные, реальность всегда намного страшнее.

Общемировая практика доказывает, что изменение демографического индикатора напрямую коррелирует с качеством выполняемых государством функций. Иными словами, государство, не способное обеспечить стабильное функционирование политической и экономической систем, а также безопасность граждан, сталкивается с проблемой стремительного сокращения населения, которое зависит от трех главных показателей – это смертность, снижение рождаемости и эмиграция. Отрицательная динамика прироста населения негативно сказывается на жизнеспособности государства, которое лишается важнейшего капитала – человеческого. Ситуация, сложившаяся на Украине, есть свидетельство неспособности руководства страны, в отличие от таких постсоветских республик, как Беларусь, Казахстан, Россия, Узбекистан, создать условия для выхода из демографического кризиса 1990-х годов. Одной из главных причин такого положения вещей специалисты называют низкую эффективность, а в целом ряде случаев – полное отсутствие социальных программ [8, с. 55–65].

Массовый отток в 1990-ые годы высококвалифицированных кадров, преимущественно на Западе в Россию, серьезно ударил по демографическим показателям, что естественным образом отразилось на экономическом развитии. Негативными последствиями демографического кризиса для Украины являются старение населения и, как следствие, убыль рабочей силы [38], что, в свою очередь, ведет к сокращению пенсий, пособий, свертыванию социальных программ. Предложения по привлечению специалистов из других стран остаются крайне дискуссионными и на данный момент экономически нереализуемыми. Осложняет демографическую ситуацию утрированно гетерогенный характер украинского общества, резкое усиление после событий 2014 г. этнокультурных противоречий и «социальных размежеваний» [13, с. 210], что порождает серьезные проблемы, способные в любой момент и на любом уровне (область, город, село) стать конфликтогенами нового раскола.

Явные линии этнокультурных и лингвистических размежеваний, обозначившиеся на момент провозглашения независимости Украины, не только не были сглажены в процессе становления независимой политики, но к началу XXI в. серьезным образом актуализировались. Перепись 2001 г. со «стеклянной ясностью» (вспомним В. Набокова) выявила раскол украинского государства на два больших, в значительной степени консолидированных этнокультурных сегмента.

Первый кластер – восточно-украинский. В него входят Донецкая, Харьковская, Луганская, Запорожская и Одесская области. До 2014 г. к нему относились Автономная Республика Крым и г. Севастополь. Херсонская и Днепропетровская области к данному кластеру не относятся (таблица 1).

Второй кластер – западно-украинский – включает Львовскую, Ивано-Франковскую и Тернопольскую области (историческая область Галиция) и Волынскую область (историческая область Волынь).

Таблица 1 – Этнолингвистическая ситуация на Украине [4]

Регион	Русские	Украинцы	Русский язык	Украинский язык	Всего жителей
АР Крым	1180441	492227	1549422	202761	2024056
Донецкая обл.	1844399	2744149	3615461	1163085	4825563
Луганская обл.	991825	1472376	1748589	762402	2540191
Харьковская обл.	742025	2048699	1282659	1557980	2895813
Одесская обл.	508537	1542341	1030090	1136571	2455666
Запорожская обл.	476748	1364095	928616	967328	1364095
г. Севастополь	269953	84420	341538	25489	377153
Херсонская обл.	165211	961584	291483	858336	1172689
Днепропетровская обл.	627531	2825781	1136537	2386087	3561224
Волынская обл.	25132	1024955	26499	1028271	1057214
Львовская обл.	92565	2471033	98286	2484094	2605956
Ивано-Франковская обл.	24925	1371242	24984	1375275	1406129
Тернопольская обл.	14194	1113516	13562	1119574	1138500

Этнолингвистический раскол усугубляется этноконфессиональным. По экспертным и опросным данным от 40% до 60% религиозных общин на юго-востоке Украины относятся к Украинской православной церкви Московского патриархата. Во Львовской, Тернопольской и Ивано-Франковской областях доминирует Украинская греко-католическая церковь [9, с. 233].

Таким образом, на Украине существует два этнокультурных кластера, располагающихся рядом с государственной границей страны и имеющих в целом гомогенное и консолидированное население. Согласно эмпирическому опыту и концептуальным наработкам [23; 24; 25; 26], состоятельность и эффективность государства проявляется, в частности, в его способности сглаживать потенциальные конфликты между существующими сегментами и в готовности предоставлять им определенный уровень автономии. Применительно к Украине подобная практика могла бы стать способом предотвращения этнополитического и этнотерриториального конфликта.

Наличие консолидированных этнокультурных сегментов не является априори негативным фактором воздействия на государственную состоятельность. Широко известны примеры не просто мирного, но взаимобогащающего развития сегментов, включенных в общую политическую рамку. Показателен опыт Индии, Маврикия, России, Сингапура, Швейцарии. Сглаживание этнокультурных и социальных расколов достигается посредством политических технологий и/или социально-культурных и экономических методов. К конфликту, подрывающему состоятельность страны, приводит либо бездействие, либо отсутствие после-

довательной политики по преодолению разногласий между сегментами, либо действия, которые приводят к столкновению интересов или в высшей степени противоречат статус-кво. Более того, верховная власть, провоцирующая усиление раскола, выбирая сторону одного сегмента, перестает быть представителем всего народа и фактически утрачивает право на сохранение прерогативы принципа территориальной целостности над принципом самоопределения народов.

На это важное положение одним из первых обратил внимание А. Бьюкенен. В 1991 г., как раз в момент крушения двух «империй» – СССР и СФРЮ – им было обосновано право на сецессию. Сразу следует оговориться, что острое бьюкененовского подхода, оправдывающего сецессию, было направлено против крупных состоятельных государств, каковыми являлись Советский Союз и социалистическая Югославия. Однако при анализе выбранного казуса его позиция работает на защиту интересов всех сегментов украинского общества, в ряду которых не только этнические русские и русскоговорящие, но венгры, русины, поляки, чехи.

Итак, Бьюкенен писал: «Если государство настойчиво продолжает совершать серьезную несправедливость по отношению к отдельной группе и формирование группой собственной независимой политической единицы выступает последним возможным средством защиты, то международное сообщество должно признать ее право отказаться быть под властью государства и попытаться создать свою собственную независимую политическую единицу» [22, с. 335]. Конечно, причины сецессии различны и далеко не всегда они лежат в «несправедливом отношении» к сегменту. Например, огромные преференции и дотации, которые получал автономный край Сербии Косово и Метохия, не смогли в силу психоисторических причин сдержать рост агрессивного национализма в регионе, который в свою очередь был поддержан международным сообществом, и на штыках НАТО было создано новообразование «Республика Косово» [16, с. 108–109].

Однако вернемся к ситуации на Украине. Текущий конфликт был предопределен, по меньшей мере, тремя факторами. Во-первых, это разрушение СССР, которое готовилось и осуществлялась во всех союзных республиках руками националистических структур. На Украине крайне бурная активизация организаций националистического толка была определена как историческим бэкграундом, так и сохранившимся бандеровским подпольем в республике и мощной диаспорой в Австралии, Канаде, странах Латинской Америки. Главная цель крайне правых и радикальных националистов – создание «суверенной соборной украинской державы» и установление «нового порядка в Европе и мире» [1], институционально оформленная в 1941 г. в «Акте возрождения украинского государства», за последнюю четверть века эволюционировала от идеи маргинальных групп до официальной доктрины русофобствующего режима.

Во-вторых, украинский правящий класс с момента провозглашения «независимости» не занимался вопросами государственного строительства, в ряду которых стояла разработка мер по сглаживанию этнокультурных/социальных размежеваний и конфликтных ситуаций в отношениях между западными и восточными регионами страны. Основной задачей украинской власти и околовластных групп была аккумуляция и приватизация экономических ресурсов, что в конечном итоге привело к формированию клановой системы в богатых регионах страны, прежде всего, в Донецкой, Днепропетровской и Одесской областях.

Непонимание проблемы расколов и сегментированной [19, с. 106] природы украинского общества, а возможно ее сознательное обострение, определило закрепление в Конституции 1996 г. (Ст. 2) принципиального подхода национал-демократов – унитарной формы государственного устройства, что стало одним из факторов современного кризиса [12].

В-третьих, триггером обострения конфликтной ситуации стала отмена в феврале 2014 г. Верховной Радой Закона о региональных языках, согласно которому русский язык имел статус регионального языка в 13 из 27 административно-территориальных единиц [10]. Начавшийся в апреле 2014 г. вооруженный конфликт на территории Донецкой и Луганской областей, приведший к многочисленным жертвам и массовому оттоку населения [15], за пределами уровня турбулентности политической системы и институционализации новых государственных образований – ДНР и ЛНР, коллапсу экономики страны, окончательно похоронил возможность заново сшить «лоскутое одеяло» украинского государства, которое формировалось за счет включения разных территорий и народов в административные границы Советской Украины [17, с. 294]. Спровоцированный центральной властью открытый конфликт на юго-востоке страны окончательно подорвал государственную состоятельность Украины.

Экономический индикатор оценки государственной состоятельности

Этнополитический конфликт, вылившийся в военное противостояние государствообразующих сегментов, значительно снизил уровень внутренней безопасности и ударил по экономике. Корреляция экономической ситуации на Украине с конфликтом на Донбассе и событиями на Майдане хорошо прослеживается на графике, отображающем экономический рост через изменение динамики ВВП, измеряемого в долларах США [36] (рисунок 1).

ВНД на душу населения с 1989 по 2000 гг. снизился с 1620 до 700 долл. США [37], затем рос все нулевые годы (за исключением мирового финансового кризиса 2008–2009 гг.), достигнув в 2013 г. отметки 3800 долл. США. После государственного переворота 2014 г. этот показатель начал падать и в 2016 г. составлял 2310 долл. США.

Экономический спад, сопоставимый с кризисом 2008–2009 гг., объясняется сокращением прямых иностранных инвестиций [29] из-за неблагоприятной политической и экономической конъюнктуры, резким ухудшением торгового баланса с основными партнерами – ЕС и РФ [30], военными действиями на территории Донецкой области – важного для украинской экономики региона [31], перманентно высокой коррупционной составляющей [34], уходом некоторых крупных предприятий с украинского рынка, низким технологическим развитием экономических мощностей [33].

Проблемы, приведшие к рецессии 2013–2015 гг., по-прежнему остаются неразрешенными. Взаимодействие в формате Минских соглашений не является определяющим для руководства республики. Украинские власти продолжают воспринимать Россию в качестве «чужого», пренебрегая собственными экономическими интересами и надеясь на финансовую помощь (кредиты и займы) ЕС, США и МВФ, которая на практике не только не позволяет укрепить государство, но ведет к его постепенному разрушению. «Финансы – важнейший способ

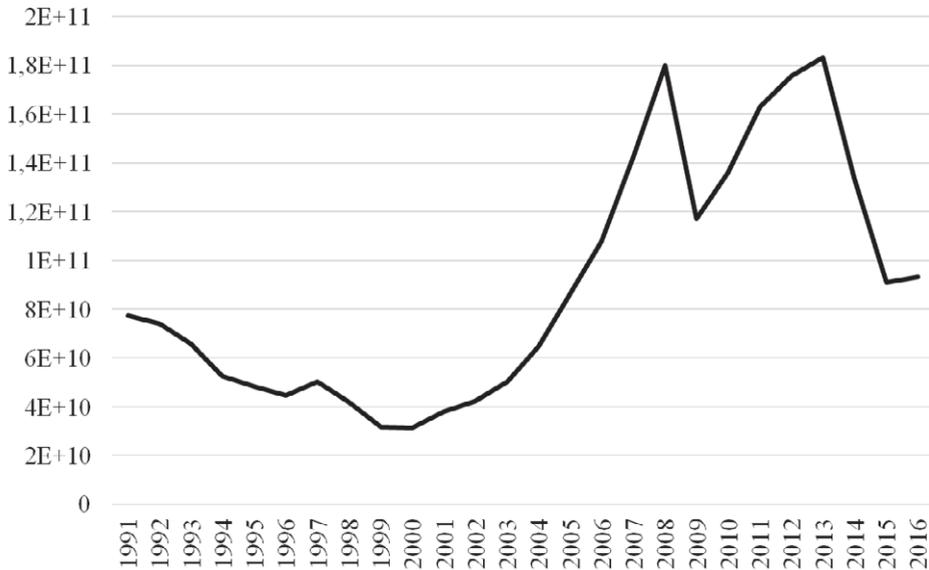

Рисунок 1 – Изменение динамики ВВП с 1991 по 2016 гг. (по текущему курсу долл. США)

управления и подчинения; реализации интересов и достижения целей. Опасность этого инструмента возрастает в разы, когда кредитуются государства» [18, с. 10]. Не случайно К. Маркс назвал государственный долг «отчуждением государства» [14, с. 764].

Очевидно, что украинские политики не читали ни «Капитал» К. Маркса, ни «Капитал в XXI веке» Т. Пиккети. Они не имеют реальной картины мира и не могут мыслить стратегически. В краткосрочном же периоде «новая приватизация» [3], усиливающееся ограбление населения (повышение тарифов и налогов на фоне сокращения пенсий и пособий), и кредиты позволяют временно стабилизировать экономическую ситуацию. Корреляция между объемами трансшей и экономическим ростом свидетельствует о высокой степени зависимости Украины от иностранных кредитов [11, с. 36–37]. Данное обстоятельство подрывает независимость финансовой и экономической системы, ведет к сокращению государственных расходов и сворачиванию социальных программ, девальвации валюты. К этому следует добавить увеличение инфляции – до 38% [35], рост безработицы и сокращение оплаты труда [28]. Все это вместе формирует политическую зависимость реципиента от кредитора: происходит «сжимание» суверенитета, что, безусловно, негативно сказывается на состоятельности государства.

Стремительное ухудшение экономического положения страны, длившийся около трех лет, и несколько стабилизировавшееся в 2016 г. является, прежде всего, следствием политических решений, принимаемых как внутренними, так и внешними игроками. Примерами действий внешних игроков, оказавших

влияние на состоятельность Украины, являются: «игра с нулевой суммой» под названием «Программа «Восточное партнерство», начатая ЕС еще в 2009 г. [6, с. 21]; ошибки российской власти при взаимодействии с украинским правящим классом, а также экономическими игроками, начиная с 1991 г.; активная деятельность западных НКО, продвигающих деструктивные ценности и интересы. Данные действия незамедлительно оказали негативное воздействие на экономику, а затем, усиливая друг друга и порождая новые проблемы, привели к военному конфликту, дальнейшей активизации радикальных политических групп, к переделу собственности.

Стоит отметить, что для Украины некоторые из вышеперечисленных проблем не являются уникальными. Экономика страны переживала рецессию в 90-х годах XX в. и после мирового финансового кризиса. Инфляция в 1993 г. достигла значимых высот – 3,334,801% [35], а политический кризис и забастовки шахтеров 1993 г. привели к досрочным президентским выборам 1994 г., принесшим победу, правда во втором туре, «национальному» политику, имевшему поддержку в среде прозападно ориентированных кругов – Л. Кучме. «Оранжевая революция» 2004–2005 гг. стала еще одним следствием продолжавшегося экономического кризиса.

Таким образом, постсоветская Украина с момента провозглашения независимости испытывала перманентные кризисы. Серьезным отличием современного украинского кризиса является не только коллапс экономики, но утрата контроля над частью территории и национального суверенитета по факту доминирования во внутренней и внешней политике интересов наднациональных (ЕС, НАТО, МФВ) и транснациональных структур, в том числе международного криминала. В результате степень государственной состоятельности не только существенно снизилась, но стремится к нулю.

Состоятельна ли современная Украина?

Главным фактором, влияющим на степень состоятельности современной Украины, является военно-политический конфликт на Донбассе. К негативным последствиям конфликта, формирующим ситуацию десостоятельности страны, относятся многочисленные жертвы и потери с обеих сторон; значительный отток населения в соседние области и страны; разрушение инфраструктуры регионов, попавших в зону боевых действий; возникновение неподконтрольных Киеву батальонов (фактически, бандформирований) в зоне т. н. АТО, активность которых может в любой момент быть направлена на центральную власть; формирование крупных нелегальных рынков оружия и расширение коридоров наркотрафика; разрушение экономических связей с Россией и отчасти с Белоруссией.

Возможности для разрешения конфликта серьезно ограничены. В настоящий момент не существует четких интенций со стороны украинской власти. Если руководство ДНР и ЛНР ориентируется на Вторые Минские соглашения, то официальный Киев, опираясь на внешних кураторов – ЕС и США, считающих конфликт на юго-востоке международным и обвиняющих в его «замораживании» Россию, не рассматривает данные договоренности в качестве «дорожной карты».

Патовая ситуация в процессе преодоления и урегулирования конфликта формирует новую «нормальность» – сохранение статус-кво, когда конфликт характеризуется невысокой степенью интенсивности. Однако строить государство

и развивать государственность в таких условиях не представляется возможным. Раскол между фактическим и метафизическим украинским Западом и Востоком достаточно прочно укоренился в политическом дискурсе и социальной практике. Для силового решения «восточного вопроса» у украинских властей недостаточно ни политических, ни экономических, ни военных ресурсов, поэтому они являются добровольными заложниками Вашингтона и Брюсселя. В условиях новой «нормальности» государственное строительство предается забвению – украинский политический класс, не жалея живота своего, продолжает приватизацию государства, борется за сохранение власти и капитала. Сложившаяся нефеодалная модель управления при фасадной многопартийности со значительной долей вероятности в ближайшее время приведет к очередной неинституциональной смене власти, возможно, при посредничестве все тех же внешних игроков.

Проведенный анализ развития современной Украины выявил крайне проблемное содержание всех базовых индикаторов государственной состоятельности. Постмайданная Украина стала триггером крупнейшей на евразийском пространстве с начала нового столетия геополитической турбуленции, которая не только изменила степень государственной состоятельности страны, но стала дестабилизирующим фактором европейской и мировой политики [17, с. 294].

Масштабный кризис вызревал все годы независимости и в определяющей степени стал следствием безответственной политики украинского руководства, которое в течение всех лет независимости вело страну к политическому и социально-экономическому банкротству. Обладая в 1991 г. второй по значимости на постсоветском пространстве экономикой, уникальными природно-географическими ресурсами, мощнейшей военно-технической базой, развитой инфраструктурой и высококвалифицированным человеческим капиталом, Украина имела все шансы стать примером успешного и эффективного государства. Однако мелочность и корыстолюбие украинских политиков, для которых стремление к личному обогащению стало неодолимой силой, превратило богатую страну в европейскую нищенку, лишило ее элементарных основ государственной состоятельности. В итоге ответ на вопрос «Состоятельна ли современная Украина?» очевиден: нет. Тем не менее, выход их сложившейся ситуации есть. Возрождение страны и вторичное обретение государственной состоятельности возможно лишь через консолидацию и активизацию всех здоровых сил украинского общества.

1. Акт проголошення Української держави // Самостійна Україна. Станіславів. 10 липня 1941.

2. Бухарин Н. Экономика переходного периода // Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. М.: Политиздат, 1989. С. 94–176.

3. В 2018 році ProZorro. Продажі планує продати на 2 млрд. активів “Укрзалізниця” і на 10 млрд. – банківських активів. 2018. URL: <http://www.me.gov.ua/News/Detail?lang=uk-UA&id=ba91ae61-0bbf-4254-acbb-e87d8d8a1e8f&title=V2018-RotsiProzorro-prodazhiPlanuProdatiNa2-MlrdAktivivukrzaliznitsiINa10-MlrdBankivskikhAktiviv> (дата обращения: 30.06.2018).

4. Всеукраинская перепись населения 2001 г. Распределение населения по национальности и родному языку. 2001. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/>

results/nationality_population/nationality_popul1/ (дата обращения: 30.06.2018).

5. Гаман-Голутвина О.В., Пономарева Е.Г., Шишелина Л.Н. Председательство Латвии в ЕС-2015: «Восточное партнерство» вместо или вместе с Россией // Аналитический доклад. М.: РАПН, 2014. 92 с.

6. Гаман-Голутвина О.В., Пономарева Е.Г., Шишелина Л.Н. «Восточное партнерство»: борьба сценариев развития // Полис. 2014. № 5. С. 20–40.

7. Гейне Г. Собр. соч. в 6 т. Т. 4: Проза 30-х годов. М.: Художественная литература, 1982. 590 с.

8. Герасименко А.В. Оценка влияния социальных программ на динамику рождаемости в Украине // Демография и социальная экономика. 2010. № 1 (13). С. 55–65.

9. Днистрянский М.С. Политическая география Украины: учебное пособие. Львов: ЛНУ имени Ивана Франка, 2014. 348 с.

10. Закон України «Про засади державної мовної політики». – Відомості Верховної Ради (ВВР). 2013. № 23. ст. 218. URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/5029-17> (дата обращения: 30.07.2018).

11. Клунко Н.С. Преимущества и недостатки сотрудничества МВФ и Украины: влияние траншей на внешний долг страны // Міжнародний науковий журнал Інтернаука. 2018. № 4 (44). С. 32–39.

12. Лапкин В.В., Пантин В.И. Кризис украинской государственности: политико-правовой, ценностный и геэкономический аспекты // Полис. 2014. № 5. С. 68–89.

13. Липсет С., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы предпочтения избирателей. Предварительные замечания // Политическая наука. 2004. № 4. С. 204–234.

14. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960. С. 4–900.

15. ОБСЕ. Специальная мониторинговая миссия ОБСЕ в Украине. URL: <https://www.osce.org/ru/special-monitoring-mission-to-ukraine> (дата обращения: 30.07.2018).

16. Пономарева Е.Г. Албанский фактор дестабилизации Западных Балкан: сценарный подход // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 2. С. 99–124.

17. Пономарева Е.Г. Вывихнутый век. Кто его вправит? М.: Книжный мир, 2016. 352 с.

18. Пономарева Е.Г. Трансгресс глобализации, или «Игра с нулевой суммой» // Обозреватель. 2018. № 4. С. 5–21.

19. Рёдер Ф.Г. Откуда берутся нации-государства: институциональные перемены в эпоху национализма // Политическая наука. 2008. № 4. С. 105–108.

20. Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. 543 с.

21. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в 3-х томах. Т. 3. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1979. С. 211–370.

22. Buchanan A. Justice, legitimacy and self-determination: Moral foundations for international law. N.Y.: Oxford univ. press, 2004. 520 p.

23. Horowitz D.L. Ethnic groups in conflict. Berkeley, CA: Univ. of California press, 1985. 697 p.

24. Horowitz D.L. Ethnic power sharing: Three big problems // Journal of democracy. Baltimore, MD, 2014. Vol. 25. № 2. P. 5–20.
25. Lijphart A. Patterns of democracy. New Haven, CT: Yale univ. press, 1999. 351 p.
26. Lijphart A. Thinking about democracy: Power sharing and majority rule in theory and practice. N.Y.: Routledge, 2007. 305 p.
27. Nettl J.P. The State as a Conceptual Variable // World Politics. Princeton, 1968. Vol. 20. № 4. P. 559–592.
28. State Statistics Service of Ukraine. Basic indicators on labor market (annual data). 2010–2017. URL: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2007/rp/ean/ean_e/osp_rik_b_07_e.zip (дата обращения: 30.07.2018).
29. State Statistics Service of Ukraine. Direct investment (equity capital) from countries of the world to Ukraine economy / from Ukraine: by country; by EU country; by type of economic activity, by region (2010–2017) (annual trends). 2010–2017. URL: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2017/zd/inv_zd/pi_ak_ks_reg/pi_ak_ks_reg_e.zip (дата обращения: 30.07.2018).
30. State Statistics Service of Ukraine. Dynamics of the geographical structure of foreign trade in goods. 1996–2017. URL: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2005/zd/zd_rik/zd_e/gz_rik_e.xls (дата обращения: 12.07.2018).
31. State Statistics Service of Ukraine. Gross Regional Product. 2004–2016. URL: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2008/vvp/vrp/vrp2015_e.zip (дата обращения: 12.07.2018).
32. State Statistics Service of Ukraine. Population. 1990–2017. URL: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2007/ds/nas_rik/nas_u/nas_rik_u.zip (дата обращения: 30.06.2018).
33. State Statistics Service of Ukraine. R&D personnel and number of the organizations. 1990–2015. URL: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2005/ni/ind_rik/XLS/Innov_2016_e.zip (дата обращения: 30.06.2018).
34. Transparency International. Индекс коррупции CPI. 2013–2017. URL: <https://ti-ukraine.org/cpi/> (дата обращения: 30.06.2018).
35. World Bank. Inflation, GDP Deflator (annual%). 1988–2017. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.DEFL.KD.ZG?locations=UA> (дата обращения: 30.06.2018).
36. World Bank. GDP (current US\$). 1987–2017. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=UA&view=chart> (дата обращения: 30.06.2018).
37. World Bank. GNIpercapita, Atlasmethod (currentUS\$). 1989–2016. URL: <https://data.worldbank.org/country/ukraine?view=chart> (дата обращения: 30.06.2018).
38. World Bank. Labor force, total. 1990–2017. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.TLF.TOTL.IN?locations=UA&view=chart> (дата обращения: 30.06.2018).

References

1. Akt progoloshennya Ukraïnskoï derzhavi // Samostijna Ukraïna. Stanislaviv. 10 lipnya 1941.

2. Buxarin N. E'konomika perexodnogo perioda // Buxarin N.I. Problemy teorii i praktiki socializma. M.: Politizdat, 1989. S. 94–176.
3. V2018rociProZorro.Prodazhiplanueprodatina2mlrd.aktiviv“Ukrzaliznici” i na 10 mlrd. – bankivs'kix aktiviv. 2018. URL: <http://www.me.gov.ua/News/Detail?lang=uk-UA&id=ba91ae61-0bbf-4254-acbb-e87d8d8a1e8f&title=V2018-RotsiProzorro-prodazhiPlanuProdatiNa2-MlrdAktivivukrzaliznitsiINa10-MlrdBankivskikhAktiviv> (data obrashheniya: 30.06.2018).
4. Vseukrainskaya perepis' naseleniya 2001 g. Raspredelenie naseleniya po nacional'nosti i rodnomu yazyku. 2001. URL: http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/nationality_population/nationality_popul1/ (data obrashheniya: 30.06.2018).
5. Gaman-Goluvina O.V., Ponomareva E.G., Shishelina L.N. Predsedatel'stvo Latvii v ES-2015: «Vostochnoe partnerstvo» vmesto ili vmeste s Rossiej // Analiticheskij doklad. M.: RAPN, 2014. 92 s.
6. Gaman-Goluvina O.V., Ponomareva E.G., Shishelina L.N. «Vostochnoe partnerstvo»: bor'ba scenarijev razvitiya // Polis. 2014. № 5. S. 20–40.
7. Gejne G. Sobr. soch. v 6 t. T. 4: Proza 30-x godov. M.: Xudozhestvennaya literatura, 1982. 590 s.
8. Gerasimenko A.V. Ocenka vliyaniya social'nyx programm na dinamiku rozhdaemosti v Ukraine // Demografiya i social'naya e'konomika. 2010. № 1 (13). S. 55–65.
9. Dnistrianskij M.S. Politicheskaya geografiya Ukrainy: uchebnoe posobie. L'vov: LNU imeni Ivana Franka, 2014. 348 s.
10. Zakon Ukraïni «Pro zasadi derzhavnoï movnoï politiki». – Vidomosti Verxovnoï Radi (VVR). 2013. № 23. st. 218. URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/5029-17> (data obrashheniya: 30.07.2018).
11. Klunko N.S. Preimushhestva i nedostatki sotrudnichestva MVF i Ukrainy: vliyanie transhej na vneshnij dolg strany // Mizhnarodnij naukovij zhurnal Internauka. 2018. № 4 (44). S. 32–39.
12. Lapkin V.V., Pantin V.I. Krizis ukrainskoj gosudarstvennosti: politiko-pravovoj, cennostnyj i geoe'konomicheskij aspekty // Polis. 2014. № 5. S. 68–89.
13. Lipset S., Rokkan S. Struktury razmezhevanij, partijnye sistemy predpochteniya izbiratelej. Predvaritel'nye zamechaniya // Politicheskaya nauka. 2004. № 4. S. 204–234.
14. Marks K. Kapital // Marks K., E'ngel's F. Sochineniya. T. 23. M.: Gospolitizdat, 1960. S. 4–900.
15. OBSE. Special'naya monitoringovaya missiya OBSE v Ukraine. URL: <https://www.osce.org/ru/special-monitoring-mission-to-ukraine> (data obrashheniya: 30.07.2018).
16. Ponomareva E.G. Albanskij faktor destabilizacii Zapadnyx Balkan: scenarnyj podxod // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2018. № 2. S. 99–124.
17. Ponomareva E.G. Vyvixnutyj vek. Kto ego vpravit? M.: Knizhnyj mir, 2016. 352 s.
18. Ponomareva E.G. Transgress globalizacii, ili «Igra s nulevoj summoj» // Obozrevatel'. 2018. № 4. S. 5–21.
19. Ryoder F.G. Otkuda berutsya nacii-gosudarstva: institucional'nye peremeny v e'poxu nacionalizma // Politicheskaya nauka. 2008. № 4. S. 105–108.
20. Cymburskij V.L. Ostrov Rossiya. Geopoliticheskie i xronopoliticheskie

raboty. 1993–2006. M.: ROSSPE'N, 2007. 543 s.

21. E'ngel's F. Proisxozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva // Marks K., E'ngel's F. Izbrannye proizvedeniya v 3-x tomah. T. 3. M.: Izd-vo polit. litry, 1979. S. 211–370.

22. Buchanan A. Justice, legitimacy and self-determination: Moral foundations for international law. N.Y.: Oxford univ. press, 2004. 520 p.

23. Horowitz D.L. Ethnic groups in conflict. Berkeley, CA: Univ. of California press, 1985. 697 p.

24. Horowitz D.L. Ethnic power sharing: Three big problems // Journal of democracy. Baltimore, MD, 2014. Vol. 25. № 2. P. 5–20.

25. Lijphart A. Patterns of democracy. New Haven, CT: Yale univ. press, 1999. 351 p.

26. Lijphart A. Thinking about democracy: Power sharing and majority rule in theory and practice. N.Y.: Routledge, 2007. 305 p.

27. Nettl J.P. The State as a Conceptual Variable // World Politics. Princeton, 1968. Vol. 20. № 4. P. 559–592.

28. State Statistics Service of Ukraine. Basic indicators on labor market (annual data). 2010–2017. URL: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2007/rp/ean/ean_e/osp_rik_b_07_e.zip (data obrashheniya: 30.07.2018).

29. State Statistics Service of Ukraine. Direct investment (equity capital) from countries of the world to Ukraine economy / from Ukraine: by country; by EU country; by type of economic activity, by region (2010–2017) (annual trends). 2010–2017. URL: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2017/zd/inv_zd/pi_ak_ks_reg/pi_ak_ks_reg_e.zip (data obrashheniya: 30.07.2018).

30. State Statistics Service of Ukraine. Dynamics of the geographical structure of foreign trade in goods. 1996–2017. URL: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2005/zd/zd_rik/zd_e/g_s_rik_e.xls (data obrashheniya: 12.07.2018).

31. State Statistics Service of Ukraine. Gross Regional Product. 2004–2016. URL: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2008/vvp/vrp/vrp2015_e.zip (data obrashheniya: 12.07.2018).

32. State Statistics Service of Ukraine. Population. 1990–2017. URL: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2007/ds/nas_rik/nas_u/nas_rik_u.zip (data obrashheniya: 30.06.2018).

33. State Statistics Service of Ukraine. R&D personnel and number of the organizations. 1990–2015. URL: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2005/ni/ind_rik/XLS/Innov_2016_e.zip (data obrashheniya: 30.06.2018).

34. Transparency International. Индекс коррупции CPI. 2013–2017. URL: <https://ti-ukraine.org/cpi/> (data obrashheniya: 30.06.2018).

35. World Bank. Inflation, GDP Deflator (annual%). 1988–2017. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.DEFL.KD.ZG?locations=UA> (data obrashheniya: 30.06.2018).

36. World Bank. GDP (current US\$). 1987–2017. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=UA&view=chart> (data obrashheniya: 30.06.2018).

37. World Bank. GNIpercapita, Atlasmethod (currentUS\$). 1989–2016. URL: <https://data.worldbank.org/country/ukraine?view=chart> (data obrashheniya: 30.06.2018).

38. World Bank. Labor force, total. 1990–2017. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.TLF.TOTL.IN?locations=UA&view=chart> (data obrashheniya: 30.06.2018).

UDC 321

DOI 10.17506/dipi.2018.32.3.5771

THE MODERN UKRAINE: THE EVALUATION OF STATE CAPABILITY (1991–2016)

Ponomareva Elena Georgievna,

MGIMO University,
Professor of Comparative Politics Department,
Doctor of Political Sciences, Professor,
Russia, Moscow,
E-mail: politology@mgimo.ru

Zarytov Pavel Igorevich,

MGIMO University,
Post-graduate of Comparative Politics Department,
Master`s Degree in Political Science,
Russia, Moscow,
E-mail: zarytov.pavel@mail.ru

Annotation

State capability is the main feature of internal nature of a particular society that determines the position of the state in a world “ranking list”. State capability depends on a set of social, economic, demographic, ethnic, cultural and military factors as well as the government administrative machinery that are also considered to be the key indicators of state capability. This article deals with the analysis and evaluation of state capability of the modern Ukraine and focuses on the statistical (secondary) data. At the same time the interpretation of data is based on the traditional analysis of sources and documents. A particular attention is paid to the study of ethnic and political as well as ethnic and cultural cleavages; the interaction between the Ukrainian government and business; the institutionalization of formal and informal practices; the nature of Ukraine’s ruling class and its cooperation with external actors; and the prospects of national integration and conflict resolution.

Key concepts:

the modern Ukraine, state capability, the indicators of state capability, the Ukrainian crisis, ethnic and cultural groups, state-building.

УДК 316.344.42+323.396
DOI 10.17506/dipi.2018.32.3.7278

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

Наронская Анна Гегамовна,

Уральский федеральный университет,
кафедра теории и истории международных отношений,
кандидат политических наук, доцент,
Россия, Екатеринбург,
E-mail: naronsk.an@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются методологические основы изучения социальной динамики политических элит. Автор отмечает, что проблемы смены и преемственности политической элиты достаточно широко исследовались как в классической, так и в современной элитологии. Цель настоящей статьи – показать достоинства и недостатки различных концептуальных направлений при изучении динамики элитных групп.

Ключевые понятия:

политическая элита, политический процесс, элитогенез, транзитология, трансформация, неоинституционализм.

Проблема развития и динамики политической элиты достаточно широко исследовалась отечественными и западными элитологами. Особое место занимает данная тема в трудах классиков политической элитологии. Так, например, Вильфредо Парето – автор термина «политическая элита» – для объяснения социальной динамики сформулировал теорию «циркуляции элит». По мнению Парето, в результате циркуляции меняются два основных типа элит: «львы» и «лисы» (в данном случае Парето применял подход Н. Макиавелли). Парето считал, что элита львов стабильна, в ней доминируют застойные тенденции, в то время как элита лис – динамична и мобильна. Механизм социального равновесия функционирует нормально, когда система рекрутирования обеспечивает пропорциональный приток в элиту людей первого и второго типов. Если это равновесие нарушается, то может произойти радикальная (революционная)

смена элит, когда один тип элиты уничтожает другой. На взгляд Парето, наиболее эффективна постепенная смена, круговорот основных типов элит. Парето рассматривал кругооборот элит в качестве универсального закона истории, в результате которого обеспечивается преемственность элит [13; 14].

Другой классик элитологии Гаэтано Моска выделил две тенденции, определяющие мобильность и развитие господствующего класса (Моска не использовал термин «элита», а применял категорию «политический класс»):

1) аристократическую, которая ведет к закрытости и последующему вырождению правящего класса;

2) демократическую, которая в периоды социальных изменений обеспечивает пополнение правящего класса наиболее способными представителями общества.

«Все правящие классы стремятся стать наследственными, если не по закону, то фактически», – писал Моска [10, с. 187]. В частности, он указывал на стремление представителей правящего класса монополизировать институт образования, что обеспечивало «то особое преимущество для определенных индивидов, которое французы называли преимуществом *positions déjà* уже занятого положения» [10, с. 187]. Размышляя о динамике господствующего класса, Моска делал главный акцент на необходимость его пополнения «лучшими» представителями масс через существующие политические и социальные институты. Вместе с тем, он подчеркивал, что приток в элиту новых людей возможен только при сохранении ее преемственности. Отметим, что и Роберт Михельс, рассматривая мобильность и динамику элиты, указывал на то, что эффективное развитие элиты происходит не через ее радикальную смену, а через постепенную реорганизацию, в результате которой происходит слияние прежней и новой элит.

На основании классических теорий элиты можно сделать следующий вывод: любые, даже самые радикальные политические изменения, не устраняют полностью прежнюю политическую элиту, она просто включается в новую элиту в качестве ее части или – при революционных потрясениях – в виде отдельных фрагментов. Основания подобной преемственности достаточно очевидны: 1) нехватка в рядах новой элиты профессионалов, владеющих властными ресурсами, которые необходимы для управления страной; 2) наличие группы «перебежчиков», предусмотрительно покинувших старую элиту еще до ее поражения и вошедших в состав новой элиты; 3) невозможность быстрой смены старых кадров, даже на ключевых постах; 4) общая слабость новой элиты на первых порах, толкающая ее к компромиссу с прагматичными предшественниками [9; 10].

Проблемы упадка, кризиса и радикальной смены политической элиты находятся в центре внимания современной элитологии. Правда, если в классических теориях радикальная смена элиты в основном отождествлялась с революцией, то в современных исследованиях элит внимание фиксируется на том факте, что радикальные изменения механизмов формирования и функционирования политических элит могут происходить и без революций. Действительно, кризисы политической элиты и утрата ими легитимности в большинстве своем не сопровождаются сменой политической элиты, а лишь ведут к ее ограниченным преобразованиям. Относительно бескровные реформы авторитарных систем в Южной Европе в 70-е годы XX-го века усилили интерес к проблеме смены как политической системы в целом, так и политической элиты, в частности.

Дальнейшая популярность проблематики трансформации политических элит была обусловлена тем, что на посткоммунистическом пространстве смена элит не привела к революционному замещению одного состава элит другим, имела, по сути, эволюционный характер.

В большинстве случаев исследователи при рассмотрении смены и развития политических элит ориентировались на одну из двух теоретических схем:

1) теория «соревновательного элитизма» (Дж. Шумпетер), в рамках которой единственным критерием динамики элиты является замещение правительственных должностей через свободные и справедливые выборы [16];

2) плюралистическая модель «полиархии» (Р. Даль), в которой главными критериями функционирования и формирования политической элиты являются «состязательность» и «участие», а основными индикаторами ее демократичности – набор гражданских и политических прав и свобод [2; 5; 7].

Данные теоретические схемы создают определенные методологические проблемы для практического анализа переходных процессов, в частности, посткоммунистических элит. Например, критерий «свободных и справедливых выборов» не работает в ситуации, когда выборы не являются механизмом смены или развития элиты. При существовании «партий власти» результаты голосования – даже при наличии конкуренции – во многом обуславливаются административным ресурсом политической элиты, а также неравенством условий ведения предвыборной кампании. Таким образом, выборы могут не иметь никакого отношения к электоральной и элитной состязательности [2, с. 17–18].

Модель «полиархии» также создает серьезные затруднения при изучении динамики постсоветских элит. В ситуации, когда выборы не обеспечивают внутриэлитную конкуренцию и не являются механизмом обновления элиты, а дополняются такими явлениями, как клиентелизм и клановость, происходит значительное ограничение гражданского политического участия. Формирование реальной «гражданственности» едва ли возможно до возникновения значительного слоя граждан, автономных (прежде всего – экономически) по отношению к властям [2, с. 17–18].

Указанные модели рассматривают в качестве основных условий элитной динамики наличие стабильных политических и экономических институтов западной демократии, а также развитой гражданской политической культуры. Но данные схемы неэффективны в ситуации кризиса легитимности, падения эффективности политической элиты, снижения контроля над деятельностью представителей политической элиты, непредсказуемости поведения элитных групп. Важно и то, что перечисленные теоретические модели не включают в свой анализ неофициальные, скрытые стороны деятельности властвующих групп, которые в большинстве случаев определяют вектор развития любой политической элиты.

Следует отметить, что на сегодняшний день наиболее популярными концептуальными направлениями при изучении динамики элитных групп являются транзитологические подходы (Г. О'Доннелл, С. Хантингтон, А. Пшеворский), теория трансформации (К. фон Байме, Р. Дарендорфф, К. Дойч), а также теория неинституционализма (Д. Норт, Р. Коуз, Дж. Бьюкенен).

Транзитология изучает динамику политических элит как целенаправленное движение к демократическим механизмам формирования и функционирования

элитных групп. Условием эффективного развития данного процесса является наличие субъекта власти, знающего конечную цель движения и пользующегося доверием тех, кого он ведет в избранном направлении. Другими словами, речь идет о существовании легитимной правящей элиты, которая опирается на обоснованную программу действий и пользуется широкой поддержкой граждан. Особую роль в процессе «демократического транзита» играют учредительные выборы. Например, в Польше, Венгрии и Чехословакии в результате первых учредительных выборов, состоявшихся в 1989–1990 гг., к власти пришли оппозиционные силы. Следующие выборы привели к власти социал-демократические партии, в состав которых входили в основном посткоммунистические силы. Такая циркуляция доказывает, что именно институт выборов постепенно начинает играть решающую роль в процессе динамики политических элит [4, с. 6–15]. Ключевым аспектом демократического транзита является «пакт элит», который основан на компромиссе элитных групп по поводу политических институтов, норм и правил политической деятельности. Очевидно, что внутриэлитные конфликты приводят к значительному ослаблению каждой из конкурирующих групп. Поэтому формирование «сообщества элит», т. е. консолидации элиты становится наиболее рациональным решением [15].

Трансформационная теория акцентирует внимание на непосредственных действиях представителей политической элиты. В этом случае ни направление развития политических элит, ни его конечный результат не являются предрешенными, процесс трансформации правящей элиты исключает характерный для транзита вектор движения в заранее заданном направлении. Представители данной теории анализируют не столько результаты трансформаций, сколько сам процесс демократизации. Основаниями для рассмотрения динамики элит в рамках трансформационных подходов служат изменения, которые: 1) повышают зависимость социального статуса от профессионально-квалификационного и культурного потенциала групп политической элиты; 2) укрепляют институты гражданского общества; 3) интенсифицируют мобильность политической элиты; 4) позволяют перекрывать криминальные и неформальные каналы формирования элитных групп [6, с. 447].

И транзитологи, и представители теории трансформации рассматривают динамику элит как процесс ее демократизации. Теория трансформации, а также транзитологические схемы давали достаточно подробное представление о том, как происходят смены элит. Вместе с тем, они не могли обоснованно ответить на вопрос, почему же процессы и результаты смены политических элит столь различны [1], что свидетельствует, на наш взгляд, об определенных методологических погрешностях данных моделей.

Неоинституционализм также широко применяется для изучения проблем элитогенеза. Главным преимуществом теории неоинституционализма является то, что она позволяет элитологам изучать особенности динамики политической элиты через развитие формальных и неформальных институтов ее формирования и функционирования. Формальные институты – это правовые нормы, которые регулируют становление и деятельность политической элиты. Неформальные институты – это обычаи и традиции формирования и функционирования элиты. Неформальные институты выступают продуктом спонтанной эволюции и определяют отношение индивидов к различным вариантам «формальных ин-

ституты», предлагаемых государством [8, с. 54]. Смена формальных институтов происходит быстро, через введение новых правил игры, которые становятся привычным образом поведения для представителей политической элиты [6, с. 207–209]. Неформальные институты меняются медленно и могут вытеснять формальные институты, когда, например, «механизмы, призванные обеспечить демократию и верховенство права, либо разрушаются изнутри, либо превращаются в собственную противоположность» [3, с. 10]. Формальные и неформальные институты могут не только противостоять, но и дополнять друг друга. При деградации прежних формальных механизмов элитообразования регулирование политических процессов может происходить через устойчивые неформальные институты [2, с. 16–29].

Теория неоинституционализма дает возможность элитологам проследить конвергенцию (сближение) новых формальных институтов и неформальных практик. Если подобное сближение происходит, то это означает готовность основных групп политической элиты следовать универсальным нормам и правилам. Если конвергенции не происходит, то институциональное развитие заходит в тупик, новые механизмы формирования и функционирования политической элиты отторгаются [12, с. 59–60].

В целом, транзитологические подходы, теории неоинституционализма и трансформации имеют огромное значение для изучения социальной динамики политических элит, которая характеризуется высокой степенью неопределенности. В то же время, отмеченные модели концептуализации динамики и смены политических элит не являются совершенными и нуждаются в дальнейшем критическом осмыслении.

1. Байме К., фон. Теория трансформации – новая международная отрасль знания? // Государство и право. 1994. № 7. С. 148–160.
2. Гельман В.Я. Постсоветские политические трансформации // Полис. 2001. № 1. С. 15–30.
3. Гельман В.Я. «Подрывные институты» и неформальное управление в современной России. // Полития. 2010. № 2 (57). С. 6–24.
4. Голосов Г.В., Лихтенштейн А.В. «Партии власти» и российский институциональный дизайн: теоретический анализ // Полис. 2001. № 1. С. 6–15.
5. Даль Р. Предпосылки возникновения и утверждения полиархий // Полис. 2002. № 6. С. 34–57.
6. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. М.: Дело, 2002. с. 568.
7. Ледяев В.Г. Кто правит? Дискуссия вокруг концепции власти Роберта Даля // Социологический журнал. 2002. № 3. С. 10.
8. Либман А.М. Институциональная конкуренция и постсоветская трансформация (Влияние неформальных институтов) // Общественные науки и современность. 2006. № 6. С. 53–65.
9. Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Диалог. 1990. № 3. С. 55–59.
10. Моска Г. Правящий класс // Социс. 1994. № 10. С. 187–198.
11. Норт Д. Институты институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.

12. Панов П.В. Трансформации политических институтов в России: кросстемпоральный сравнительный анализ. // Полис. 2002. № 6. С. 58–70.

13. Парето В. Учебник политической экономики / Пер. с фр. А.А. Зотова и В.Л. Силаевой. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2017. 471 с.

14. Парето В. Из работы «О применении социологических теорий» // Социс. 1995. № 10. С. 137–145; 1996. № 1. С. 108–118.

15. Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. 320 с.

16. Шумпетер Дж. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. 540 с.

References

1. Bajme K., fon. Teoriya transformacii – novaya mezhdunarodnaya otrasl' znaniya? // Gosudarstvo i pravo. 1994. № 7. S. 148–160.

2. Gel'man V.Ya. Postsovetskie politicheskie transformacii // Polis. 2001. № 1. S. 15–30.

3. Gel'man V.Ya. «Podryvnye instituty» i neformal'noe upravlenie v sovremennoj Rossii. // Politiya. 2010. № 2 (57). S. 6–24.

4. Golosov G.V., Lixtenshtejn A.V. «Partii vlasti» i rossijskij institucional'nyj dizajn: teoreticheskij analiz // Polis. 2001. № 1. S. 6–15.

5. Dal' R. Predposylki vznikoveniya i utverzhdeniya poliarij // Polis. 2002. № 6. S. 34–57.

6. Zaslavskaya T.I. Societal'naya transformaciya rossijskogo obshhestva. M.: Delo, 2002. s. 568.

7. Ledyayev V.G. Kto pravit? Diskussiya vokrug koncepcii vlasti Roberta Dal'ya // Sociologicheskij zhurnal. 2002. № 3. S. 10.

8. Libman A.M. Institucional'naya konkurenciya i postsovetskaya transformaciya (Vliyanie neformal'nyx institutov) // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2006. № 6. S. 53–65.

9. Mixel's R. Sociologiya politicheskoy partii v usloviyax demokratii // Dialog. 1990. № 3. S. 55–59.

10. Moska G. Pravyashhij klass // Socis. 1994. № 10. S. 187–198.

11. Nort D. Instituty institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie e'konomiki. M.: Fond e'konomicheskoy knigi «Nachala», 1997. 180 s.

12. Panov P.V. Transformacii politicheskix institutov v Rossii: krosstemporal'nyx sravnitel'nyj analiz. // Polis. 2002. № 6. S. 58–70.

13. Pareto V. Uchebnik politicheskoy e'konomii / Per. s fr. A.A. Zotova i V.L. Silaevoj. M.: RIOR: INFRA-M, 2017. 471 s.

14. Pareto V. Iz raboty «O primenenii sociologicheskix teorij» // Socis. 1995. № 10. S. 137–145; 1996. № 1. S. 108–118.

15. Pshevorskij A. Demokratiya i rynek. Politicheskie i e'konomicheskie reformy v Vostochnoj Evrope i Latinskoj Amerike. M.: «Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya» (ROSSPE'N), 2000. 320 s.

16. Shumpeter Dzh. Kapitalizm, socializm i demokratiya. M.: E'konomika, 1995. 540 s.

UDC 316.344.42+323.396

DOI 10.17506/dipi.2018.32.3.7278

A METHODOLOGY FOR STUDYING THE SOCIAL DYNAMICS OF POLITICAL ELITES

Naronskaia Anna Gegamovna,

Ural Federal University,
Department of Theory and History of International Relations,
Candidate of Political Sciences, PhD, Associate Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: naronsk.an@mail.ru

Annotation

The article considers the methodological foundations of the study of the social dynamics of political elites. The author notes that the problems of changes and development of political elite were widely studied in both classical and modern elitology. The purpose of this article is to show the advantages and disadvantages of different theoretical models in the study of the dynamics of elite groups.

Key concepts:

political elite, political process, genesis of political elite, transitology, transformation, new institutionalism.

УДК 327

DOI 10.17506/dipi.2018.32.3.7987

ТРАДИЦИОННЫЕ И НОВЫЕ МЕДИА КАК АКТОРЫ «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ»

Наумов Александр Олегович,

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,
факультет государственного управления,
кандидат исторических наук, доцент,
Москва, Россия,
E-mail: naumov@sps.msu.ru

Аннотация:

В статье анализируется роль традиционных и новых медиа в подготовке и осуществлении «цветных революций». Автор утверждает, что СМИ и Интернет-ресурсы стали важными инструментами «мягкой силы» Запада при осуществлении государственных переворотов в целом ряде стран постсоветского пространства и Северной Африки. В ходе первой волны «цветных революций» (2000–2005) для ненасильственной смены режима были использованы возможности традиционных медиа, в основном телевидения и печатных изданий. В ходе второй волны «цветных революций» – «арабской весны» (2010–2011) – оппозиция сделала ставку на социальные сети, сервисы мгновенных сообщений и видеохостинги. Автор приходит к выводу, что применение данных инструментов сыграло одну из ключевых ролей в победе «цветных революций».

Ключевые понятия:

«цветные революции», «арабская весна», «мягкая сила», традиционные медиа, новые медиа, Твиттер, Фэйсбук, Интернет.

«Цветные революции» – собирательное название процессов смены политических режимов с использованием технологий и ресурсов «мягкой силы» в странах Восточной Европы, Центральной Азии и Северной Африки в 2000–2014 годах. Сейчас уже мало у кого вызывает сомнения, что эти государственные перевороты были осуществлены в ходе зарубежного вмешательства во внутренние дела суверенных государств. Это вмешательство выразилось в мощной политической, финансовой, организационной, моральной поддержке оппозиции и ее основных акторов. Особую роль в подготовке и осуществлении «цветных революций»

сыграли средства массовой информации (традиционные медиа) и социальные сети (новые медиа).

Традиционные СМИ без преувеличения можно назвать важнейшими инструментами в технологии смены политических режимов, особенно в странах постсоветского пространства в 2003–2005 годах. В Грузии, на Украине и в Киргизии к началу «цветных революций» существовала определенная свобода СМИ, созданная во многом в угоду требованиям западных партнеров в рамках программ по демократизации этих государств. Подобная ситуация позволила оппозиционным силам резко усилить свое информационно-пропагандистское воздействие накануне и во время «революций». Журналисты располагали возможностью критиковать власть и непосредственно высшее руководство страны, чем активно и пользовались оппозиционеры.

В Грузии ключевым информационным ресурсом в борьбе с режимом Шеварднадзе стал созданный еще в 1994 году и с 2001 года находившийся в состоянии конфронтации с официальными властями телеканал «Рустави-2». Он пользовался большой популярностью в стране (хотя вещание не охватывало всю страну), благодаря которой выступавшие в его эфире политические противники президента получали признание грузинского общества. Особое значение имело то, что данный телеканал действительно обладал репутацией наиболее профессионального в Грузии ТВ-медиа. Интересно, что в то время как рядовые граждане считали телеканал образцом объективности, сами журналисты, по словам генерального директора «Рустави-2» Э. Кицмаришвили, «освещали события в Тбилиси («революцию роз». – А.Н.) исключительно однобоко» [13, р. 32]. Не связанные с оппозицией телеканалы, включая государственные, также вольно или невольно оказывали «революционерам» моральную поддержку, например, ведя репортажи с митингов, публикуя «независимые» экзит-поллы или допуская до эфира таких же «независимых» экспертов и представителей прозападных неправительственных организаций.

Именно через СМИ грузинская оппозиция смогла добиться эмоционального неприятия обществом прошедших в ноябре 2003 года выборов и их результатов, что и стало непосредственным поводом для начала «революции роз». На протяжении нескольких недель накануне выборов при поддержке фонда Сороса «Открытое общество – Грузия» и «Рустави-2» регулярно проводились и публиковались социологические опросы, которые демонстрировали падение популярности пропрезидентских сил и, наоборот, прочили убедительную победу оппозиционным избирательным блокам. В ночь после парламентских выборов 2 ноября 2003 года телеканал «Рустави-2» обнародовал данные «независимых» экзит-поллов, которые разительно отличались от официальных сообщений и отдавали уверенное лидерство ведущему оппозиционному блоку «Саакашвили – Национальное движение». В ходе последовавшей за этим активной фазы «революции роз» «Рустави-2» широко информировал население о нарастании в стране протестной волны, круглосуточно транслировал митинги и шествия оппозиции, всячески способствовал мобилизации сторонников по всей Грузии. Канал освещал подготовку и ход движения колонн автобусов и автомобилей во главе с М. Саакашвили из провинции к Тбилиси. После каждого выпуска новостей следовали призывы присоединиться к протестующим. В прайм-тайм в эфире демонстрировались рекламные ролики молодежного антиправительственного

движения «Кмара». Канал неоднократно демонстрировал документальный фильм «Свержение диктатора», рассказывавший о падении режима С. Милошевича в ходе «бульдозерной революции» в Сербии в 2000 году. Генсек «Национального движения» В. Мерабишвили откровенно заявлял западным журналистам: «Этот фильм сыграл решающую роль. Все демонстранты знали наизусть тактику революции в Белграде, потому что они посмотрели фильм об этом. Каждый знал, что делать. Это была копия той революции, только более яркая» [7]. Как отмечал один из лидеров молодежного крыла «революции роз», решающую роль в победе оппозиции сыграли три актора: движение «Кмара», политические партии, особенно «Национальное движение» Саакашвили, и телеканал «Рустави-2» [9, p. 5].

В ходе «оранжевой революции» на Украине в 2004 году большую роль в мобилизации протестного электората также сыграли финансируемые из-за рубежа средства массовой информации. С помощью Агентства США по международному развитию в стране был создан Центр независимых СМИ, который стал своего рода распределителем американских грантов независимым от правительства медиа для обучения украинских журналистов в прозападном духе. При посольстве США в Киеве был открыт Фонд развития СМИ, который также финансировал проекты украинских средств массовой информации. Делая акцент на необходимости соблюдения свободы слова и борьбы с коррупцией, Запад морально и материально поддерживал исключительно оппозиционные издания.

Тем не менее, к началу острой фазы общественно-политического кризиса на Украине в 2004 году СМИ оставались под контролем правящего режима и, соответственно, обслуживали интересы кандидата в президента от власти В. Януковича. «Оранжевые» могли рассчитывать только на «Пятый канал», который с 2003 года принадлежал ярому стороннику «оранжевой революции» олигарху П. Порошенко. Аудитория канала состояла из восьми миллионов человек, а вещание покрывало не более трети территории Украины, но оппозиция сумела вызвать огромный интерес населения именно к его передачам. Огромную роль «Пятый канал» сыграл в мобилизации населения против фальсификаций итогов выборов со стороны властей, о которых «оранжевые» не переставали заявлять до, во время и после голосования. Канал вел круглосуточную трансляцию с площади Независимости (там находились основные силы «революционеров»), делая особый акцент на мирном и даже праздничном, театральном характере протестов (например, демонстрируя кадры дарения девочками-подростками цветов сотрудникам спецподразделения «Беркут»), подавая их как некое шоу и привлекая тем самым все новых людей в центр Киева на митинги в поддержку оппозиции. Особенно успешно «оранжевые» действовали в Интернет-пространстве. Так, огромную роль в победе «Майдана» сыграла базировавшаяся в то время в Вашингтоне и существовавшая на средства американского Национального фонда в поддержку демократии Интернет-газета «Украинская правда». Издание активно занималось мобилизацией украинской общественности на прозападную платформу, публиковало данные экзит-поллов и параллельного подсчета голосов, свидетельствовавших о победе оппозиционного кандидата Ющенко, разоблачало фальсификации правящего режима, сообщало актуальную информацию о протестных митингах оппозиции, предоставляло подробную логистическую информацию для желающих присоединиться к ним, сообщая о точках сбора «революционеров», их перемещениях и т.д. В это время ежедневная аудито-

рия «Украинской правды» достигала одного миллиона человек, что, конечно, являлось колоссальной цифрой для Украины 2004 года! Более того, именно «Украинская правда» служила едва ли главным источником информации о событиях на Украине для западных СМИ, тональность которых, разумеется, носила открыто антиправительственный характер.

В 2002 году при финансовой поддержке из-за рубежа был также реализован крайне эффективный сетевой проект под названием «Телекритика», в ходе которого украинские журналисты создали первое на Украине Интернет-телевидение, активно участвовавшее в президентской избирательной кампании. Основным источником финансирования «Телекритики» являлось украинское подразделение крупной международной неправительственной организации «Интерньюс» со штаб-квартирой в США. Данное СМИ было неподконтрольно властям и оказывало значительное влияние на журналистов, работавших в государственных изданиях. Благодаря усилиям этой Интернет-площадки около сорока журналистов, работавших на пяти различных государственных каналах, в конце октября 2004 года организовали своеобразный бунт и солидаризировались с «оранжевыми», отказавшись выдавать в эфир информацию по «темникам» (заранее подготовленным информационным сообщениям) администрации президента Л. Кучмы.

Помимо «Украинской правды» и «Телекритики» в распоряжении оппозиции находился еще целый ряд Интернет-ресурсов, таких как Maidan.org или веб-сайты молодежных организаций, например, «Поры». Ровно за год до победы «оранжевой революции» был запущен информационный портал оппозиции, который стал весьма популярным общественно-политическим форумом. В стране была даже основана политическая партия «Информационная Украина», поддерживавшая Ющенко. Позже ее лидер А. Колодюк заявил, что смена власти в стране стала возможной только благодаря активной работе оппозиции в Интернете [2, с. 102]. А хорошо известный М. Макфол (в то время он занимал пост старшего научного сотрудника Института Гувера) справедливо заметил, что «оранжевая революция» может быть рассмотрена как первая в истории, организованная в значительной мере через Интернет [11, р. 63].

Огромную роль финансируемые Западом средства массовой информации сыграли и в ходе «тюльпановой революции» 2005 года в Киргизии. Еще в ноябре 2003 года по инициативе и при всесторонней поддержке американской неправительственной организации «Фридом Хаус» в Бишкеке была открыта первая в истории Киргизии независимая от властей типография, директором которой стал американский журналист и сотрудник «Фридом Хаус» М. Стоун. Она стала альтернативой государственной типографии «Учгун», бывшей монополистом на рынке полиграфических услуг, а ее мощности использовались исключительно на поддержку оппозиционных средств массовой информации. Именно в ней в виде стилизованной под газету брошюры была отпечатана работа Дж. Шарпа «От диктатуры к демократии», содержавшая практические советы по борьбе с режимом [5, с. 176–178; 6; 12]. Из-под станка этой типографии выходил и главный печатный орган оппозиции – газета «Моя столица – Новости» («МСН»).

«Моя столица – Новости» была основана в 2000 году и практически полностью существовала на гранты США и западных НПО. С самого начала издание находилось в оппозиции к президенту А. Акаеву, став одним из важнейших акторов «тюльпановой революции». Газете удалось наэлектризовать общественное

мнение страны до состояния «революционной» экзальтации, приведшей к свержению легитимного режима. Регулярные публикации с откровенными призывами к смене власти подкреплялись материалами о злоупотреблениях и коррупции семьи президента Акаева. «МСН» стала настоящим рупором оппозиции: она категорически трактовала итоги выборов как несправедливые и сфальсифицированные; призывала людей, в первую очередь молодежь, выходить на улицы для протестов; информировала участников акций протеста о том, где и когда должны были состояться эти акции. Наконец, во многом именно «МСН» сумела объединить политические силы киргизской оппозиции и отмотилизовать ее в критический момент кризиса. Помимо газеты «Моя столица – Новости» (а также другой оппозиционной газеты «Республика») с помощью грантов американского правительства и неправительственных структур на киргизских телеканалах выходили в эфир общественно-политические ток-шоу «Наше время» и «Без ретуши», превратившиеся в открытую трибуну для критиков режима. Их передачи ретранслировались по региональным телестудиям на юге страны, где и начались волнения, которые привели к свержению Акаева. В целом, в ходе подготовки и осуществления «тюльпановой революции» оппозиционные СМИ (в лице традиционных медиа) работали по уже отработанной в Грузии и Украине схеме дискредитации действующей власти и призывов к непризнанию результатов состоявшихся выборов.

Начиная с событий «арабской весны», – следующей волны ненасильственных государственных переворотов, или «цветных революций 2.0», – в демонтаже правящих режимов огромную роль стали играть Интернет-технологии, в первую очередь, социальные сети. Новые медиа значительно расширили тактические возможности участников массовых протестов, кардинальным образом упростили процесс их мобилизации и систему коммуникаций между оппозиционными активистами.

США и их союзники приступили к активному использованию социальных сетей (а также чатов, форумов, блогов, вики-проектов и т. д.) для развития протестного движения среди молодежи в государствах Магриба за несколько лет до старта «арабской весны». Уже с середины нулевых годов началось финансирование ряда оппозиционных организаций, созданных в новых медиа Туниса, Египта и других арабских стран. Западные специалисты обучали молодых арабских активистов грамотному использованию новейших Интернет-технологий для распространения информации, петиций и воззваний среди граждан своих стран [3, с. 181, 186–188]. Буквально за три месяца до начала «арабской весны» гигант американской IT-индустрии компания Google организовала Интернет-конференцию «Свобода–2010», где обсуждались перспективы использования Интернета для распространения в мире демократических ценностей, на которой активно работала отдельная секция «Сеть блогеров Среднего Востока и Северной Африки» [1, с. 205].

В ходе «арабской весны» оппозиционеры применяли Интернет-технологии, в первую очередь, в качестве инструмента мобилизации, консолидации и координации протестующих. Особую роль в этом процессе сыграли социальная сеть Facebook, микроблог Twitter, а также видеохостинг YouTube, созданные в США. Один из участников «финиковой революции» 2011 года в Египте отмечал в своем микроблоге: «Мы используем Facebook, чтобы планировать протесты, Twitter,

чтобы координировать действия и Youtube, чтобы рассказать о себе остальному миру» [8]. Именно в социальных сетях появились первые оппозиционные электронные ресурсы (страницы) и призывы к смене власти. Там же назначались даты проведения акций протеста, выбиралась соответствующая символика, формировались первоначальные цели протестных движений. В соцсетях происходил обмен опытом с молодыми активистами из других стран, и распространялась информация о готовившихся акциях среди тунисцев и египтян.

Возможности социальных сетей, которые арабские правители первоначально совершенно не воспринимали всерьез, в ходе «революционных» событий в Египте и Тунисе были задействованы максимально широко. На Facebook, к примеру, выкладывались фотографии пострадавших от полицейского насилия; демонстрировались видеозаписи, показывавшие мужество и стойкость участников протестов; предоставлялись исчерпывающие данные о жертвах среди восставших с требованиями наказать виновных; размещались списки претензий к властям вкупе с поэтическими произведениями, песнями, картинками и другим «революционным» материалом. Именно на платформе данной социальной сети публиковались подробные инструкции и советы демонстрантам о том, как защититься от слезоточивого газа, водометов и электрических дубинок, применяемых полицией при разгоне демонстраций и т. д. и т. п. (впоследствии аналогичные инструкции, буквально переведенные под копирку с арабского языка, появились в ходе киевского «Евромайдана»). Twitter также сыграл важную роль в ходе массовых волнений в арабских странах. Преимущества этого сервиса мгновенных сообщений заключались, прежде всего, в его непосредственности и возможности сверхоперативного распространения информации; любое снятое событие «жасминовой» и «финиковой» «революций» благодаря Twitter можно было в считанные секунды сделать достоянием миллионов как в Тунисе и Египте, так и за рубежом. Новые медиа стали жизнеспособной альтернативой традиционным средствам массовой информации.

В целом, вклад созданных в Америке и, по сути, контролируемых из США социальных сетей в организацию и проведение «революций» в Тунисе и Египте трудно переоценить. Twitter, Facebook и другие механизмы «мягкой силы» Запада органично вписались в общую теорию ненасильственных (насколько это было возможно в условиях арабской улицы) переворотов, реализуемых США и их союзниками. Не случайно сразу после триумфальной победы «жасминовой» и «финиковой» «революций» глава Госдепартамента Х. Клинтон декларировала: «Интернет стал общественным пространством XXI века», подчеркнув, что демонстрации в исламском мире, «поддержанные Facebook, Twitter, Youtube, отражали мощь технологий соединения в качестве ускорителей политических, социальных и экономических изменений» [10].

Конечно, сам по себе Интернет и социальные сети являлись не столько причиной, сколько средством канализации народных протестов. И это средство актуализировалось только в тот момент, когда в обществе созрели реальные социально-экономические и политические причины для недовольства. Однако использование новейших западных технологий резко усилило протестный потенциал, уже имевшийся в обществе. Кроме того, благодаря работе социальных сетей у их посетителей создавалось впечатление, что в протестных действиях участвуют миллионы людей, хотя в действительности число реально проте-

ствующих и протестующих в Сети различалось многократно. Особое значение фактор социальных сетей приобрел в условиях принудительного блокирования властями доступа в Интернет; это повышало градус протестной активности, происходила политизация некоторых групп населения, отличавшихся до этого момента политической пассивностью. Ставка на использование социальных сетей позволяла противникам режима сократить материальные расходы и временные затраты на организацию государственного переворота. Наконец, именно социальные сети наряду с традиционными СМИ (особенно спутниковыми каналами монархий Персидского залива) формировали международное общественное мнение в отношении происходившего в Тунисе и Египте [4].

В заключение можно с уверенностью констатировать, что социальные сети, блоги и видеохостинги сыграли одну из ключевых ролей в осуществлении «цветных революций». И если в ходе первой волны «цветных революций» на постсоветском пространстве основными акторами выступали традиционные медиа (телевидение и печатные издания), то в ходе «арабской весны» оппозиция сделала ставку на использование возможностей находившихся в Интернете новых медиа. Правящие режимы оказались не готовы к этим вызовам и проиграли борьбу за власть.

1. Антюхова Е. А. «Арабская весна»: новые механизмы смены авторитарных политических режимов // Вестник МГИМО-Университета. № 2 (41). 2015.
2. Громова А. В. Роль и место масс-медиа в подготовке и проведении «цветных революций». Дисс. на соискание ученой степени к. филолог. н. М., 2009.
3. Кубышкин А. И., Цветкова Н. А. Публичная дипломатия США. М., 2013.
4. Наумов А. О. Оружие технотронного века. Социальные сети и «арабская весна» // Стратегия России. № 11. 2015. URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1446378209&archive=1449042076&start_from=& (дата обращения: 23.09.2017).
5. Бишкекский переворот: тюльпановое блюдо на азиатской кухне // Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека. Отв. Ред. Нарочницкая Н. А. Спб., 2008.
6. «Фридом хауз» в Киргизии // Голос Америки. 03.04.2005. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/a-33-2005-04-03-voa4/656985.html#> (дата обращения: 23.09.2017).
7. Baker P. Tbilisi's 'Revolution of Roses' Mentored by Serbian Activists // Washington Post. Nov. 24. 2003. URL: http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/articles/A11577-2003Nov24_2.html (дата обращения: 23.09.2017).
8. Howard Ph. The Arab Spring's Cascading Effects // Pacific Standard. Feb. 24, 2011. URL: <http://www.psmag.com/business-economics/the-cascading-effects-of-the-arab-spring-28575> (дата обращения: 23.09.2017).
9. Kandelaki G. Georgia's Rose Revolution. A Participant's Perspective // United States Institute of Peace. Special Report. July 2006. URL: <http://www.usip.org/sites/default/files/sr167.pdf> (дата обращения: 23.09.2017).
10. Le Monde. 16 Fevrier 2011.
11. McFaul M. Ukraine Imports Democracy. External Influences on the Orange

Revolution // International Security. Vol. 32. № 2 (Fall 2007).

12. Shishkin Ph. In Putin's Backyard, Democracy Stirs – With U.S. Help // The Wall Street Journal. 25.02.2005. URL: <http://online.wsj.com/news/articles/SB110929289650463886> (дата обращения: 23.09.2017).

13. Welt C. Regime Vulnerability and Popular Mobilization in Georgia's Rose Revolution // CDDRL Working Papers. Stanford University. Number 67. September 2006. URL: http://csis.org/files/media/csis/pubs/061005_ruseura_no67welt.pdf (дата обращения: 23.09.2017).

References

1. Antyuxova E.A. «Arabskaya vesna»: novye mexanizma smeny avtoritarnyx politicheskix rezhimov // Vestnik MGIMO-Universiteta. № 2 (41). 2015.

2. Gromova A.V. Rol' i mesto mass-media v podgotovke i provedenii «cvetnyx revolyucij». Diss. na soiskanie uchenoj stepeni k. filolog. n. M., 2009.

3. Kubyshkin A.I., Cvetkova N.A. Publichnaya diplomatiya SShA. M., 2013.

4. Naumov A.O. Oruzhie texnotronnogo veka. Social'nye seti i «arabskaya vesna» // Strategiya Rossii. № 11. 2015. URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1446378209&archive=1449042076&start_from=& (дата обращения: 23.09.2017).

5. Bishkekский переворот: tyul'panovoe blyudo na aziatskoj kuxne // Oranzhevye seti: ot Belgrada do Bishkeka. Otv. Red. Narochnickaya H.A. Spb., 2008.

6. «Fridom xauz» v Kirgizii // Golos Ameriki. 03.04.2005. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/a-33-2005-04-03-voa4/656985.html#> (дата обращения: 23.09.2017).

7. Baker P. Tbilisi's 'Revolution of Roses' Mentored by Serbian Activists // Washington Post. Nov. 24. 2003. URL: http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/articles/A11577-2003Nov24_2.html (дата обращения: 23.09.2017).

8. Howard Ph. The Arab Spring's Cascading Effects // Pacific Standard. Feb. 24, 2011. URL: <http://www.psmag.com/business-economics/the-cascading-effects-of-the-arab-spring-28575> (дата обращения: 23.09.2017).

9. Kandelaki G. Georgia's Rose Revolution. A Participant's Perspective // United States Institute of Peace. Special Report. July 2006. URL: <http://www.usip.org/sites/default/files/sr167.pdf> (дата обращения: 23.09.2017).

10. Le Mond. 16 Fevrier 2011.

11. McFaul M. Ukraine Imports Democracy. External Influences on the Orange Revolution // International Security. Vol. 32. № 2 (Fall 2007).

12. Shishkin Ph. In Putin's Backyard, Democracy Stirs – With U.S. Help // The Wall Street Journal. 25.02.2005. URL: <http://online.wsj.com/news/articles/SB110929289650463886> (дата обращения: 23.09.2017).

13. Welt C. Regime Vulnerability and Popular Mobilization in Georgia's Rose Revolution // CDDRL Working Papers. Stanford University. Number 67. September 2006. URL: http://csis.org/files/media/csis/pubs/061005_ruseura_no67welt.pdf (дата обращения: 23.09.2017).

UDC 327

DOI 10.17506/dipi.2018.32.3.7987

TRADITIONAL AND NEW MEDIA AS ACTORS OF COLOR REVOLUTIONS

Naumov Aleksandr Olegovich,

Lomonosov Moscow State University,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of School of Public Administration,
Moscow, Russia,
E-mail: naumov@spa.msu.ru

Annotation

The article explores the role of traditional and new media in preparation and implementation of Color revolutions. The author argues that media and Internet resources became very important actors of Western soft power used in Color revolutions in several countries of the former Soviet Union and North Africa. During the first wave of Color revolutions (2000–2005) traditional media, generally television and printing editions, were used. During the second wave of Color revolutions – the Arab spring (2010–2011) – the opposition relied on social networks, services of instant messages and video hostings. The author comes to a conclusion that use of these tools played one of key roles in a victory of Color revolutions.

Key concepts:

color revolutions, Arab Spring, soft power, traditional media, new media, Twitter, Facebook, Internet.

УДК 321.727+324+328.1+329.051+329.1
DOI 10.17506/dipi.2018.30.1.8893

КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА И ПОДЪЕМ «ТАЙ РАК ТАЙ» КАК НОВОЙ ФОРМЫ ТАЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Таномсакчай Припранг,

Уральский Федеральный Университет,
кафедра теории и истории международных отношений,
аспирант,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: g.preeprang@gmail.com

Аннотация

Данная статья посвящена изменениям конституции Таиланда 1997 г. Эти институциональные реформы имели решающее значение, поскольку они радикально изменили политико-институциональный ландшафт страны. Реформы обеспечили новые возможности и стимулы для политических деятелей, которыми умело воспользовались Таксин Чинават и его партия «Тай Рак Тай». С помощью ключевых реформ власть Т. Чинавата и его партии укреплялась по отношению к партнерам, коалиции и внутрипартийным фракциям.

Ключевые понятия:

политические партии, демократия, реформы, конституция, выборы.

В современных исследованиях политические партии в Таиланде широко рассматриваются с позиций трех альтернативных подходов: политико-экономического, политико-социологического и политологического.

Политико-экономический подход, по мнению таких исследователей, как Сунсид Пириярангсан, Пасук Понгпайчит и Кевин Хьюисон, объясняет, что природа тайской политики определяется лежащими в ее основе социально-экономическими реалиями. Другими словами, акцент в этом подходе делается на тесной взаимосвязи между политической и предпринимательской деятельностью – политика является просто продолжением бизнеса другими средства-

ми [12]. Центральное место в таком понимании тайских партий занимает идея политических фракций: партии представляют собой союзы различных фракций, объединенные не общей идеологией, а общими финансовыми интересами, личными связями.

Политико-социологический подход рассматривает тайские политические партии с точки зрения поддержки их более широкими структурами тайского общества. Партии характеризуются формированием групп и клик, связанных с широкими социальными сетями через сложную сеть личных контактов и обязательств. Для сторонников этого подхода тайские партии являются не чем иным, как коллективом групп персонализированных фракций. Данный подход рассматривает политические партии с точки зрения отношений между патроном и клиентом [13, с. 297]. Этот подход лежит в основе некоторых работ Джима Хоккея, Майкла Нельсона и Даниэля Аргираса [7, с. 67].

По мнению сторонников политологического подхода, Таиланд должен перейти к двухпартийной системе, такой же, как в Британии и США [14, с. 19]. Коалиционные политические системы, широко распространенные в Западной Европе, неизменно считаются непригодными для Таиланда. Политологи считают, что Таиланд должен стремиться к статусу двухпартийной системы, которая рассматривается в качестве реального воплощения демократической партийной политики. Необходимо также, чтобы политические партии обладали двумя ключевыми элементами: идеологией (тесно связанной с конкретными политическими платформами, позициями и обещаниями манифеста) и организационной сложностью (включающей массовое членство и сеть отделений).

Итальянский политолог Анджело Панебьянко предложил концепцию «массовой бюрократической партии» [10], которая стала привлекательной как для тайских, так и нетайских исследователей. Массовая бюрократическая партия имеет членов по всей стране, которые представляют значительную часть избирателей и обеспечивают непосредственную связь между политиками и электоратом. Такая партия дисциплинирована, имеет четко определенные правила и процедуры; руководство имеет легитимность и поддержку членов партии и депутатов. Элементы массовой бюрократической партии можно увидеть в различных тайских партиях. Партия «Новое устремление», основанная в 1990 году, является классическим примером попытки построения массовой бюрократической партии: с самого начала партия «Новое устремление» характеризовалась продуманными формальными структурами, претензиями на огромное членство и наполнялась большим количеством опытных бюрократов и военных чинов.

Политолог Д. МакКарго утверждает, что в тайской партийной системе в 1990-х гг. новой реальностью становится «профессиональная избирательная партия» – новый тайский партийный режим, в котором руководство стремится установить прямую связь с избирателями через средства массовой информации и с помощью различных маркетинговых методов [6, с. 130–131]. Электоральные профессиональные партии характеризуются доминированием небольшого основного руководства, которое тесно сотрудничает с группой профессиональных политических организаторов, в состав которых входят специалисты по СМИ, маркетингу, PR и рекламе. Так, к примеру, Демократическая партия Таиланда на выборах в сентябре 1992 года активно использовала английские

слоганы в Бангкокских плакатах и имиджевые PR-технологии для создания привлекательного образа кандидата в депутаты от столицы страны Абхисита Вейджджива. Политолог К. Бейкер утверждает, что в 1990-х гг. демократы успешно скорректировали свой политический образ, отразив тем самым происшедшие изменения в тайском обществе. Для смены имиджа они привлекли технократов и новое поколение молодых городских специалистов, символизировавших собой стремление крупных городов к модернизации [3, с. 85]. В итоге демократы смогли заручиться поддержкой своей партии в Бангкоке, а также укрепить свою традиционную базу на Юге страны.

Огромную роль в трансформации тайской партийной системы сыграла конституционная реформа 1997 г., связанная с принятием «Народной конституции» [9, с. 664]. Реформа была направлена на повышение подотчетности как избранных депутатов, так и правительственных чиновников, на содействие более сильным, более национально ориентированным политическим партиям. Конституция 1997 г. коренным образом изменила избирательную систему Таиланда. Был осуществлен переход от блокового голосования к смешанной двухуровневой системе [1]. Одним из самых больших изменений в Конституции 1997 г. было введение полностью избираемого Сената. В прошлом сенаторы Таиланда назначались премьер-министром. Большинство из них были чиновниками из вооруженных сил. После Конституционной реформы 1997 г. большинство сенаторов – бизнесмены.

Яркой особенностью Конституции 1997 г. является призыв к децентрализации. Таиланд традиционно был высокоцентрализованным государством в политическом и экономическом планах. Конституция предоставила определенную политическую и экономическую автономию местным органам власти.

Конституция увеличивает полномочия премьер-министра: он наделяется правом распускать палату представителей и назначать досрочные выборы. Во время своего первого срока премьер-министр Таксин Чинават использовал этот увеличенный рычаг, чтобы сохранить партийные фракции лояльными к партии «Тай Рак Тай», хотя некоторые политики были крайне недовольны.

Принятие Конституции 1997 г. способствовало подъему премьер-министра Таксина Чинавата и его политической партии «Тай Рак Тай» (ТРТ), которая победила на парламентских выборах в 2001 г. с большим отрывом от правящей Демократической партии. Конституция приняла ряд институциональных реформ, направленных на поощрение кандидатов отказаться от личных стратегий и перейти к более программным и партийно-ориентированным стратегиям [8]. Партия «Тай Рак Тай» стала, на наш взгляд, первым серьезным претендентом на настоящую профессиональную партию в Таиланде, поскольку обладала многими ее признаками. ТРТ стремилась представить себя как новый вид политической партии, подчеркивая то, что ее депутаты являются выходцами из самых разных социальных слоев [9, с. 668]. Данная реальность легла в основу стратегии «Великой коалиции ТРТ».

Политика денег (Money Politics) играет огромную роль в победах ТРТ на выборах. Согласно С. Суттхисангиаму, ее суть сводится к тому, что новые группировки капиталистов приходят на смену прежним, которые ослабли и обанкротились во время экономического кризиса 1997 года [2, с. 95]. Для пар-

тии ТРТ союзы с городскими и сельскими политиками являются решающими. Тайский политолог Анек Лаотаматас утверждает, что партия ТРТ фактически является двумя партиями в одной, принимая форму «двойной структуры», поскольку имеет развитые партийные сети как в столице страны, так и в сельской местности [4, с. 201].

Избирательный успех ТРТ в 2001 г. был тесно связан с так называемой «популистской политикой», обращенной к фермерам, которые стали должниками в результате Азиатского финансового кризиса 1997 г., с обещаниями сильного экономического восстановления. Партия ТРТ также обратилась к сельским деревням и борющимся предприятиям в период избирательной кампании 2005 г. В частности, политика ТРТ содержала проект «Здоровье для всех» или «30 бат (денежная единица Таиланда) на каждого заболевшего». Этот проект преследовал цель обеспечить равные возможности для доступа граждан к основным медицинским услугам, оказание поддержки местным производителям.

П. Понгпайхит и К. Бейкер утверждают, что популистская политика ТРТ была частью более широкой повестки дня, направленной на изменения политической системы страны, связанной с созданием мощной централизованной партии, поддерживаемой коммерческими фирмами, и с реализацией программы укрепления социального порядка [4, с. 229].

Партия «Тай Рак Тай» обычно рассматривается как сила, чей национальный призыв, подкрепленный маркетинговыми кампаниями и политикой, рассчитанной на непосредственный охват сельских избирателей, может преодолеть традиционные политические реалии. Однако новизна этих тенденций неочевидна. Скорее ТРТ поднимает старомодную политику на новые высоты, превращая политические фракции в обширные и сложные сети, ориентированные на своего политического лидера – Т. Чинавату.

1. Конституция королевства Таиланд 1997 г.: официальный текст [Электронный ресурс]. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Thailand_2007.pdf (дата обращения: 17.04.2018).

2. Сутгхисангиам С. Власть и оппозиция: особенности политического процесса в Таиланде (2001–2010 гг.): Дисс. ... канд. пол. наук. Росс. ун-т дружбы народов, М., 2015. P. 95.

3. Baker C. Pluto-populism: Thaksin and popular politics. London: Routledge. P. 85.

4. Laothamatas A. A tale of two democracies: conflicting perceptions of elections and democracy in Thailand. New York: University Press, 1996. P. 201.

5. McCargo D., Pathmanand U. The Thaksinization of Thailand. Stockholm: Nordic Institute of Asian Studies, 2005. P. 219.

6. McCargo D. Thailand's political parties: real, authentic and actual, in Kevin Hewison (ed.), Political Change in Thailand: Democracy and Participation. London: Routledge, 1997. P. 130–131.

7. Nelson M.H., Arghiros D. Democracy, Development and Decentralization in Provincial Thailand, Richmond. Curzon, 2001. P. 67.

8. Nelson M.H. Thailand's House Elections of 6 January 2001: A Statistical Report, KPI Reports. Nonthaburi: Center for the Study of Thai Politics and Democracy,

King Prajadhipok Institute, 2002.

9. Ockey J. Change and continuity in the Thai party system // *Asian Survey*. – 2003. – № 4 (43). P. 663–680.

10. Panebianco A. *Political Parties: Organization and Power*. Cambridge: University Press, 1988.

11. Phongpaichit P., Baker C. *Thaksin: The Business of Politics in Thailand*. Copenhagen: NIAS Press, 2002. P. 229.

12. Phongpaichit P., Piriyaangsan S. *Corruption and Democracy in Thailand*. Bangkok: Political Economy Centre, Chulalongkorn University, 1994.

13. Scott J.C. *Corruption in Thailand*. Cambridge: Schenkman, 1979. P. 297.

14. Tongdhamachart K. *Towards a Political Party Theory in Thai Perspective*. Singapore: Maruzen Asia, 1982. P. 19.

References

1. Konstituciya korolevstva Tailand 1997 g.: oficial'nyj tekst [E'lektronnyj resurs]. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Thailand_2007.pdf (data obrashheniya: 17.04.2018).

2. Suttisangiam S. *Vlast' i oppozitsiya: osobennosti politicheskogo processa v Tailande (2001–2010 gg.)*: Diss. ... kand. pol. nauk. Ross. un-t druzhby narodov, M., 2015. P. 95.

3. Baker C. *Pluto-populism: Thaksin and popular politics*. London: Routledge. P. 85.

4. Laothamatas A. *A tale of two democracies: conflicting perceptions of elections and democracy in Thailand*. New York: University Press, 1996. P. 201.

5. McCargo D., Pathmanand U. *The Thaksinization of Thailand*. Stockholm: Nordic Institute of Asian Studies, 2005. P. 219.

6. McCargo D. *Thailand's political parties: real, authentic and actual*, in Kevin Hewison (ed.), *Political Change in Thailand: Democracy and Participation*. London: Routledge, 1997. P. 130–131.

7. Nelson M. H., Arghiros D. *Democracy, Development and Decentralization in Provincial Thailand*, Richmond. Curzon, 2001. P. 67.

8. Nelson M.H. *Thailand's House Elections of 6 January 2001: A Statistical Report*, KPI Reports. Nonthaburi: Center for the Study of Thai Politics and Democracy, King Prajadhipok Institute, 2002.

9. Ockey J. Change and continuity in the Thai party system // *Asian Survey*. – 2003. – № 4 (43). P. 663–680.

10. Panebianco A. *Political Parties: Organization and Power*. Cambridge: University Press, 1988.

11. Phongpaichit P., Baker C. *Thaksin: The Business of Politics in Thailand*. Copenhagen: NIAS Press, 2002. P. 229.

12. Phongpaichit P., Piriyaangsan S. *Corruption and Democracy in Thailand*. Bangkok: Political Economy Centre, Chulalongkorn University, 1994.

13. Scott J.C. *Corruption in Thailand*. Cambridge: Schenkman, 1979. P. 297.

14. Tongdhamachart K. *Towards a Political Party Theory in Thai Perspective*. Singapore: Maruzen Asia, 1982. P. 19.

UDC 321.727+324+328.1+329.051+329.1
DOI 10.17506/dipi.2018.32.3.8893

CONSTITUTIONAL REFORM AND THE RISE OF “THAI RAK THAI” AS A NEW FORM OF THE THAI POLITICAL PARTY

Thanomsakchai Preeprang,

Ural Federal University,
Department of Theory and History of International Relations,
Post-graduate Student,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: g.preeprang@gmail.com

Annotation

This article is devoted to changes in the constitution of Thailand in 1997. These institutional reforms were crucial, as they radically changed the political and institutional landscape of the country. The reforms provided new opportunities and incentives for politicians, who skillfully took advantage of Thaksin Shinawatra and his party “Thai Rak Thai”. With the help of key reforms, T. Shinawatra’s power and his party were strengthened in relation to partners, coalitions and inner-party factions.

Key concepts:

political parties, democracy, reforms, constitution, elections.

УДК 321

DOI 10.17506/dipi.2018.32.3.94101

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АУТИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДЕЛЕГИРОВАНИЕ

Боталов Алексей Михайлович,

Российское управленческое сообщество,
заместитель председателя,
кандидат политических наук,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: botalov.a@mail.ru

Аннотация

В статье предпринимается попытка разобраться в том, какой смысл вкладывается в понятие «политический аутизм». На фоне проникновения понятия «аутизм» в лексику, связанную с социальными и общественно-политическими процессами, с сожалением приходится признать, что этот термин в основном используют как «хлесткий» и «нелицеприятный» диагноз различным политическим субъектам. При этом не предпринимается попытка разобраться в сущности политического аутизма, о котором, безусловно, стоит говорить как о своеобразном политическом феномене. Именно поэтому оправданным представляется рассмотрение политического аутизма как характеристики такого политического института, как государство, поскольку это позволяет хотя бы отчасти пролить свет на феномен «политического аутизма». Важнейшей же характеристикой государства, которая может повлиять на степень его политического аутизма, является, по мнению автора статьи, определенный тип политического делегирования власти.

Ключевые понятия:

социальный аутизм, политический аутизм, политическое делегирование.

В последнее время в российском информационном пространстве все чаще употребляется термин «аутизм», но не как термин психологический, а как социально-политическая категория. Попробуем разобраться в особенностях современного дискурса о «непсихологическом» аутизме.

Сам термин «аутизм» (произошел от греческого «autos» – «сам») пришел к нам из медицинской психологии. Его ввел в оборот в начале XIX-го века

швейцарский психиатр Э. Блейлер для обозначения особого вида аффективного сознания, которое регулируется внутренними эмоциональными потребностями человека и мало зависит от реальной действительности. В Словаре психиатрических терминов приводится определение, которое указывает, что аутизм – это «отношения больного к людям, уход в себя, отгороженность от внешнего мира, потерю эмоционального контакта с окружающими» [2].

Помимо психологов определения данному термину дают представители иных гуманитарных дисциплин. Так, в одном из педагогических словарей аутизм трактуется как «патологическое состояние психики, проявляющееся в нарушении контактов с людьми, в уходе от реальности в мир внутренних переживаний, где мышление теряет непосредственную связь с внешними обстоятельствами, не организуется произвольно, а определяется субъективными аффективными тенденциями (т. н. аутистическое мышление)» [8]. Существуют философские определения понятия «аутизм». Так, согласно версии, которую предлагает «Философский словарь» (определение А. А. Грицанова), аутизм можно рассматривать как определенную жизненную установку и не всегда осознаваемый поведенческий принцип. В случае аутизма «восприятие окружающего мира, а также потенциальное (как правило, преобладающее) и осуществляемое воздействия на него преломляются через нравственно-психологические координаты и мировоззренческий камертон собственного Я и его ситуационных состояний» [5]. Предлагается также рассматривать аутизм как тяжелое когнитивное расстройство, черты которого очень часто присущи профессиональным программистам, переносящим на реальный мир принципы бинарной логики, а также воспринимаящим окружающую среду в виде совокупности разнообразных алгоритмов [5].

Социологи сконструировали новое понятие – «социальный аутизм». Так, А. Л. Филиппов (Леонидов) предлагает следующее определение: социальный аутизм – это «явление, не связанное напрямую с психиатрическими лечебницами, но при этом – многомиллионное, и потому во многом изучение его, как начальной, слабой формы аутизма важнее и актуальнее клинических форм. Можно с полным основанием назвать социальный аутизм «тихим убийцей» наций и государств. При социальном аутизме атрофируются желания, исчезают побудительные мотивы для всякого действия, движения, утрачивается вектор направления. При нарастании расстройства вслед за желаниями, побуждениями атрофируются и способности к действию. Личность инертна и аморфна даже при прямом насильственном принуждении её к действию» [12].

В своих работах А. Л. Филиппов (Леонидов) предпринимает попытку не только раскрытия содержания понятия «социальный аутизм», но и понимания причин данного явления, которое он называет «тихим убийцей нации». Автор выдвигает следующие версии происхождения социального аутизма:

1. Социальный аутизм порождается чрезмерной беспроblemностью, чрезмерной обеспеченностью и размеренностью существования, когда все изначально есть и потому молодой (особенно) личности не к чему стремиться.

2. Социальный аутизм – это нормальный, естественный механизм выбраковки слабого, нежизнеспособного состава нации.

3. Социальный аутизм есть психиатрическая аллергия на тотальную несправедливость жизни – мол, зачем что-то делать и что-то желать, когда все

равно везде несправедливость и все неправильно! Это как бы обида человека на жизнь – не на какие-то конкретные проявления жизни, а на всю жизнь целиком, когда человек убежден, что жизнь должна быть иной, и убежден также в том, что сил изменить жизнь у него нет.

4. Социальный аутизм – продукт неестественной свободы личности, продукт отсутствия (устранения) как четких идеологических начал, посылок, устоев действия, так и четкого, ясного образа желаемого результата действий [12].

Кроме того, Филиппов (Леонидов) проводит определенные аналогии между «социальным аутизмом» и христианским «бесом полуденным», «бесом уныния». В любом случае, по Филиппову (Леонидову), человек, подверженный «социальному аутизму», – это скорее овощ, это когда личность либо уже мертва, либо усыплена, заморожена как зубной нерв у дантиста.

Схожая трактовка социального аутизма содержится в работах Ю. Черняк. По её мнению, «аутизм – большой протест против большого общества. Здоровый протест выражается в форме критики общества и организации борьбы за его преобразование. Поэтому аутизм нужно лечить не медицинскими средствами, а лечить общество, которое подобно атомному реактору продуцирует индивиду-атомы, не желающие вступать ни в какие взаимосвязи» [14].

Не обошли своим вниманием термин «аутизм» (с приставкой «политический») и российские политологи [9]. Правда, крупных специальных работ на данную тему пока еще нет. Вместе с тем следует отметить, что одной из первых попыток использования понятия «аутизм» в контексте исследования категориального аппарата политического маркетинга принадлежит политологам из г. Екатеринбурга О.Ф. Русаковой и А.Е. Спасскому. В своей монографии «Что такое политический маркетинг?» в отдельном тематическом разделе, посвященном анализу рынка ценностных политических ориентаций, авторы особо выделяют «ориентацию аутизма» [10, с. 46, 51–54]. В целом, аутизм как разновидность ценностной ориентации социальных субъектов рассматривается авторами следующим образом: это «стремление обрести ощущение полноты жизни и духовного комфорта путем ухода от объективной реальности и погружение в искусственно созданный виртуальный или фантазийный мир, а также путем психологической трансформации сознания и достижения психоделического состояния, используя для этой цели наркотические вещества или суггестивные и медитативные практики» [10, с. 51]. В работе отмечается, что в современном обществе существуют и распространяются субкультуры, для которых практическими формами реализации ценностной ориентации аутизма выступают ролевые игры и реконструкции кинематографических фантастических сюжетов. В процессе ролевых игр реализуются важные личностные потребности (психологические, социальные, политические), которые по ряду причин не получают своего воплощения в реальной жизни. К ним относятся, в первую очередь, потребности самоидентификации, признания, самостоятельности, достижения победы (хотя бы виртуальной). Для многих современных геймеров виртуальные игры превратились в более значимое явление, чем «игры» и проблемы (политические, экономические, спортивные и др.) в сферах реальной общественной практики [10, с. 52].

Важно отметить, что политический контекст понятию «аутизм» часто придают современные российские публицисты и писатели, которые используют его, главным образом, в качестве политической метафоры. Так, М.Г. Делягин в своей статье «Опасный политический аутист. Владислав Иноземцев» без какой-либо расшифровки выносит данный термин в заголовок, употребляя, при этом близкий по смыслу термин «социальный аутизм». Критика Делягиным политической позиции В.Л. Иноземцева завершается следующим «приговором»: «Особенность Иноземцева – «социальный аутизм»: неспособность слышать собеседника. Это помогало ему концентрироваться на научной работе, но обрело на поразительную наивность в бизнесе и политике. Эта же черта сделала Иноземцева вечным опоздавшим» [6]. Для нас, пожалуй, ключевыми в этой цитате являются слова: «неспособность слышать собеседника», «помогало концентрироваться», «наивность», «вечный опоздавший».

Аналогично, без особой расшифровки использует понятие «политический аутизм» Н.А. Выхин в своем информационном выступлении под названием «Социально-экономический и политический аутизм. Разлагали-веселились... Подсчитали-прослезались» [3]. В частности, автор отмечает, что именно такое явление как «явлинщина» есть политический аутизм, конкретизируя при этом, что «корни социально-экономического и политического аутизма (заодно и аутизма в области теории образования, культуры и т.п.) <...> лежат <...> в отрыве процесса обобщения от возвратно-корректирующего воздействия практики» [3].

Еще один автор А.И. Зеличенко в своей статье «О шансе-16 и политическом аутизме» [7], говоря о «политическом аутизме», дает ему следующую характеристику: «человек не видит реальности и живет в мире своих небогатых фантазий». Критикуя некоторых представителей российской оппозиции, живущих, по его мнению, в мире фантазий, автор пишет: «...это напоминает детскую грезу страдающего рахитом ребенка о победе на чемпионате по тяжелой атлетике. Это и есть аутизм» (оставим верность данного утверждения на совести А.И. Зеличенко, хотя, по его же мнению, вышеописанная реакция больного ребенка является как раз показателем его здоровой социализации). И далее, говоря об отсутствии в России национально-государственной политической программы, автор замечает: «Сегодня у нас такой программы для общества нет. И – что много хуже – мы не понимаем, что ее нет, мы уверены, что она есть. И она у нас, в самом деле, есть. В наших мечтах. В грезах, которые с реальностью имеют, как это и должно быть при аутизме, ничего общего» [7]. Другой публицист и политический аналитик Д. Аваливани использует термин «политический аутизм» в качестве определенного «диагноза» тех или иных правительств и политических лидеров. Он, в частности, пишет: «Это и есть политический аутизм, что у правительства, что у мечтателей поменьше – неспособность общаться, адекватно воспринимать сигналы из внешнего мира, замкнутость и закуклость на собственном эго и собственном представлении о мире, плюс часто совковая нетерпимость к противоположному мнению» [1].

Не уклонилась от употребления данного термина и И.М. Хакамада в своей статье «Политический аутизм в турбулентное время». Говоря о нынешнем со-

стоянии российского государства (народа, страны), она пишет: «А мы? Впали в политический аутизм: элита говорит сама с собой, со своими выдуманными врагами, борется с выдуманными угрозами, яростно верит в выдуманное величие, опираясь на выдуманное большинство» [13].

На около-политических сайтах регулярно всплывает понятие «политический аутизм» примерно в следующей трактовке: аутистское отношение к реальности – это представление о том, что реальная политика и жизнь общества существуют отдельно друг от друга [9]. Профессор Ф.И. Гиренок в книге «Клипное сознание» дает следующее определение политическому аутизму: «Политический аутизм современной власти состоит в том, что она боится реальности, а также в том, что она боится силы насилия» [4].

Заметим, что в большинстве работ политический аутизм рассматривается преимущественно в качестве характеристики отдельных представителей политических течений. Однако, по нашему мнению, вполне оправдано использование термина «политический аутизм» применительно не только к конкретным лицам, но и к целым политическим институтам, в том числе, к таким, как государство.

Важнейшей характеристикой государства, которая может повлиять на степень его политического аутизма, является, с нашей точки зрения, определенный тип политического делегирования власти. Действительно, то огромное влияние, которое оказывает доминирование определенного типа политического делегирования на политическую культуру и традиции различных государств, может спровоцировать возникновение политического аутизма или, напротив, эффективно противостоять этому политическому недугу. Рассмотрим это на примере двух основных типов политического делегирования: «делегированная теократия» и «делегированная демократия».

«Делегированная теократия» (термин, введенный Л.А. Тихомировым) [11] предусматривает отчуждение у народа права на делегирование верховной власти земному правителю (например, Царю) в пользу Бога. При этом круг делегирующих ограничен теми, кто исповедует веру в конкретного Бога. В противоположность «делегированной теократии» «делегированная демократия» в любом своем формате предусматривает делегирование власти земным правителям именно народом как субъектом политики. В условиях делегированной теократии создаются искусственные ограничения для взаимодействия государственных институтов с внешним миром. Именно это позволяет понять, почему делегированная теократия является благоприятной почвой для появления и развития политического аутизма на государственном уровне. Божественный источник власти провоцирует возникновение искусственных границ взаимодействия государства с окружающим миром (к сожалению, не только с другими государствами, но и с другими политическими институтами в этой же стране), поскольку ограничивает рамки вероисповедания. Это, в принципе, может быть и предметом особой гордости и осознания своей избранности и исключительности.

Россия, в историческом багаже которой тысячелетнее наследие царизма, которое базируется на принципах делегированной теократии, находится в группе риска по такому «диагнозу», как политический аутизм. В этой связи проблема изучения влияния различных моделей политического делегирования

на российский политический процесс в контексте риска развития государственного аутизма оказывается весьма актуальной и теоретически востребованной.

1. Аваливани Д. Политический аутизм. [Электронный ресурс]. URL: <http://d-avaliani.livejournal.com/116291.html> (дата обращения: 30.11.2017).
2. Аутизм. Словарь психиатрических терминов [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/word/a/Autizm-3261.html> (дата обращения: 30.11.2017).
3. Выхин Н.А. Социально-экономический и политический аутизм. Разлагали-веселились... Подсчитали-прослезались (специально для «Эхо Москвы»; 26 октября 2016). [Электронный ресурс]. URL: <http://lika-michailova.livejournal.com/1165075.html> (дата обращения: 30.11.2017).
4. Гиренок Ф.И. Клиповое сознание. URL: <http://med-tutorial.ru/m-lib/b/book/3295842041/49> [Электронный ресурс]. (дата обращения: 30.11.2017).
5. Грицанов А.А. Аутизм. Философский словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://terme.ru/termin/autizm.html> (дата обращения: 30.11.2017).
6. Делягин М.Г. Опасный политический аутист. Владислав Иноземцев [Электронный ресурс]. URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/2047581> (дата обращения: 30.11.2017).
7. Зеличенко А.И. О шансе-16 и политическом аутизме [Электронный ресурс]. URL: http://echo.msk.ru/blog/ruskiysvet_dot_narod_dot_ru/1698904-echo/ (дата обращения: 30.11.2017).
8. Педагогический словарь. Аутизм [Электронный ресурс]. URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/pedagogic/articles/301/autizm.htm>.
9. Политический аутизм [Электронный ресурс]. URL: <https://medium.com/@anton.m.gook/политический-аутизм-b3ae089c4efb> (дата обращения: 30.11.2017).
10. Русакова О.Ф., Спасский А.Е. Что такое политический маркетинг: Научно-методическое издание. – Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи», 2004. – 144 с. – (Серия «Политический маркетинг»).
11. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М.: ГУП «Облиздат», 1998. 672 с.
12. Филиппов (Леонидов) А.Л. Социальный (доклинический) аутизм: «тихий убийца нации» [Электронный ресурс]. URL: http://vened.org/?option=com_content&view=article&id=3637 (дата обращения: 30.11.2017).
13. Хакамада И.М. Политический аутизм в турбулентное время [Электронный ресурс]. URL: <http://echo.msk.ru/blog/hakamada/1077960-echo/> (дата обращения: 30.11.2017).
14. Черняк Ю. Социальный аутизм [Электронный ресурс]. URL: <http://propaganda-journal.net/2302.html> (дата обращения: 30.11.2017).

References

1. Avalivani D. Politicheskij autizm. [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://d-avaliani.livejournal.com/116291.html> (data obrashheniya: 30.11.2017).
2. Autizm. Slovar' psixiatricheskix terminov [E'lektronnyj resurs]. URL:

<http://enc-dic.com/word/a/Autizm-3261.html> (data obrashheniya: 30.11.2017).

3. Vyxin N. A. Social'no-e'konomicheskij i politicheskij autizm. Razlagalivesselis'... Podschitali-proslezilis' (special'no dlya «E'xo Moskvu»; 26 oktyabrya 2016). [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://lika-michailova.livejournal.com/1165075.html> (data obrashheniya: 30.11.2017).

4. Girenok F. I. Klipovoe soznanie. URL: <http://med-tutorial.ru/m-lib/b/book/3295842041/49> [E'lektronnyj resurs]. (data obrashheniya: 30.11.2017).

5. Griganov A. A. Autizm. Filosofskij slovar' [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://terme.ru/termin/autizm.html> (data obrashheniya: 30.11.2017).

6. Delyagin M. G. Opasnyj politicheskij autist. Vladislav Inozemcev [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/2047581> (data obrashheniya: 30.11.2017).

7. Zelichenko A. I. O shanse-16 i politicheskom autizme [E'lektronnyj resurs]. URL: http://echo.msk.ru/blog/russkiysvet_dot_narod_dot_ru/1698904-echo/ (data obrashheniya: 30.11.2017).

8. Pedagogicheskij slovar'. Autizm [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/pedagogic/articles/301/autizm.htm>.

9. Politicheskij autizm [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://medium.com/@anton.m.gook/politicheskij-autizm-b3ae089c4efb> (data obrashheniya: 30.11.2017).

10. Rusakova O. F., Spasskij A. E. Chto takoe politicheskij marketing: Nauchno-metodicheskoe izdanie. – Ekaterinburg: Izdatel'skij dom «Diskurs-Pi», 2004. – 144 s. – (Seriya «Politicheskij marketing»).

11. Tixomirov L. A. Monarxicheskaya gosudarstvennost'. M.: GUP «Oblizdat», 1998. 672 s.

12. Filippov (Leonidov) A. L. Social'nyj (doklinicheskij) autizm: «tixij ubijca nacii» [E'lektronnyj resurs]. URL: http://vened.org/?option=com_content&view=article&id=3637 (data obrashheniya: 30.11.2017).

13. Xakamada I. M. Politicheskij autizm v turbulentnoe vremya [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://echo.msk.ru/blog/hakamada/1077960-echo/> (data obrashheniya: 30.11.2017).

14. Chernyak Yu. Social'nyj autizm [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://propaganda-journal.net/2302.html> (data obrashheniya: 30.11.2017).

UDC 321

DOI 10.17506/dipi.2018.32.3.94101

POLITICAL AUTISM AND POLITICAL DELEGATION

Botalov Alexey Mikhailovich,

Russian Management Community,
Vice-chairman,
Candidate of Political Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: botalov.a@mail.ru

Annotation

The article attempts to understand the meaning of modern Russian social and political discourse in the notion of “political autism”. Against the backdrop of the penetration of the term “autism” into vocabulary related to social and socio-political processes, we regretfully have to admit that this term is mainly used as a “biting” and “impartial” diagnosis to various political actors. At the same time, there is no attempt to understand the essence of “political autism”, which, of course, it is worth talking about as a kind of political phenomenon. That is why it is justified to consider political autism as a characteristic of such a political institution as a state, since it allows us to at least partially shed some light on the phenomenon of “political autism.” The most important characteristic of the state that can affect the degree of its political autism is, in the author’s opinion, a certain type of political delegation of power.

Key concepts:

social autism, political autism, political delegation.

DISCOURSE-P
Дискурс★Ни
Научный журнал

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILIOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

№ 4 (33) 2018

DISCOURSE-P
ДИСКУРС★НИ

УДК 001:165.9
DOI 10.17506/dipi.2018.33.4.105115

«УЧЕНЫЙ ПРОФАН» VERSUS САНОВНЫЙ ИЕРОКРАТ: К ПРОБЛЕМЕ ВОЗМОЖНОСТИ СУВЕРЕННОГО ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ПОЛИТАРНОМ ОБЩЕСТВЕ

Васечко Вячеслав Юрьевич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской Академии наук,
ведущий научный сотрудник,
доктор философских наук, доцент,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: vyacheslavpetro@narod.ru

Аннотация

Стремление некоего индивида к знанию ради самого знания выглядит для массы обычных людей как недопустимая роскошь, или чудачество, или снобизм. Однако именно благодаря тем, кто одержим жаждой познания и не довольствуется наличным массивом эмпирической и теоретической информации, прогрессируют, в конечном счете, и наука, и общество, и культура. К факторам, лимитирующим свободное исследование Природы и Космоса в политарных социумах (Древние Египет и Вавилон, древние и средневековые Индия и Китай, средневековые арабо-мусульманские государства), относятся господствующая сакральная картина мира и вполне земные интересы клира, стоящего на ее страже. «Ученые профаны» (астрономы, механики, математики, врачи и т. д.) вынуждены заниматься своей профессиональной деятельностью в условиях мощного и жесткого сопротивления хорошо сплоченной иерократии. Эпистемологический дискурс в политарном обществе оказывается возможным, в частности, благодаря свободному диалогу между учеными и через преодоление монологического, догматического стиля мышления, навязываемого правящей иерархией и консервативными социальными структурами.

Ключевые понятия:

политаризм, ученый, профанное, сакральное, диалогичность, монологичность, эпистемологический дискурс.

Если воспользоваться устоявшейся в философии науки оппозицией «интернализм – экстернализм», то очевидно, что реально двигают вперед естествознание (равно как и математику, без которой полноценное научное исследование немислимо) именно «интерналисты» – те, кто находится на переднем крае, кто ясно видит пробелы в массиве наличного знания, кто способен осознать и корректно сформулировать имеющиеся эпистемологические проблемы и непосредственно ориентирован на их решение. С их точки зрения любая экстерналистская мотивация (на власть, карьеру, богатство, славу, комфорт и т. д.) вторична, привходяща и даже порочна, ибо представляет собой измену чистой науке. Таких отчаянных энтузиастов всегда очень немного, а жизнь их, как правило, не считается успешной на взгляд их практического современника, уверенно стоящего на земле обеими ногами. Однако именно они, их содружество представляют собой ту социально-культурную клеточку, тот креативный кластер, в котором не только сохраняется наиболее ценное из знаний прошлых эпох, но и генерируется нечто качественно новое, совершаются эпистемологические прорывы, определяющие в дальнейшем векторы развития и собственно науки, и (опосредованно) культуры и общества в целом.

Наша мысль будет понятнее, если вспомнить те характеристики, которые А. Шопенгауэр давал людям, олицетворяющим своей деятельностью потребности и интересы не нынешнего состояния социума, а того, чем он призван стать в будущем: «...чем больше человек принадлежит потомству, т. е. собственно человечеству вообще и в целом, тем более он чужд своему веку» [18, с. 96–97]; «Если бы кто-нибудь, проиграв великое творение, вздумал принять во внимание общее мнение или приговор сотоварищей по деятельности, то они на каждом шагу сбивали бы его с истинной дороги. Поэтому кто хочет предстать пред потомством, тот должен уклониться от влияний своего времени, но за то, конечно, отказаться и от влияния на свое время и быть готовым славу веков купить ценою похвалы современников» [19, с. 267].

Жизнь ученого в том обществе, которое описывается в литературе как «политарное» [6; 7; 8; 14, с. 52–58] и которое известно также под именами «азиатской формации», «восточной деспотии» или же «олимпийской культуры» [12, с. 26–50], также проходит под мощным экстерналистским прессингом. Сугубо эпистемологическая ориентация – на познание законов мироустройства и разнообразных метаморфоз материи – выглядит для подавляющего большинства тех, кто окружает его в повседневной жизни, независимо от их социального ранга и статуса, малоубедительной и, более того, нередко подозрительной и просто опасной. И не последний из факторов, с которыми вынужден считаться стремящийся к свободному познанию и исследованию индивид, – это мнения, суждения и предрассудки *религиозного характера*. В любой модели политарного общества – в древнем Вавилоне или царствах средневековой Индии, в Арабском Халифате или императорском Китае – ему приходится заниматься своей профессиональной деятельностью в условиях уже сформировавшейся *религиозной картины мира*, включающей в себя, разумеется, и картину природы, живой и неживой. Эту картину вполне правомерно можно сравнить с известным понятием *парадигмы* Т. Куна, поскольку она, будучи некоторой целостной, тотальной конструкцией, в значительной степени определяет кон-

кретные формы, методы и направления эпистемологического дискурса – как допустимые и поощряемые, так и третируемые, подавляемые, табуируемые.

Оговоримся, что те социальные фигуры, которые приведены в заголовке нашей статьи, являются достаточно условными, а противостояние их вовсе не обязательно принимает вид лобового столкновения в конкретном пространстве и времени. «Ученый профан» (а профан он постольку, поскольку занят познанием профанного мира, Натуры, и не задается вопросами трансцендентными и метафизическими) – это представитель той общественной силы, что обеспечивает весь социум адекватным знанием об устройстве и закономерностях функционирования и развития внешнего по отношению к нему природного мира, частью которого этот социум всегда остается. Благодаря этим «профанам» знание о внесоциальной реальности постоянно уточняется и углубляется, а воплощаясь в различные инструменты, приборы и прочие технические средства, оно умножает и усиливает производительные силы общества, делая жизнь людей все более богатой, интересной и безопасной. Сообщество этих «профанов» есть эпистемологический авангард человечества, действующий ради его всеобщего блага, ибо верное знание об устройстве мироздания является необходимым условием для решения и самых кардинальных вопросов экзистенциального характера – таких, например, как цель, смысл и предназначение существования отдельных индивидов и всего вида *Homo sapiens*.

Напротив, фигура, обозначенная нами как сановник-иерократ, наделена политарным социумом иными функциями и, естественно, призвана к решению иных социальных задач. И жрецы Вавилона и Египта, и каста брахманов (мыслимая как единое целое), и наделенные весьма солидными властными полномочиями конфуцианские интеллектуалы, и официозные мусульманские теологи – все они стоят на страже уже сложившейся системы ценностей, куда включается и некоторое целостное представление о природе, Космосе, Вселенной. Истина полагается ими как уже открытая людям (пусть и немногим) высшими силами. У них нет прямой заинтересованности в детализации, углублении и тем более пересмотре наличной картины мироустройства, зато есть четкое сознание того, что административно неконтролируемая поисковая деятельность разных самодеятельных энтузиастов чревата опасными открытиями, могущими в перспективе опрокинуть не только традиционные ценности и концепты, но и тот порядок жизни, с которым данная иерократия себя отождествляет.

Отсюда та неприязнь и то недоверие, с которыми жреческая и богословская верхушка относится к тем, кто стремится просто изучать материальный мир, как он есть, и не подчиняется предвзятым догматическим суждениям, откуда бы они ни исходили, например: «По мнению большинства представителей ханифитского и ханбалитского мазхабов (богословско-юридические школы в исламе. – В. В.), любое стремление к профаническому знанию (в медицине, астрономии и т. д.) есть потенциальная и опасная предпосылка неверия, ибо истину ведает только Всемогущий Аллах. Если же человек утверждает, что он знает, тем самым он в той или иной степени противопоставляет себя Богу. Отсюда и их крайне отрицательное отношение к поискам ответов на многочисленные «как» и «почему»... ибо это означало бы отказ от прямого и бук-

вального истолкования Корана, где, как считает мусульманская теология, уже есть ответы на эти вопросы» [17, с. 147].

Сказанному не противоречит тот факт, что в политарных обществах типичной была ситуация, когда одно и то же лицо совмещало в себе эти две различных социальных роли – ученого, одержимого жаждой рационального познания предметно-чувственного («профанного») мира, и священнослужителя, поставленного, кроме прочего, чтобы поддерживать и вновь, и вновь подтверждать господствующие иррациональные догмы относительно происхождения и структуры этого же самого мира. Просто в данном случае линия противостояния проходила не вне сознания субъектов (когда отделяются друг от друга и конфликтуют социальные группы с альтернативными ценностными мотивациями), а внутри него. И поэтому даже в полемике между истинными учеными будут встречаться аргументы типа *asylum ignorantiae*, как называл Спиноза «божьей волей», о которой вспоминают тогда, когда не находят более серьезных доводов. Так, Брахмагупта, крупнейший индийский математик и астроном VII века, не в силах опровергнуть теорию солнечных и лунных затмений жившего двумя веками ранее Ариабхаты (причем теорию совершенно верную, как нам теперь известно), обращается к сакральным текстам, где говорится, что причина затмений – голова мифического дракона Раху: «В Ведах, которые есть слово божие, из уст Брахмы говорится, что Голова вызывает затмения. Напротив того, Ариабхата, идя наперекор всем (видимо, наперекор всем здравомыслящим брахманам. – В. В.), из вражды к упомянутым священным словам утверждает, что затмение вызывается не Головой, а только Луной и тенью Земли <...> Эти авторы должны прекратить свое сопротивление большинству, ибо все, что есть в Ведах, в «Смрити» и в «Самхитах», – верно» [9, с. 102].

Можно указать и на противоположный исход разрешения аналогичного внутреннего конфликта. Так, весьма различаются два дошедших до нас египетских медицинских текста эпохи Нового царства: если в папирусе Эберса каждый рецепт сопровождается магическим заклинанием и заговором, то папирус Эдвина Смита обходится практически без апелляции к трансцендентным сущностям и содержит только четкие и ясные наблюдения и рекомендации [16, с. 255–259]. Очевидно, что тем жрецам-врачевателям, которые составляли второй папирус и руководствовались им в своей практике, удалось, в целом, преодолеть в своем сознании те жесткие догматические конструкты, которые неизбежно внедрялись и сковывали его в силу их воспитания, социального положения и повседневных обязанностей.

Один из пунктов, где имеет место конфликт между противоположными эпистемологическими установками (научно-рационалистической и клерикально-охранительной), может быть, по нашему мнению, концептуализирован через оппозицию «диалогичность – монологичность». В данной паре каждое из понятий атрибутирует стиль мышления, присущий одной из обозначенных нами социальных фигур, а за их «борьбой», происходящей в дискурсивном, спекулятивном пространстве, при небольшом усилии нетрудно обнаружить вполне реальную борьбу людей, по-разному смотрящих на мир, равно как и конфликт полярных социальных трендов.

Тот тип религиозного сознания, который господствует в политарном обществе, предусматривает лишь одну генеральную траекторию движения Истины – вертикально-нисходящую: из занебесных трансцендентных сфер, через облеченных особым саном официальных посредников-иерократов – в массы непросвещенных профанов. Те, кто пытается разыгрывать роль хранителей и интерпретаторов Истины, не имея официального сана, третируются как самозванцы и еретики. При такой расстановке социальных ролей, где смертные изначально поделены на две неравные по определению категории, единственным способом коммуникации между ними становится *монолог*: одна сторона устно или письменно возвещает некие сакральные тезисы (иногда даже на том языке, который понятен только ей), а другая призвана безмолвно и смиренно ей внимать, все принимая, всему веря и всегда со всем соглашаясь.

Сама возможность сомнения и несогласия исключается тем обстоятельством, что сакральный текст преподносится не как творение слабого человеческого разума, а как первозданное и неискаженное людьми Откровение, которое не допускает никаких изменений. Веды в индуизме суть вечное и несотворенное знание, проявляющееся в материальном мире в начале каждого его нового цикла в процессе дыхания Брахмы. Коран, предвечно существующий и хранимый у Аллаха, передается им через архангела Джебрайла Мухаммеду с тем, чтобы он донес его содержание до людей в неизменном виде (даже переводы Корана на иные языки не обладают священным статусом, а трактуются лишь как приблизительные пересказы его аутентичного смысла). Культ буквы до того силен, что порой сопровождается полным непониманием того, что говорится или переписывается, о чем свидетельствует, например, анализ текстов в египетских гробницах [10, с. 163–165]. В любом случае главное – это сохранить *форму*, в которую облечено божественное знание, позиционируя ее профанам как само это знание, во всей его наличности и законченности.

Разумеется, полностью обойтись без диалога невозможно и здесь. Комментарии к священным книгам предполагают читателя, у которого могут возникнуть вполне конкретные недоуменные вопросы. Для ознакомления широкой публики с основными конфессиональными постулатами может быть использован жанр интервью типа созданных на рубеже и в первых веках нашей эры «Вопросов Милинды», комментаторской части «Йога-сутры» Патанджали или «Маркандея-пураны», где риши Маркандея авторитетно отвечает на вопросы менее продвинутого мудреца Джаймини [5, с. 144–145]. Во многих случаях вербальный контакт между посвященным и прозелитом оживляет сухость исходной догматики и побуждает последнего мыслить более свободно и самостоятельно, что можно наблюдать также при чтении «Железной флейты», «Лунной» или «Бхагавадгиты». Но сама ситуация несопоставимости сил, где один участник диалога как бы пророчествует, осененный свыше, а функция другого – эти пророчества одобрять и принимать, вряд ли приемлема для подлинной научной дискуссии, где не должно быть персон, в принципе огражденных от критики.

В политарных социумах возможны и диалоги иного рода. Среди образованных иерократов, с легкостью ориентирующихся в своей эзотерической литературе, может вспыхивать полемика относительно самых разных вопро-

сов. Самим участникам этих диспутов может представляться, что речь идет о каких-то очень важных, даже кардинальных вещах, а градус напряженности здесь может достигать запредельных величин, порождая взаимные обвинения в ереси и требования суровой расправы с оппонентами. Но вряд ли следует смотреть на подобные «теоретические дискуссии» как на споры, в которых рождается истина. За копаниями в догматических тонкостях, терминах и дефинициях, как правило, просматривается желание отстоять свой вполне реальный земной интерес или же отобрать часть привилегий у конкурирующей иерократической группировки. Сама же ожесточенность, с которой ведутся эти дискуссии, равно как и ничтожность и частая надуманность поводов к ним, могут вызвать у интеллектуала, оказавшегося в роли стороннего наблюдателя, лишь антипатию к людям, позволяющим втягивать себя в такие занятия. Так, Бируни, комментируя яростные споры профессиональных законников относительно дней рождения и смерти Мухаммеда, точного времени хиджры и т. п., порожденные многочисленными разногласиями и нестыковками в тексте Корана, веско замечает: «Я нисколько не сомневаюсь, что все эти споры имеют целью вызвать смущение и ввести в сомнение, подобно тому, как предания полны сведений, не порождающих ничего, кроме чистейшего безбожия...» [2, с. 377].

Однако дело, конечно, не в склонности характера отдельных лиц и не в желании любой ценой одержать верх над противником. Ценность дискуссии вообще отвергать невозможно, ибо именно здесь выясняется, шлифуется и уточняется теоретическая позиция имярека (не только чужая, но и своя собственная), развивается способность логически рассуждать, выявлять противоречия, анализировать и преодолевать их. Поэтому неслучайно в другом месте Бируни, например, выражает симпатию христианскому ересиарху Несторию, который «побуждал размышлять (о догматах веры), исследовать, делать выводы и заключения по аналогии, чтобы быть готовым к спору и прениям с противниками и отрешиться от (слепого) следования их учению [2, с. 352]. Главное, чтобы критика не превращалась в самоцель и чтобы отрицанию (как и принятию) чьего-либо мнения – неважно, касается оно вещей посю- или потусторонних – предшествовало ясное и адекватное понимание его смысла.

Разумеется, это относится не только к религиозным предметам. Диалог, предполагаемый научным дискурсом, также неизбежно становится неэффективным и формальным в тех случаях, когда какая-либо из сторон ведет себя слишком доверчиво и слепо подчиняется чьему-либо авторитетному мнению, независимо от того, касается дело эмпирической области знания или теоретической. Без попыток оценить суждения авторитета объективно, исходя из общих когнитивных установок, без «плавки и очистки словесной руды», как образно пишет Бируни [1, с. 139], коммуникация между учеными не будет плодотворной. Честный служитель науки должен действовать здесь дотошно и принципиально – так, как это делает и сам Бируни: «Мне же следует «сделать пробу» этим словам со всех сторон, ибо я не отказываюсь от принятия истины, в каком бы «руднике» я ее не нашел» [1, с. 140]. Порой такой подход может представиться общественному мнению ученых гиперкритицизмом и самонадеянностью, что выразил, например, один из современников Бируни, не поддержавший его в полемике по физическим вопросам с Ибн Синой: Бируни, мол, «дискутировал

с Абу Али. Но не его дело углубляться в пучину умозрения. Каждый человек успевает лишь в том, к чему он предназначен создателем» [13, с. 210]. Однако дальнейшее развитие науки показало, что Бируни, стоявший здесь на позициях опытной науки и выдвигавший аргументы, подкрепленные хорошо ему известными фактами и наблюдениями, был в вопросах своих ближе к истине, чем его не менее великий адресат, выступивший в своих ответах лишь интерпретатором и защитником устаревших натурфилософских взглядов Аристотеля.

Следует признать, что и сам Ибн Сина интуитивно еще с юности достаточно четко проводил грань между нормами эпистемологического и спекулятивно-теологического дискурсов. Общась с друзьями отца, приехавшими из фатимидского Египта, он познакомился с исмаилитской доктриной и хорошо усвоил ее основные положения. Но дальше этого дело не пошло и адептом данного учения он не стал: «... мое сердце не склонялось к их учению, несмотря на их призывы принять их убеждения» [4, с. 17]. Такого правила он придерживался и на протяжении всей жизни, так и не присоединившись ни к одному из конкурирующих теологических течений в исламе, мечтавших привлечь под свои знамена известного на всем Востоке интеллектуала. Конечно, это лишило его поддержки со стороны мусульманских авторитетов и явилось одной из причин постоянных обвинений в ереси, нападок и гонений, которые ему пришлось претерпеть. Зато Абу Али сохранил за собой право на духовную независимость, став символом настоящего ученого, и имел полное основание для такого, к примеру, обращения к своим преследователям:

Вашу ложь не приемлю, я – не лицемер,
Поклоняюсь я истине – лучшей из вер.
Я один, но неверным меня не считайте,
Ибо истинной веры я первый пример [11].

Отметим также, что феномены откровенно религиозного и квазинаучного догматизма вполне могли смыкаться между собой, резонируя и взаимопроникая. Это происходило в тех случаях, когда некоторые содержащиеся в сакральных текстах суждения казались настолько самоочевидными, настолько хорошо согласующимися с данными чувств и элементарным здравомыслием, что любое сомнение в их истинности представлялось нелепостью даже для требовательной и, вообще говоря, весьма критичной рационально-научной рефлексии. Яркое свидетельство тому – принцип геоцентризма, которому на протяжении многих веков противилось не только религиозно-мифологическое сознание, но и умы достаточно продвинутых ученых, отказывавшихся обсуждать хотя бы возможность альтернативных космогонических концепций с допущением собственного движения Земли. Стоило только Бируни, анализирувавшему теории Ариабхаты и Брахмагупты, высказать мысль, что «вращательное движение Земли не порочит астрономии, а все астрономические явления протекают в согласии с этим движением» [2, с. 255], иными словами, предположить равноправность гео- и гелиоцентрического толкования наблюдений за небесными светилами, как практически весь ученый мир исламского Востока расценил это как, по меньшей мере, странность выдающегося ума или, во всяком слу-

чае, идею, недостойную серьезного обсуждения и пребывающую за рамками научного дискурса. Так, живший целыми двумя веками позже Бируни марокканский астроном и математик аль-Маракиши (1210–1260) искренне удивлялся, как мог тот усомниться в правильности геоцентрической системы, когда ее придерживались такие научные авторитеты, как Птолемей, Рази и тот же Ибн Сина [15, с. 47]. Как видим, ослепление мощью некоей личности, пусть и обладающей немалыми заслугами, превращение ее в оракула, монологично вещающего непререкаемые истины, надолго лишает целые поколения ученых того теоретического плацдарма, на котором мог бы развернуться свободный и полноценный диалог и который стал бы почвой для более глубокого проникновения в тайны природы.

Итак, политарный строй при всем его традиционализме и невысокой социальной оценке когнитивной деятельности, не завязанной напрямую на каком-либо внешнем ей интересе (утилитарно-техническом, карьерном, административном, меркантильном и т. д.), оставляет известное пространство для суверенного эпистемологического дискурса и предоставляет немало возможностей для самореализации мотивированным и должным образом подготовленным индивидам. Размеры этого пространства и спектр указанных возможностей существенно варьируются в зависимости от уровня экономического развития, политической системы, международной обстановки и иных факторов, то заметно раздвигаясь (в периоды так называемого расцвета наук и искусств), то почти до предела суживаясь (в периоды застоя их и упадка). Иерократия, как звено в структуре государственной власти и социального управления, претендует на монополию в формировании и сохранении общепринятой картины мира и потому не склонна содействовать попыткам ее обновления и реформирования. Однако ученое сообщество при благоприятных условиях способно успешно противостоять иерократическому давлению и решать все более сложные эпистемологические задачи.

1. Бируни А. Р. Геодезия // Избранные произведения. Т. III. – Ташкент: Фан, 1966. – 366 с.
2. Бируни А. Р. Индия. – М.: Ладомир, 1995. – 728 с.
3. Бируни А. Р. Памятники минувших поколений // Избранные произведения. Т. I. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957. – 488 с.
4. Болтаев М. М. Абу Али Ибн Сина – великий мыслитель, ученый, энциклопедист средневекового Востока. – М.: Сампо, 2002. – 400 с.
5. Бонгард-Левин Г. М. Древнеиндийская цивилизация. – М.: Наука. Издат. фирма «Восточная литература», 1993. – 320 с.
6. Васечко В. Ю. Интеллектуалы в политарном обществе: профессиональная идентичность и социокультурный контекст (размышления над романом Б. Пруса «Фараон») // Modern History: Партийно-политическая, духовная история и общественные движения в странах Запада и Востока. Запад и Восток в глобальных трансформациях: история и современность: сборник научных трудов памяти О. А. Науменкова // Материалы научной сессии кафедры зарубежной истории БашГУ. Вып. XVII. 10 ноября 2017 г. / Отв. ред. Р. Р. Тух-

ватуллин. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. – С. 183–191.

7. Васечко В.Ю. Ученый в политарном обществе: альтернативы нравственного выбора // *Virtus. Scientific Journal*. November, Issue 18, 2017. – С. 15–21.

8. Васечко В.Ю. Ученый в политарном социуме: сопряженность профессионального и смысложизненного дискурса // *Дискурс-Пи*. Научный журнал. № 2 (27). Декабрь 2017. – С. 48–57.

9. Володарский А.И. Ариабхата: К 1500-летию со дня рождения. – М.: Наука, 1977. – 112 с.

10. Замаровский В. Их величества пирамиды. – М.: Главная редакция восточной литературы «Наука», 1986. – 432 с.

11. Ибн Сина, Абу Али. Избранное [Электронный ресурс]. URL: http://royallib.com/read/ibn_sina_abu_ali/izbrannoe.html#0.

12. Петров М.К. Самосознание и научное творчество. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1992. – 272 с.

13. Розенфельд Б.А., Рожанская М.М., Соколовская З.К. Абу-р-Райханал-Бируни. 973–1048. – М.: Наука, 1973. – 272 с.

14. Семенов Ю.И. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. – М.: УРСС, 2011. – 376 с.

15. Сираждинов С.Х., Матвиевская Г.П., Ахмедов А. Математика и астрономия у Беруни. – Ташкент: Фан, 1973. – 48 с.

16. Стучевский И.А. Научная мысль в Древнем Египте // *Культура Древнего Египта*. – М.: Главная редакция восточной литературы «Наука», 1976. – С. 250–278.

17. Султанов Ш.З., Султанов К.З. Омар Хайям. – М.: Мол. гвардия, 2007. – 320 с.

18. Шопенгауэр А. Афоризмы для усвоения житейской мудрости // Шопенгауэр А. Афоризмы и максимы. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. – С. 15–176.

19. Шопенгауэр А. Мысли // Шопенгауэр А. Афоризмы и максимы. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. – С. 177–288.

References

1. Biruni A.R. *Geodeziya* // *Izbrannye proizvedeniya*. Т. III. – Tashkent: Fan, 1966. – 366 s.

2. Biruni A.R. *Indiya*. – М.: Ladomir, 1995. – 728 s.

3. Biruni A.R. *Pamyatniki minuvshix pokolenij* // *Izbrannye proizvedeniya*. Т. I. – Tashkent: Izd-vo AN UzSSR, 1957. – 488 s.

4. Boltaev M.M. *Abu Ali Ibn Sina – velikij myslitel', uchenyj, e'nciklopedist srednevekovogo Vostoka*. – М.: Sampo, 2002. – 400 s.

5. Bongard-Levin G.M. *Drevneindijskaya civilizaciya*. – М.: Nauka. Izdat. firma «Vostochnaya literatura», 1993. – 320 s.

6. Vasechko V.Yu. *Intellektualy v politarnom obshhestve: professional'naya identichnost' i sociokul'turnyj kontekst (razmyshleniya nad romanom B. Prusa «Faraon»)* // *Modern History: Partijno-politicheskaya, duxovnaya istoriya i obshhestvennye dvizheniya v stranax Zapada i Vostoka*. Zapad i Vostok

v global'nyx transformacijax: istoriya i sovremennost': sbornik nauchnyx trudov pamyati O. A. Naumenkova // Materialy nauchnoj sessii kafedry zarubezhnoj istorii BashGU. Vyp. XVII. 10 noyabrya 2017 g. / Otv. red. R.R. Tuxvatullin. – Ufa: RIC BashGU, 2017. – S. 183–191.

7. Vasechko V.Yu. Uchenyj v politarnom obshhestve: al'ternativy npravstvennogo vybora // Virtus. Scientific Journal. November, Issue 18, 2017. – C. 15–21.

8. Vasechko V.Yu. Uchenyj v politarnom sociume: sopryazhennost' professional'nogo i smyslozhiznennogo diskursa // Diskurs-Pi. Nauchnyj zhurnal. № 2 (27). Dekabr' 2017. – S. 48–57.

9. Volodarskij A.I. Ariabxata: K 1500-letiyu so dnya rozhdeniya. – M.: Nauka, 1977. – 112 s.

10. Zamarovskij V. Ix velichestva piramidy. – M.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury «Nauka», 1986. – 432 s.

11. Ibn Sina, Abu Ali. Izbrannoe [E'lektronnyj resurs]. URL: http://royallib.com/read/ibn_sina_abu_ali/izbrannoe.html#0.

12. Petrov M.K. Samosoznanie i nauchnoe tvorchestvo. – Rostov n/D: Izd-vo Rost. un-ta, 1992. – 272 s.

13. Rozenfel'd B.A., Rozhanskaya M.M., Sokolovskaya Z.K. Abu-r-Rajxanal-Biruni. 973–1048. – M.: Nauka, 1973. – 272 s.

14. Semenov Yu.I. Politarnyj («aziatskij») sposob proizvodstva: sushhnost' i mesto v istorii chelovechestva i Rossii. – M.: URSS, 2011. – 376 s.

15. Sirazhdinov S.X., Matvievskaya G.P., Axmedov A. Matematika i astronomiya u Beruni. – Tashkent: Fan, 1973. – 48 s.

16. Stuchevskij I. A. Nauchnaya mysl' v Drevnem Egipte // Kul'tura Drevnego Egipta. – M.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury «Nauka», 1976. – S. 250–278.

17. Sultanov Sh.Z., Sultanov K.Z. Omar Xajyam. – M.: Mol. gvardiya, 2007. – 320 s.

18. Shopengaue'r A. Aforizmy dlya usvoeniya zhitejskoj mudrosti // Shopengaue'r A. Aforizmy i maksimy. – L.: Izd-vo LGU, 1991. – S. 15–176.

19. Shopengaue'r A. Mysli // Shopengaue'r A. Aforizmy i maksimy. – L.: Izd-vo LGU, 1991. – S. 177–288.

UDC 001: 165.9

DOI 10.17506/dipi.2018.33.4.105115

“THE SCIENTIST LAYMAN” VERSUS THE STATELY HIEROCRAT: THE PROBLEM OF POSSIBLE SOVEREIGN EPISTEMOLOGICAL DISCOURSE IN POLITARY SOCIETY

Vasechko Vyacheslav Yur’evich,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Leading Scientific Employee,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: vyacheslavpetro@narod.ru

Annotation

The desire of the individual to the knowledge for the sake of knowledge looks for the masses of ordinary people as invalid luxury, or crankiness or snobbery. However, precisely because of those who are obsessed with a thirst for knowledge and not content with cash array of empirical and theoretical information, progress eventually science, society and culture. Factors limiting the free exploration of nature and the cosmos in politary societies (ancient Egypt and Babylon, ancient and medieval India and China, medieval Arab-Muslim States), are the dominant sacred worldview and earthly interests of the clergy standing on its guard. “Scientists laymen” (astronomers, engineers, mathematicians, physicians, etc.) are forced to practice their profession in conditions of strong and hard resistance of good cohesive hierocracy. Epistemological discourse in politary society is possible, in particular, through a free dialogue between scientists and through bridging monological, dogmatic thinking style imposed by the ruling hierarchy and conservative social structures.

Key concepts:

politarianism, scientist, the layman, the sacred, dialogicality, monologicality, epistemological discourse.

УДК 327, 329.3

DOI 10.17506/dipi.2018.33.4.116123

ДИХОТОМИЯ «НАСИЛИЕ-НЕНАСИЛИЕ» В ДИСКУРСЕ ИСЛАМА

Резник Сергей Васильевич,

Белгородский государственный
национальный исследовательский университет,
доцент,
Белгород, Россия,
E-mail: reznik@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье автор предпринимает попытку выявить истоки дихотомии насилия и ненасилия в арабо-исламской религиозно-философской мысли и теологии традиционного ислама. Также в статье проводится анализ трансформации смыслов насилия и ненасилия в идеологии современного ислама и особенностей традиционного ислама в России, в контексте рассмотрения проблем насилия и ненасилия в идеологии и практике российского ислама.

Ключевые слова:

традиционный ислам, дихотомия «насилие-ненасилие», джихад, салафизм, евроислам.

Насилие и ненасилие как проблемы современной философии явно или неявно присутствуют в большинстве традиционных философских проблем, однако, довольно редко рассматриваются сами по себе. Дело обстоит не только в том, что насилие и ненасилие «невозможны» без человека как субъекта или объекта, в большей мере это обусловлено тем, что в большинстве исследований альтернативой остается рассмотрение насилия и ненасилия в контексте политики или этики. Возникает необходимость в новом подходе, при котором политика и этика также остаются, но рассматриваются как две другие стратегии в анализе насилия и ненасилия, подход в определении насилия и ненасилия, который не оставит за рамками исследования человека, как субъекта насилия и ненасилия.

«Мифологическое» насилие, практикуемое в среде аравийских племен доисламской эпохи (джахилийи), сменяется нравственно-правовым насилием теократического государства, с его интуициями божественного закона (шариата)

и идеи божественной справедливости. Заключенные в пространство халифата, они становятся координатами движения энергии насилия. От оппозиции естественного и неестественного, силы и насилия, справедливого и несправедливого, практики насилия в следующую эпоху оформляются в религиозно-нравственное принуждение. Последнее, в свою очередь, трансформируется в политическое насилие, которое в своих ранних формах раскрывается в концептах «джихада», а позднее – «исламской революции» [1].

Насилие и ненасилие несовместимы по определению, они являются по сути двумя противоположными практиками, выражающимися в соответствующих ценностях. Однако в реальной жизни (индивидуальной, групповой, общественно-государственной) они переплетены и нередко циклически сменяют друг друга. Исследователи, изучающие феномены насилия, социальной агрессии, деструкции, задаются вопросами: «Почему насилие, которое тоже может длиться долго, носит циклический характер, все же сходит на нет или целиком замещается позитивной кооперацией бывших врагов? Как получается, что после жесточайших войн, жертв и разрушений, которые только увеличивают символический капитал насилия, социальный прогресс идет в другую сторону?» [8, с. 15].

Важным для нашего исследования является обращение к образу человека в исламе. Наша задача заключается в том, чтобы выявить основания насилия и ненасилия в исламской антропологии. Для решения поставленной задачи мы должны обратиться к вопросу о статусе человека в исламе, как в исламе решается проблема различения человека добра и зла. Движущим импульсом развития исламской религиозной мысли явились вопросы: о критериях подлинного поклонения Богу; о путях достижения блага и преодоления зла; об ответственности человека за совершаемый им выбор. В данном контексте акцент на «поклонении» определяет трактовку в исламе понятий блага и зла, которые трактуются, прежде всего, как благо и зло конкретного поступка. Согласно исламской этике поступки оцениваются в соответствии с намерением совершающего их человека. Наилучшим же намерением является намерение поклоняться Богу, что обеспечивает человеку счастье в земной и загробной жизни.

Кораническая антропология, признавая за человеком не только статус «раба Аллаха», но и Его наместника на земле, направляет действия верующих на активное преобразование их земной жизни в духе предписаний ислама. Разработанные исламской теологией и коранической антропологией идеи императива намерения как сообразного велению Бога действия, понимания Бога как Абсолютной Воли, последовательного монотеизма (Бог – единственный источник блага и зла), блага как повиновения божественному закону, равенства земного и потустороннего блага, избранности исламской общины (уммы) и др. определяют основное содержание подходов и решений проблем насилия и ненасилия в традиционном исламе.

В коранической антропологии принцип ненасилия раскрывается через положительное содержание таких категорий, как милосердие, сотрудничество, терпимость, солидарность, любовь, свобода, равенство. Милосердие обычно определяется как склонность к прощению, а не к наказанию. Исламская традиция говорит о милосердии Бога, которое охватывает все Его творения. Одна из сур Корана названа по великому качеству Аллаха – Ар-Рахман («Милостивый»). Также от слова «милосердие» происходят сразу два имени или качества Аллаха –

«Ар-Рахман» («Милостивый») и «Ар-Рахим» («Милосердный»). Почти все суры Корана начинаются со слов: «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного!». Кроме того, Бог заверяет человека в том, что кто бы ни совершил грех, он будет прощен, если раскается и прекратит совершение этого проступка. В суре «Скот» сказано: *«И когда придут к тебе те, которые веруют в Наши знамена, то говори: «Мир вам!» Начертал Господь вам самому Себе милость, так что, кто из вас совершит зло по неведению, а потом раскается после этого и станет благим, то Он – прощающ и милосерд»* (6: 54) [2]. Данный аят Корана подтверждается словами пророка Мухаммеда, в которых он приводит следующее знамение Аллаха: «Моя милость превышает Мой гнев» («Сахих» Аль-Бухари, хадис 7422, передал Абу Хурайра) [6].

Одной из самых сложных проблем в исследовании идеологием насилия и ненасилия в теологии традиционного ислама является концепция джихада. Сложность заключается в том, что понятие «джихад» находится в зависимости от субъективного восприятия отдельного человека, лидера. В религиозном контексте оно означает усилие верующего на пути к Богу, «великую войну», которую каждый верующий мусульманин должен вести внутри самого себя против своих пороков, невежества и зла. «Малый джихад» ведется против врагов веры и истины, против зла, насилия. Насилие в исламе позволено применять только в крайнем случае и только против тех, кто наглядно доказал свои злые намерения, кто является агрессором, убийцей. Во всех остальных случаях, шариат призывает к терпимости и увещанию.

Слова «милосердие» и «мир» упоминаются в Коране значительно чаще, чем «джихад». В соответствии с Кораном, Аллах – не бог войны (в качестве сравнения можно упомянуть одно из имен ветхозаветного Яхве – Саваоф, что означает воитель). Исламское понятие милосердия всеобъемлюще и подчеркивает взаимосвязанность всего сотворенного с собой и с Творцом. Милосердие начинается с Бога и даруется Им каждому живому созданию. Люди, проявляющие друг к другу милосердие, оказываются объектом еще большего милосердия Бога. Такое видение ислама поощряет снятие барьеров между народами и является основополагающим фундаментом, на котором строятся жизнь и цивилизация.

Интерпретация священных текстов ислама идеологами салафизма актуализирует размышления о месте насилия и ненасилия в современном исламе. «Разрушительная сторона человеческой природы, деструктивная деятельность человека особенно ярко проявились в XX веке: массовые убийства, революции, войны, многочисленные террористические акты. Из средств массовой информации мы ежедневно узнаем о совершающихся даже в самых благополучных странах насильственных преступлениях. Никакие моральные, религиозные, правовые нормы не в состоянии предотвратить деструкцию. Учитывая современный уровень развития техники и технологии, деструктивная деятельность в настоящее время представляет реальную угрозу не только для отдельных социальных групп, но и для всего человечества» [3, с. 3].

Объективный анализ культурно-исторической практики народов ближневосточного региона конца XX – начала XXI столетий говорит о том, что никакие спады в экономической сфере не приводили к увеличению террора и насилия. Именно в ситуации экзистенциального выбора, пограничной ситуации возникает антропология насилия и ненасилия, когда человек оказывается перед выбором

между жизнью и смертью, свободой и несвободой, добром и злом, насилием и ненасилием.

Прямой связи не обнаруживается и с уровнем образованности потенциальных «рекрутов» террористических организаций и участников терактов. Этот факт подтверждает равноценная поддержка террористических акций, как в среде палестинских уличных торговцев, так и в среде студенческой молодежи, и даже профессоров. Как показывает практика, участниками терактов становятся выходцы из самых различных социальных слоев и жизненных сфер. Также следует заметить, что серьезные изменения личности, в первую очередь связаны с принадлежностью человека к какому-либо культу и принятием его нормативной системы.

Салафиты всех мастей воспринимают ценности материального мира с точки зрения их полезности для достижения вечных, глобальных целей, в первую очередь создания теократического государства – всемирного халифата. Будучи идеационалистами (в терминологии П. А. Сорокина [7, с. 48]), рядовые члены исламистских движений в целом враждебны к любым мирским (суетным по их убеждению) ценностям. В радикальных сообществах подобного рода материальный успех, богатство не являются преобладающей ценностью, они могут восприниматься лишь как необходимое условие достижения высшей цели. Служение религии, знание законов шариата, хадисов Пророка есть тот идеал, на который должен ориентироваться, по убеждению салафитов, истинный приверженец «чистого» ислама. Следует подчеркнуть, что идеологи радикального ислама делают акцент на насильственных методах исполнения установленных Аллахом и переданных Пророком заповедей. По их мнению, истинный правоверный должен не только строго придерживаться пяти основных столпов ислама, но также вести священную войну (джихад) в качестве ещё одного «шестого столпа» веры.

Сегодня в исламском мире происходят сложные процессы, имеющие ряд существенных последствий. В результате активной модернизации в исламе появляются различные течения, основной характерной чертой которых является тенденция к межкультурному диалогу. Изменения произошли и в толковании ключевых антропологических категорий в современном исламе, в представлениях о человеке, его социальной позиции и моральной природе. Отвечая на вызовы европейской цивилизации, современный ислам пытается понять свою позицию с точки зрения традиционных ценностей западной культуры.

Особенностью либеральных движений в мусульманском мире является различное понимание основ религии ислама в условиях современного уровня общественного прогресса. Методы реформирования ислама, в зависимости от понимания священных текстов и определения аутентичности их применения, можно классифицировать внутри двух групп. Методы, относящиеся к первой группе, касаются реинтерпретации, т. е. нового прочтения традиционных текстов ислама, составляющих исламское право (фикх). Ключевым здесь является понятие «иджитихад» («усилие мысли»), под которым следует понимать, прежде всего, право человека на субъективное постижение истины.

Евроислам или европейский ислам есть предполагаемая разновидность ислама, которая уже существует или должна сформироваться в Европе. Обновленный ислам в данной его интерпретации должен сочетать в себе мусуль-

манские принципы с такими элементами западной культуры, как неотъемлемые права человека, власть закона, демократия и равенство полов. В настоящее время наиболее известны две концепции евроислама, авторами которых являются известные ученые, публицисты и общественные деятели Тарик Саид Рамадан и Бассам Тибби.

Приведенный пример демонстрирует, что ненасилие находит свое обоснование и в исламе. На наш взгляд в исламе содержится дихотомия насилия и ненасилия. С одной стороны, требование следовать божественным установлениям, ориентация человека на активную жизненную позицию оправдывают насилие с целью приближения к религиозному идеалу. С другой же стороны, трансформация представлений о человеке в современном исламе, признание за человеком свободы выбора, способности к самопознанию, его чистоты и святости привели к появлению в ряде мусульманских стран движений, использующих в своих практиках принцип ненасилия.

Принцип ненасилия в исламе проявляется в запрете любой наступательной войны для утверждения веры, любого насилия против инаковерующих. Подлинная заповедь Корана заключается в том, что «джихад» – это не тотальная война за распространение веры, а вынужденная, оборонительная война во имя свободы веры. Священное Писание мусульман выступает посланием мира и солидарности, толерантности и плюрализма, решительно отвергая любые попытки навязать другим свою идеологию и свои ценности.

Тщательный анализ «Основных положений социальной программы российских мусульман» [5], а также обращение к особенностям идеологии движения джадидизма, основанного одним из крупнейших отечественных религиозных реформаторов конца XIX – начала XX вв. Исмаилом Гаспринским, помогли нам выделить основные особенности традиционного ислама в России, определяющие решение им вопросов насилия и ненасилия.

Специфические особенности культурно-исторических практик современного ислама в России определили постановку вопросов насилия и ненасилия: соблюдение принципа мирного сосуществования верующих и неверующих (мусульман и немусульман); уважение к личности человека как к божьему созданию; необходимость проявления доброты и справедливости по отношению к иноверцам как исполнение божьей воли; запрет на унижение религиозных святынь других религий; подчеркивание веротерпимости ислама, его уважительного отношения к другим монотеистическим религиям и недопустимость прозелитизма (намеренного обращения в свою веру членов других конфессий).

У мусульман России сформировалось осознание их принадлежности к мусульманской умме не только в рамках той национальности, к которой они принадлежат, но и в рамках всего государства – России. Духовные лидеры российского ислама обращаются к научно-богословской трактовке джихада, сформулированной в Московской Богословской Декларации по вопросам джихада, такфира и халифата от 26 мая 2012 г. [4] В данном документе подчеркивается, что военные действия не являются оптимальным вариантом решения проблем, применение оружия массового уничтожения, противоречит миссии ислама и других мировых религий.

Программный документ, изданный Советом Муфтиев России «Основные положения социальной программы российских мусульман», категорически

осуждает и запрещает теракты. Следует подчеркнуть, что данный запрет подкрепляется нормами шариата, который запрещает проливать кровь и покушаться на жизнь мусульман и немусульман.

В данном документе подчеркивается, что в Российской Федерации право на объявление военного джихада принадлежит только высшему из муфтиев на основе единого мнения алимов всей страны и по согласованию с правительством страны. Российские мусульманские богословы считают неправомерным деление территории земли на «дар-уль-харб» (территория войны) и «дар-ус-салям» (территория мира), подчеркивается, что подобное разделение, а также признание войны как основы отношений мусульман с немусульманами, признание наступательного джихада коллективной обязанностью уммы («фард кифайя») неверно по сути, и не соответствует целям шариата в обстоятельствах нашего времени.

В «Основных положениях...» отмечается, что российские мусульмане могут осуществлять свои гражданские права в рамках конституционного права Российской Федерации, включающее право жить в соответствии со своими убеждениями и ощущать себя патриотами своего Отечества, не поступаясь своими религиозными убеждениями, в соответствии с этим СМР подчеркивает недопустимость участия мусульман в насильственном изменении государственного строя.

Мусульмане России придерживаются «фикха аль-ак'алийят» или «фикха мусульманских меньшинств», который является новым правовым подходом для решения специфических религиозных проблем мусульман, проживающих в немусульманских странах, исходя из этого подхода российские мусульмане считают свою земную Родину «дар-ус-салям» (территорией мира), «дар-уль-ахд» (территорией договора) и «дар уш-шахада» (территория, на которой можно свободно исповедовать свою религию).

1. Борисов С.Н. Феномен насилия в культурно-антропологических практиках и философской антропологии. – Белгород: ид «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. – 252 с.

2. Коран. / Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. – М.: МПО «ВОЛОКНОР»; СП «ТРЕКИНГТУР», 1990. – 727 с.

3. Лысак И.В. Человек – разрушитель: деструктивная деятельность человека как социокультурный феномен. Таганрог: Изд-во ТРТУ, 1999. – 55 с.

4. Московская богословская декларация по вопросам джихада, такфира и халифата [Электронный ресурс] // Ислам Минбаре № 6 (199), 2012. URL: <http://www.idmedina.ru/minbare/?4568> (дата обращения: 06.07.2018).

5. Основные положения социальной программы российских мусульман / Совет муфтиев России. – М.: Духов. упр. мусульман Европ. части России, 2001. – 43 с.

6. Сахих аль-Бухари. Мухтасар. Полный вариант. Перевод с арабского, примечания и указатели: к. ф. н. В. А. Нирша. – М.: Издательский дом «УММА», 2003. – 960 с.

7. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. – 1054 с.

8. Тишков В. А. Теория и практика насилия // Антропология насилия /

Отв. ред. В.В. Бочаров, В.А. Тишков; РАН. ИЭА им. Н.Н. Миклухо-Маклая, МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера), СПбГУ. – СПб.: Наука, 2001. – С. 7–38.

References

1. Borisov S.N. Fenomen nasiliya v kul'turno-antropologicheskix praktikax i filosofskoj antropologii. – Belgorod: id «Belgorod» NIU «BelGU», 2013. – 252 s.
2. Koran. /Per. i komment. I. Yu. Krachkovskogo. – М.: МРО «VOLOKNOR»; SP «TREKINGTUR», 1990. – 727 s.
3. Lysak I.V. Chelovek – razrushitel': destruktivnaya deyatel'nost' cheloveka kak sociokul'turnyj fenomen. Taganrog: Izd-vo TRTU, 1999. – 55 s.
4. Moskovskaya bogoslovskaya deklaraciya po voprosam dzhixada, takfira i xalifata [E'lektronnyj resurs] // Islam Minbare № 6 (199), 2012. URL: <http://www.idmedina.ru/minbare/?4568> (data obrashheniya: 06.07.2018).
5. Osnovnye polozheniya social'noj programmy rossijskix musul'man / Sovet muftiev Rossii. – М.: Duxov. upr. musul'man Evrop. chasti Rossii, 2001. – 43 s.
6. Saxix al'-Buxari. Muxtasar. Polnyj variant. Perevod s arabskogo, primechaniya i ukazateli: k. f. n. V.A. Nirsha. – М.: Izdatel'skij dom «UMMA», 2003. – 960 s.
7. Sorokin P.A. Social'naya i kul'turnaya dinamika. Issledovanie izmenenij v bol'shix sistemax iskusstva, istiny, e'tiki, prava i obshhestvennyx otnoshenij. – SPb.: Izd-vo RXGI, 2000. – 1054 s.
8. Tishkov V.A. Teoriya i praktika nasiliya // Antropologiya nasiliya / Отв. ред. В.В. Боcharov, В.А. Тишков; РАН. ИЭА им. Н.Н. Миклухо-Маклая, МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера), СПбГУ. – СПб.: Наука, 2001. – С. 7–38.

UDC 327, 329.3
DOI 10.17506/dipi.2018.33.4.116123

THE DICHOTOMY OF “VIOLENCE-NONVIOLENCE” IN THE DISCOURSE OF ISLAM

Reznik Sergey Vasilievich,

Belgorod State National Research University,
Docent,
Belgorod, Russia,
E-mail: reznik@bsu.edu.ru

Annotation

The author attempts to reveal the origins of the dichotomy of violence and nonviolence in Arab-Islamic religious-philosophical thought and theology of traditional Islam. The article also analyzes the transformation of the meanings of violence and nonviolence in the ideology of modern Islam and the features of traditional Islam in Russia, in the context of the consideration of the problems of violence and nonviolence in the ideology and practice of Russian Islam.

Key concepts:

Traditional Islam, the dichotomy of «violence-nonviolence», jihad, salafism, euroislam.

УДК 323

DOI 10.17506/dipi.2018.33.4.124134

ПРОВИНЦИЯ КАК ПРОСТРАНСТВО БЕЗВЛАСТИЯ (наброски русской культуры)

Скиперских Александр Владимирович,

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
доктор политических наук, профессор,
Пермь, Россия,
E-mail: pisatels@mail.ru

Аннотация

В данной статье автор, используя зарисовки русской культуры, рассуждает о том, как функционируют институты власти в провинции, и как они могут восприниматься обществом.

С точки зрения автора, давление власти значительно спадает по мере достижения пространства провинции. Власть остаётся прерогативой центра, где существует традиционно высокая концентрация институтов власти и политики в целом. Подобный режим функционирования власти характерен для имперской практики, традиционно воспринимавшей провинцию в качестве неравного партнёра.

Автор считает, что провинция в русской культуре может представляться как пространство безвластия, проявлениями которого может выступать отсутствие институтов и инфраструктуры, правовой нигилизм и анархичность. Проблема безвластия носит вневременной характер, в полной мере актуализируясь и в современной российской провинции, обделённой вниманием власти.

Ключевые понятия:

власть, государство, провинция, пространство, русская культура.

*Если выпало в империи родиться,
Лучше жить в провинции, у моря.*
И. Бродский
«Письма к римскому другу»

*В деревушке у моря,
Где фокстрота не танцуют.*

И. Северянин

Политическое пространство всегда определённым образом структурировано. Если представить его сложным целым, то невозможно не принять во внимание, что сложное составляется малыми элементами, находящимися между собой в чёткой взаимосвязанности.

Элементы, составляющие политическое целое, представляют собой сочетание пар оппозиций. Отсюда, противопоставление отдельных частей показывает сложность политической организации.

Есть все основания для структурирования политического пространства на *правое* и на *левое*, что в свою очередь получает многочисленные разрешения в политическом дискурсе. В частности, деление на правое и левое в политическом пространстве актуализируется применительно к идеологическому спектру, идентификации политических партий, программ и т. д.

В политическом пространстве можно отыскать *высокое* и *низкое*, утверждающееся, по словам немецкого теоретика культуры А. Ассман, «насильственным путём» [2, с. 184]. Власть устанавливает «правила игры», политический стиль и моду практически во всех политических дискурсах.

Есть исследования, структурирующие политическое пространство на *тёплое* и *холодное*. Данные полюса носят, безусловно, субъективное измерение, но всё равно в них находится что-то общее, позволяющее сформировать температурный режим власти в целом. Так, в частности, официальное пространство изначально воспринимается как холодное – недоброжелательное, казённое и бездушное по отношению к человеку [13, с. 184].

Политическое пространство может структурироваться на *тесное* и *широкое* [16]. Двойственная природа власти, способной к метаморфозам расширения и сужения, безусловно, может отмечать себя в политическом дискурсе. Скажем, в условиях распространения на большое количество людей в ограниченном пространстве (крупные города) власть может сужаться, концентрируясь на узких темах и спецификациях, что, наоборот, невозможно себе представить на территориях с низкой плотностью населения, где представители власти бывают де-факто перегружены различными функциями и статусами.

Пространство обладает определённым звучанием, что позволяет приписывать ему определённую шумность. Отсюда, оно может быть *громким*, наполненным политическим многоголосием и идеологической пестротой, и, наоборот, *тихим* (*глухим*). В этом смысле политические страсти, кипящие в конкретном политическом локусе, могут уравновешиваться провинциальной тишиной и безмолвностью.

Вспомним, как у Саши Чёрного:
«Это было в провинции, в страшной *глуши*».

Или у И. Бунина:
«Ночь – долгая, хмурая, волчья,
Кругом все леса и снега».

Наконец, каждое политическое пространство имеет *центр* и *периферию* (провинцию). Политические свойства каждого из этих элементов, так или иначе, проявляются в политическом процессе.

В нашей работе на примере ряда сюжетов русской культуры мы рассмотрим, как конструируется власть в провинции, как она ощущается на одном из полюсов оппозиции *центр-провинция*. На наш взгляд, специфические характеристики провинции позволяют по-своему переживать феномен власти и особым образом воспринимать его.

Центр vs провинция: человек в фокусе власти

Нужно отметить, что власть всегда захватывает центр, из которого выработываются и диктуются политические решения. Инстанции власти наиболее очевидно заявляют о себе в столицах – именно там напряжение власти чувствуется с наибольшей интенсивностью. Человека, находящегося в центре, в столице, постоянно преследует государство. Волей-неволей он вынужден ощущать на себе его репрессивную массу. Именно в столице достигается наивысшая концентрация институтов власти и представителей правящего класса. Государство постоянно актуализирует себя через репрессивные генерации, функционируя не только фронтально, но и исподволь. При этом, как отмечает И. Исаев, «моменты открытой демонстрации власти по продолжительности значительно короче, чем ее скрытое существование и функционирование» [12, с. 546].

Что касается провинции, то в её политическом пространстве гораздо меньше заметен тот ажиотаж, который имеет место быть в центре. Здесь не кипят столичные страсти. В данном смысле провинция выступает спасительным, тихим местом, где можно переждать смутные времена. В провинции государство может несколько упустить человека из своего властного фокуса. Объективная дистанцированность от человека позволяет оставить его наедине со своими проблемами, маргинализируя его в поисках правды. Автор не говорит о том, что в провинции власть отсутствует. Давление власти лишь ослабевает, что создаёт ощущение ускользания из-под контроля. Тем самым, возможно, и создаётся ощущение определённой свободы. Человек в большей степени оказывается предоставленным самому себе, что существенно изменяет его мышление и порядок действий.

Подобное установление будет взято нами в качестве базового, и будет служить ориентиром в разбираемых нами кейсах, имеющих отношение к русской культуре.

Зачастую в информационном пространстве современной России могут появляться новости, рассказывающие о жизни людей в провинции, о преодолеваемых ими трудностях, бытовом дискомфорте, приспособлении к отсутствию инфраструктуры и т. д. То, что кажется странным и невообразимым для жителя мегаполиса, кажется вполне естественным для жителя провинции, узнающего в подобных новостях свои собственные проблемы. Жители отдалённого посёлка сами сделали дорогу, мост через реку, нашли способ добираться в районный центр на дрезине по заброшенной узкоколейной железной дороге или изобрели

новые формы солидаризации – безусловно, всё это говорит о жизнестойкости человека, о высокой силе сопротивления. Вместе с тем, это говорит и о том, что подобные активности реализованы в ситуации безвластия. Лишь минимальное давление власти порождает свободу действия, не отвлекая человека необходимостью решать согласовательные вопросы и вступать в неравный контакт с бюрократической машиной. Безусловно, если подобные инициативы связывались бы с необходимостью согласования и бюрократическими проверками, вряд ли можно было бы ожидать, что это положительно сказалось бы на итоговом результате.

Для провинциального дискурса может быть характерно, что люди будут в большей степени рассчитывать на себя и на свои собственные силы, нежели ждать поддержки различных инстанций власти.

Необходимость во взаимодействии с властью и политическими элитами в провинции не кажется людям жизненно необходимой. Тем самым, провинциальный быт является саморегулируемым и во многом анархичным. Нужно понимать, что и сама власть, маргинализируя индивида, выталкивая его на периферию, несколько снижает свою «хватку». Человек не может не чувствовать этого, что, в результате, приводит к его постепенному высвобождению. Связанные руки постепенно распутываются. В размышлениях студентов на данную тему последовал, на наш взгляд, достаточно точный пример, показывающий восприятие провинции как пространства безвластия. Одна студентка предположила, что оно раскрывается в отсутствии необходимости иметь водительские права.

Пространство провинции и жизненные циклы

Связь с пространством провинции определённым образом характеризует человека, разворачиваясь во всех его жизненных циклах. Жизнь человека с момента своего рождения и до смерти подчиняется конкретному пространству, наделённому политическими спецификациями, отмеченными нами выше. В рамках данного пространства человек сталкивается с самим собой, представлен самому себе, решая проблемы без поддержки властных инстанций и существующих институтов – специфических «правил игры», либо сознательно минуя их.

В пространстве заключена вся жизнь индивида. Жизненные циклы полностью замыкаются в рамках конкретного пространства. В провинции человек рождается, там проходит его детство, мифологизированное по мере времени. «Какой-то старик в белом шлафроке сидит за столом», – зарисовывает своё детство С. Аксаков в автобиографическом тексте «Детские годы Багрова-внука» [1, с. 17].

Первые шаги, связанные с получением образования, так же могут связываться с провинцией. Так, Егорушка в чеховской «Степи» несколько дней вынужден ехать до того места, где ему придётся учиться. За время путешествия он ни разу не сталкивается с политическими и государственными институтами, хотя поездка занимает несколько дней. Тем самым, провинциальная Россия показывается как пространство безвластия, где институты власти не работают, зато в любой момент может меняться погода. Власть природы оказывается

сильнее политической власти, а неуловимость институтов власти оказывается решающим фактором для различного рода мифологизаций и организации альтернативных институтов.

Говоря о провинции, как о пространстве, где сила власти чувствуется в меньшей степени, нужно понимать, что именно с этим обстоятельством могут связываться ключевые решения, принимаемые людьми. Эти решения могут иметь судьбоносный характер и быть определяющими в формировании жизненной стратегии. Провинция оказывается спасительным местом, где можно сохранить определённую свободу действия, сопротивляясь общественному вкусу и сформулированным в центре «правилам игры». Такова идея тайного венчания в «Метели» А. Пушкина. Именно поэтому русский философ В. Розанов тайно венчается в 1891 г. в провинциальном Ельце.

В провинции разворачивается жизнь человека, периодически чередуемая различными событиями, терпеливо и внимательно ожидающимися, что вырабатывает особое отношение ко времени. Вспомним «Анну Каренину» Л. Толстого и традиционные провинциальные заботы одного из героев – Константина Левина. Кажется, что в тот момент, когда он косит траву и охотится, давление институтов власти на него практически не ощущается. Различие провинциальных и столичных хронотопов в русской культуре отмечалось М. Бахтиным, противопоставлявшим особую усадебную среду, развёрнутую во времени в текстах Л. Толстого, столичной суете подпольных людей Ф. Достоевского, в рамках которой они вынуждены постоянно испытывать муки самоидентификации, регулярно унижаемые и третируемые инстанциями власти [3].

Отсутствие соответствующих инстанций власти заставляет человека настраивать быт в соответствии с собственными потребностями. И. Бунин вспоминает в «Окаянных днях» процесс доставки телеграмм, которым могли зарабатывать местные жители: «Представляется необозримое светлое поле, блестящая ухабистая дорога, промёрзлые розвальни, стучающие по ней, мелко бегущая бокастая лошаде́нка, вся обросшая изморозью, с крупными, серыми от изморози ресницами» [7, с. 31–31].

Лихой человек в поисках правды

Экзистенциальный характер бытия человека в России, так или иначе, осмысливается и самой властью, понимающей собственную тщетность контроля над человеком внутри всего огромного государственного организма. К. Победоносцев как-то признается Д. Мережковскому в 1903 г.: «Да знаете ли вы, что такое Россия? Ледяная пустыня, а по ней ходит лихой человек» [10, с. 230–231].

У человека в русской культуре довольно высокий деятельностный потенциал в случае необходимости – неожиданной встряски. Только данный потенциал находится в спящем состоянии. Сравнивая Россию с равниной, А. Блок как-то заметил: «Только всё на этой равнине ещё спит, а когда двинется, – всё, как есть, пойдёт: пойдут мужики, пойдут рощи по склонам, и церкви, воплощённые Богородицы, пойдут с холмов, и озёра выйдут из берегов, и реки обратятся вспять: и пойдёт вся земля» [6, с. 356–357]. Нужно отметить, что скрытый

потенциал был по-своему верно использован большевиками, «подключавшим к своим проектам огромные массы людей» [15, с. 17].

Сюжеты, связывающие огромное ледяное пространство России и теряющегося в нём человека, периодически фигурируют в русской культуре в различных текстах. Действительно, ледяное пространство – небезопасно, потому как в русской культуре покрывает всяческих лихоимцев. Неразличимость провинциального пространства усугубляется отсутствием в нем институтов власти. Что-то подобное происходит в «Грабеже» Н. Лескова, когда метель делает неразличимым город и привычные сочетания улиц и домов, что создаёт условия для налётов на прохожих.

Как раз именно из метели проступают черты героя, образ которого прочитывается определённо неоднозначно. Так, именно в метель, уставший ротмистр Минский пристаёт к дому станционного смотрителя в одноимённой повести А. Пушкина, и впоследствии увозит от него родную дочь.

В тексте «Капитанской дочери» А. Пушкин показывает первую встречу Гринёва с Пугачёвым – она как раз происходит в снежной степи, в тот момент, когда из-за бурана было невозможно передвижение. В русской культуре представленность человека самому себе вдали от центров власти не кажется чем-то удивительным. Путешествие с риском для жизни становится делом судьбы маргиналов, либо вынужденной ситуацией, как в случае с предыдущим примером.

Пространство провинции структурировано таким образом, что у человека, оказывавшегося один на один с какой-либо проблемой, практически нет шансов достучаться до власти, потому как поиски справедливости оказываются очень дорогим, и вдобавок совершенно бесполезным занятием. В подобной практике много авантюрного, изначально проигрышного. Как справедливо отметит М. Бахтин, «приключения правды на земле происходят на больших дорогах, в лупанариях, и воровских притонах, в тавернах, на базарных площадях, в тюрьмах» [4, с. 171]. В то же время, человеку может казаться, что именно в таких активностях заключён смысл жизни. Так, решение проблем замыкается на человеке, на его волевых, деятельных качествах.

Глава Оренбургской области Ю. Берг вручил ключи от квартиры полицейскому Д. Максудову, ценою собственной жизни спасавшему людей во время снежного затора на трассе. Спасая людей, «полицейский отдал свой бушлат девушке, у которой промокла шуба, а рукавицы – мальчику, который не мог согреться. Данил Максудов получил обморожение рук» [9]. Данный пример показывает, что институты власти в российской провинции функционируют с сильным запозданием.

Конечно, у автора существует большое искушение взять к себе в союзники Ф. Фукуяму и квалифицировать подобные ситуации, как свойственные «слабому государству». Концептуализируя данный тип государства, Ф. Фукуяма не предполагал слабость самой государственной машины – наоборот, она может быть вполне авторитарной и устойчивой. Американский исследователь имел в виду только бессилие государства, а не его масштабы, означающее недостаток административного потенциала, адекватного нормальному функционированию системы. Отсюда, как на оренбургском примере, действия власти могут сводиться к чисто символическому представительству – одобрению (церемониальному

награждению) или осуждению. И в одном, и в другом случае превентивными являются задачи собственного позиционирования – создания позитивных эффектов от присутствия в публичном дискурсе.

Таким образом, на наш взгляд, определение специфики провинциального пространства в русской культуре будет предполагать раскрытие его определённой самодостаточности, предполагающей минимум контактов с государственной машиной. Конечно, провинция уступает центру – условной империи, испытывая некогда отмеченный Ч. Милошем «трепет малого перед большим» [11]. Но в этом «трепете» и можно увидеть некоторое общее установление. Наоборот, в рамках конкретной ситуации, провинциальные хронотопы выступают довольно самостоятельными единицами.

Пространство безвластия: взгляд путешественника из окна

Пространство безвластия разрезается дорогой. В русской культуре человек проводит в дороге достаточное количество времени, что позволяет использовать её как возможность отдохнуть физически и привести в порядок свои мысли.

Безвластие во многом означает бездорожье. Применительно к российской провинции подобная зависимость кажется вполне чёткой. Качество и эффективность власти во многом связываются с состоянием дорожной инфраструктуры. Состояние дорог в провинции традиционно оставляет желать лучшего. Зачастую, состояние дорог может меняться на границе субъектов РФ – более богатый субъект РФ так противопоставляет себя менее обеспеченному соседу.

В целом, в невнимании власти к проблемам провинциальной инфраструктуры изначально присутствует взгляд на провинцию, как на некое бесперспективное пространство. Ощущение бесперспективности усиливается по мере развития больших городов, трудовой миграции, разрушения традиционного уклада жизни.

В провинции большая власть принадлежит природе, не предполагающей вмешательства извне в свой привычный ритм. Так сложилось исторически, и культура всегда максимально образно «схватывала» природную власть, ставящую под сомнение реализацию человеческого замысла. Вспомним, как в «Метели» А. Пушкина: «едва Владимир выехал за околицу в поле, как поднялся ветер и сделалась такая метель, что он ничего не взвидел. В одну минуту дороги занесло» [14, с. 68].

Отсутствие дорог в политическом дискурсе зачастую оправдывается природными особенностями, нежели человеческим фактором и нормативными схемами (тендеры, договоры, сроки поставки, ответственность подрядчиков и т. д.).

Безусловно, власть находится под общественным давлением из-за проблем с дорогами, но, в целом, для неё бездорожье выступает проблемой, за которую сама власть может не нести ответственность. Борьба с бездорожьем, его преодоление в русской культуре превращается практически в нереализуемое предприятие, потому как, по сути дела, означает «борьбу с природным временем» [18, с. 172], что само по себе превращается в бессмыслицу.

Пространство безвластия в российской провинции прекрасно раскрывается для внимательного путешественника из окна проезжающего автомобиля, либо

поезда. Проблемы инфраструктуры, заброшенность хозяйств и оставленность человека наедине со своими проблемами, в большинстве своём, не вызывают сомнений.

В ноябре 1910 г. во время тайного ухода Лев Толстой вынуждено ступил на перрон маленькой станции «Астапово», где и скончался в комнате, представленной важному гостю начальником станции. Дом начальника станции с его аскетичными комнатами – был самым адекватным местом, где можно было разместить великого писателя. Смерть Толстого порядком насторожила власть, ожидавшую народных волнений, для чего в Астапово были переброшены жандармы и полиция. Так в определённый момент времени власть отметила своим присутствием маленькую станцию. Сегодня станция «Астапово» переименована в честь писателя и носит его название «Лев Толстой». Отменённые сегодня электрички на некогда важной станции во многом усиливают ощущение безвластия и заброшенности. Но ещё нелепее – вложение ОАО РЖД в масштабную реконструкцию станции в 100-летнюю годовщину смерти Л. Толстого. На ж/д станции открыт музей, куда нельзя добраться по железной дороге.

Темнота железнодорожных станций, отменённые электрички, закрытые залы ожидания, брошенные дачи и перроны – всё это становится приметой сегодняшнего времени и стигматизирует провинциальную культуру. Из окна автомобиля могут открываться оставленные деревни с покосившимися домами, стенами бывших хозяйств и потерявшими смысл автобусными останками.

Английский политический философ И. Берлин вспоминал свою поездку в Перedelкино и встречу с молодой парой на перроне станции. Неустроенность станции, отсутствие освещения и укрытия от непогоды поразили его. «Втроём мы пытались укрыться от дождя, притулившись под единственным убежищем, которое нашли, – какими-то досками, нависшими над старым разваливающимся забором» [5, с. 451]. Огромное пространство вокруг, нескончаемые горизонты беспокоят человека в русской культуре, «предполагая сосредоточение в себе, группированию в максимально компактном пространстве» [17, с. 226].

Русская культура производится и в темноте, выступающей метафорой «тёмного» времени и общей неустроенности. Дорожные разговоры достаточно характерны для русской культуры. Но это в тот момент, когда везёт с попутчиками. Дорога в русской культуре располагает и к задумчивой мечтательности. Как правило, в русской культуре у путешественника всегда достаточно времени в дороге для того чтобы переосмыслить что-либо. Прошлое медленно утягивается за собой, утрачивая свои очертания с каждым мигом и сменяясь новыми картинками, принадлежащими уже фактической реальности.

Лирический герой в «Костре» И. Бунина едет ночью по степи и случайно натывается на горящий костёр, вокруг которого расположился на отдых цыганский табор. Из темноты на костёр выходит девушка. Потом герой переживает эту мимолётную встречу, её глаза, печально смотрящие из темноты: «И в запахе новых трав, и в одиноком звоне колокольчика, в звёздах и в небе было уже новое чувство – томящее, непонятное, говорящее о какой-то невознаградивой потере» [8, с. 384].

Пространство безвластия достаточно чётко отмечает себя в провинции, что не ускользает от внимания интеллектуалов, отражаясь в текстах, принад-

лежащих русской культуре. Ощущение безвластия в провинции, отсутствие необходимых институтов и инфраструктуры, на наш взгляд, является проблемой, носящей вневременной характер. Власть преимущественно сосредотачивается в центре, воспроизводя политические практики империи, используя провинцию как некий территориальный массив, увеличивающий общую государственную массу.

Отсюда, те же самые проблемы, с поправкой на реальность, сопровождают мир российской провинции и в настоящее время. В этой связи, специфический мир российской провинции продолжает воспроизводить практики, свидетельствующие об определённом отношении к власти.

1. Аксаков С. Т. Детские годы Багрова-внука. – М.: Детгиз, 1949. – 291 с.
2. Асман А. Новое недовольство материальной культурой. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 232 с.
3. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
4. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. – СПб: Азбука-классика, 2017. – 461 с.
5. Берлин И. История свободы. Россия. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 544 с.
6. Блок А. А. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 5. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1963.
7. Бунин И. А. Окаянные дни. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 335 с.
8. Бунин И. А. Собрание сочинений в четырёх томах. Т. 1. – М.: Правда, 1988. – 478 с.
9. В Оренбуржье полицейский, спасший людей на орской трассе, получил квартиру // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/2064510.html>.
10. Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Живые лица. Воспоминания. – Тбилиси: Мерани, 1991. Т. 1. – 398 с.
11. Горбаневская Н. Мой Милош. – М.: Новое издательство, 2012. – 440 с.
12. Исаев И. А. Política Hermetica: скрытые аспекты власти. – М.: Юристъ, 2003. – 575 с.
13. Нильсен Ф. С. Глаз бури. – СПб.: Алетейя, 2004. – 348 с.
14. Пушкин А. С. Собрание сочинений в X томах. Том V. – М.: Правда, 1981. – 446 с.
15. Русакова О. Ф., Русаков В. М. Проблемы концептуального моделирования сущности большевизма: переход к парадигме мобильности (к 100-летию Великого Октября). // Дискурс-Пи. – 2017. – № 2 (27). – С. 12–22.
16. Скиперских А. В. Бунт как преодоление тесноты. Размышления о некоторых особенностях русской культуры // Вестник Томского государственного университета. Серия Философия. Политология. Социология. – № 3 (5). – 2016. – С. 226–236.
17. Фукуяма Ф. Сильное государство. – М.: АСТ: АСТ, 2017. – 220 с.
18. Шифрин Б. Ф. «Бездорожье» как русский культурный феномен // Общественные науки и современность. – 2010. – № 1. – С. 172–176.

References

1. Aksakov S.T. Detskie gody Bagrova-vnuka. – M.: Detgiz, 1949. – 291 s.
2. Assman A. Novee nedovol'stvo material'noj kul'turoj. – M.: Novee literaturnoe obozrenie, 2016. – 232 s.
3. Baxtin M. Voprosy literatury i e'stetiki. – M.: Xudozhestvennaya literatura, 1975. – 504 s.
4. Baxtin M. Problemy poe'tiki Dostoevskogo. – SPb: Azbuka-klassika, 2017. – 461 s.
5. Berlin I. Istoriya svobody. Rossiya. – M.: Novee literaturnoe obozrenie, 2001. – 544 s.
6. Blok A.A. Sobranie sochinenij v 8 tomah. T. 5. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo xudozhestvennoj literatury, 1963.
7. Bunin I.A. Okayannye dni. – M.: Molodaya gvardiya, 1991. – 335 s.
8. Bunin I.A. Sobranie sochinenij v chetyryox tomah. T. 1. – M.: Pravda, 1988. – 478 s.
9. V Orenburzh'e policejskij, spasshij lyudej na orskoj trasse, poluchil kvartiru // [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://regnum.ru/news/2064510.html>.
10. Gippius Z. Dmitrij Merezhkovskij // Zhivye lica. Vospominaniya. – Tbilisi: Merani, 1991. T. 1. – 398 s.
11. Gorbanevskaya N. Moj Milosh. – M.: Novee izdatel'stvo, 2012. – 440 s.
12. Isaev I.A. Politica Hermetica: skrytye aspekty vlasti. – M.: Yurist", 2003. – 575 s.
13. Nil'sen F.S. Glaz buri. – SPb.: Aletejya, 2004. – 348 s.
14. Pushkin A.S. Sobranie sochinenij v X tomah. Tom V. – M.: Pravda, 1981. – 446 s.
15. Rusakova O.F., Rusakov V.M. Problemy konceptual'nogo modelirovaniya sushhnosti bol'shevizma: perexod k paradigme mobil'nosti (k 100-letiyu Velikogo Oktyabrya). // Diskurs-Pi. – 2017. – № 2 (27). – S. 12–22.
16. Skiperskix A.V. Bunt kak preodolenie tesnoty. Razmyshleniya o nekotoryx osobennostyax russkoj kul'tury // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filosofiya. Politologiya. Sociologiya. – № 3 (5). – 2016. – S. 226–236.
17. Fukuyama F. Sil'noe gosudarstvo. – M.: AST: AST, 2017. – 220 s.
18. Shifrin B.F. «Bezdorozh'e» kak russkij kul'turnyj fenomen // Obshhestvennyye nauki i sovremennost'. – 2010. – № 1. – S. 172–176.

UDC 323

DOI 10.17506/dipi.2018.33.4.124134

PROVINCE AS THE SPACE OF ANARCHY (Sketches of Russian Culture)

Skiperskikh Aleksandr Vladimirovich,

National Research University Higher School of Economics,
Doctor of Political Sciences,
Professor of Humanities Department,
Perm, Russia,
E-mail: pisatels@mail.ru

Annotation

In this article, the author, using sketches of Russian culture, discusses how the institutions of power function in the province, and how it can be perceived by the society.

From the point of view of the author, the pressure of the authorities drops significantly as the province reaches the space. Power remains the prerogative of the center, where there is a traditionally high concentration of institutions of power and politics in general. Such a regime of power functioning is typical for imperial practice, which traditionally perceived the province as an unequal partner.

The author believes that the province in Russian culture can be represented as a space of anarchy, manifestations of which can be the absence of institutions and infrastructure, legal nihilism and anarchy. The problem of anarchy is timeless, fully actualized in a modern Russian province, deprived of attention by the authorities.

Key concepts:

power, state, province, space, Russian culture.

УДК 130.2

DOI 10.17506/dipi.2018.33.4.135145

ДИСКУРС СМЕРТИ В ЭСТЕТИКЕ HEAVY METAL

Кондрашов Пётр Николаевич,

Институт философии и права,
Уральское отделение Российской академии наук,
старший научный сотрудник,
кандидат философских наук, доцент,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: pnk060776@gmail.com

Аннотация

В статье предпринята попытка экспликации дискурса смерти в эстетике музыкального стиля Heavy metal. Автор выделяет четыре типа дискурсивных практик смерти: брутализацию, драматизацию, героизацию, критику. Показано, что обращение к теме смерти в Heavy metal представляют собой протест против отчуждённых форм современного бесчеловечного бытия.

Ключевые понятия:

дискурс смерти, Heavy metal, брутализация, драматизация, героизация, критика, протест против отчуждения.

Смерть в широчайшем смысле есть феномен жизни [7, с. 246], помимо этого она также представляет собой фундаментальный феномен человеческого бытия. А поскольку человек есть «существо страдающее» [4, с. 632], то *неравнодушное*, экзистенциальное отношение к миру (*Verhältnis zur Welt*) составляет человеческое в человеке. «Я могу, – писал Маркс, – на практике относиться к вещи по-человечески только тогда, когда вещь по-человечески относится к человеку» [4, с. 592]. И в этом плане отношение-к-смерти оказывается конститутивным моментом человека. Только через бытие-к-смерти (*Sein-zum-Tode*) существо вида *Ното сариенс* возможно как человек.

Современное капиталистическое общество характеризуется *тотальным отчуждением*, т. е. отчуждением, которое проникло во все поры социальности и индивидуальности: отчуждение из предметной сферы распространилось сначала на социальные отношения, а затем интериоризировалось во внутренних, психических структурах индивидов, и приобрело *экзистенциальный характер*,

обнаруживающийся в том, что теперь отчуждаются даже сами чувства и эмоции: «Наконец, пришло время, когда все, на что люди привыкли смотреть как на неотчуждаемое [*unveräußerlich*], сделалось предметом обмена и торговли и стало отчуждаемым [*veräußert*]. Это – время, когда даже то, что дотоле передавалось, но никогда не обменивалось, дарилось, но никогда не продавалось, приобреталось, но никогда не покупалось, – добродетель, любовь, убеждение, знание, совесть и т. д., – когда все, наконец, стало предметом торговли. Это – время всеобщей коррупции, всеобщей продажности, или, выражаясь терминами политической экономии, время, когда всякая вещь, духовная или физическая, сделавшись меновой стоимостью, выносится на рынок, чтобы найти оценку, наиболее соответствующую ее истинной стоимости» [3, с. 73–74].

Эта ситуация характеризуется *безразличной чуждостью* (*gleichgültig Fremdheit*) [4, с. 633], равнодушной и скорбным бесчувствием (*anaesthesia dolorosa psychica*) [6, с. 120], которые укоренены в капиталистическом способе производства, когда товары производятся способом однообразного «штампования», что усиливается ещё и тем, что при капитализме потребитель оторван от производителя и между ними вклинивается бездушный, лишённый всякого человеческого содержания механизм капиталистического обращения. Люди перестают в вещах видеть других людей, перестают видеть в них деятельность, которая стоит за этими вещами и которая свёрнута в них. Вещи становятся холодными, они теряют тепло человеческих рук, которые их создавали, из вещей элиминируется их человечность и остаётся только поверхностная утилитарность.

Поскольку вещи означают утилитарность, то они существуют только для простого использования. Если ручка, которой я пишу эти строки, закончилась, то я её просто и равнодушно выбрасываю. Почему? Потому, что я её могу заменить на точно *такую же* ручку, произведённую на конвейере. Я равнодушен к данному предмету, в моём применении массовой вещи полностью отсутствует интимная теплота и заботливое участие, ибо массовая вещь обезличена, она просто-напросто товар, который свободно продаётся и покупается на рынке и точно также свободно заменяется другим товаром.

«Все человеческие отношения, – отмечал Э. Фромм, – пропитаны подобного рода безразличием. В ситуации, где индивидуальное «я» не принимается во внимание, когда им просто-напросто пренебрегают, отношения между людьми не могут быть искренними и тёплыми, по необходимости они становятся поверхностными, потому что в отношения вступают не люди, а взаимозаменяемые товары» [7, с. 463].

Капитализм, доведя процесс отчуждения до предела, превратил человека в равнодушное пассивное существо, мнимая «активность» которого состоит только в потреблении. С другой стороны, современный человек – это *товар*, мёртвая, пассивная *вещь*, которой манипулируют на рынке других товаров. В итоге мы видим: человек нынешней эпохи есть внутренне, экзистенциально пассивная вещь, существующая только лишь в модусе потребления. Такое положение дел оказывается *выгодным* господствующему классу как чисто экономически (большинство населения превращается в бездумных, управляемых рекламой, потребителей), так и политически (такими индивидами легко манипулировать).

Но помимо всяких иных инструментов, закрепляющих подобное положение дел, не последнюю роль в этом процессе играет *искусство*. Так, например, *массовая* культура формирует у людей соответствующие эстетические вкусы потребления, гламура и т. д. Но при этом «массовая» культура создаётся не самими массами, а сознательно навязывается этим массам в целях возможности дальнейшей манипуляции этими массами посредством этой же самой культуры. В рамках массовой потребительской культуры и порождаемой ею эстетики фактически полностью отсутствует феномен *смерти*. И в этом мы видим не просто какое-то недоразумение, а напротив, усматриваем сущностную характеристику современного способа существования людей.

Дело в том, что в своём пассивном бытии животной равнодушной вещью человек перестаёт быть собственно человеком в двух основополагающих отношениях. Во-первых, он теряет свою человечность в смысле потери неравнодушности. Во-вторых, его вещная пассивность элиминирует из его жизни момент открытости-будущему, т. е. момент *смерти*, который, как мы показали выше, является конститутивным условием человечности. Человек перестаёт существовать (*ex-sistieren*), превращаясь в статичное бытие в смысле затерянности-среди-вещей-в-настоящем. Отсюда людей (*das Man*) не интересует смерть как *смерть*. Если о ней и говорят, то в каком-то сугубо отвлечённом смысле.

Достаточно в этом отношении обратить внимание на три наиболее распространённых феноменов в массовой культуре:

1. Слишком широкое распространение насилия и убийств в кинематографе. Казалось бы, здесь речь идёт именно о *смерти*. Но дело в том, что в этой своей *массовости* теряется интимный, неравнодушный, а значит, собственно *человеческий* смысл смерти. Она становится профанной и, соответственно, перестаёт восприниматься как конститутивный момент бытия. Точно так же, как и любовь, и дружба, и ненависть – люди *равнодушно* созерцают смерть на экранах своих телевизоров, ибо они к ней *привыкли*. Они её не замечают.

2. Сообщения о различных катастрофах, в которых погибают люди, в новостях преподносятся только в сугубо *количественных* аспектах трагедии: погибло столько-то человек, нанесён материальный ущерб такой-то, семьям погибших и пострадавших выплачены такие-то суммы. И при этом подобная квантификация (т. е. сведение экзистенциального к чисто количественному) с необходимостью ведёт к почти полной элиминации человеческих переживаний смерти и горя.

3. И, наконец, ещё один феномен, порождающий пренебрежительное отношение к смерти как конститутивному моменту *человеческого* бытия и получивший в последнее время весьма широкое распространение, – компьютерные игры, в которых у героя имеется множество «жизней» и которых не жалко для достижения желаемой цели. Самое страшное состоит в том, что у детей, играющих в подобные игры, формируется устойчивое отсутствие *чувства переживания подлинной смерти*.

В этих условиях к смерти начинают относиться, как к чему-то людям не касающемуся, о чём думать не хочется. Если раньше смерть была таинственной, сакральной, то теперь, в эпоху всеоткрытости витрин, эпоху поверхностности и бездумности, она превращается в профанное: о смерти болтают, судачат, безучастно сообщают по телевидению в новостях, но при этом – и это пред-

ставляется нам решающим – её глубинно не переживают, она не захватывает человеческую экзистенцию и, тем самым, в своём новом качестве безобразного и сущностно упускаемого феномена смерть перестаёт быть конститутивным моментом человеческого бытия: такое превращение смерти в безобразное представляет собой сущностное разрушение человеческого.

И вот на этом фоне массовости и инструментализации «показа» смерти возникает направление в музыкальном искусстве, которое делает смерть объектом своей эстетики – музыка *Heavy metal* (со всеми своими многочисленными жанрами) – эстетики, не профанирующей смерть, а напротив, вскрывающей её имманентные особенности: с одной стороны, это ужас смерти, её омерзительное, садистско-некрофильское лицо (дискурс смерти в таких стилях, как *Death, Thrash metal*), с другой – её таинственная меланхолия, безысходность, скорбь и печаль (дискурс *Doom, Gothic metal*).

Столь необычный для философского исследования выбор [1, с. 50] – дискурс смерти в эстетике *Heavy metal* – был обусловлен несколькими причинами [2, с. 5–6; 15, р. 12–23]. Во-первых, данный музыкальный стиль, имеющий достаточно широкое распространение во всём мире, фактически полностью игнорируется в современных социологических [9; 15, р. 4–6], культурологических [2; 11], искусствоведческих [1; 13], философских [10], политических [9; 10; 14] и эстетических исследованиях. В результате чего создаётся впечатление, что в мире существует только классическая музыка. Поэтому нам бы хотелось в настоящей работе привлечь внимание философского сообщества к феномену эстетики *Heavy metal*.

Во-вторых, с точки зрения отражения общественного бытия в формах эстетического сознания, данное направление представляет несомненный интерес для философии. С одной стороны, это связано с тем, что в отличие от музыки популярной, сознательно навязываемой широким народным массам с помощью громадной машины поп-индустрии, *Heavy Metal* изначально возникает как «гаражная» музыка, музыка андеграунда, музыка, которая в своих ритмических структурах отражает сам дух индустриальной эпохи, заставляя слушателя глубоко, экзистенциально переживать перипетии нашего времени [15, р. 8–9].

С другой стороны, если дискурс популярной музыки («попсы») за внешней индифферентностью в действительности представляет собой форму бездумной апологии существующего порядка, то *Heavy metal* сразу же занял позицию протеста против буржуазной ментальности. Большинство лирики в *Heavy metal* носит философский смысл. Однако, к сожалению, философия *Heavy metal* еще глубоко не исследована [2, с. 3].

Эстетика *Heavy metal* и дискурс смерти в её рамках – это не попытка «заработать деньги» на эксплуатации образа («бренда») смерти. И это не психическое отклонение в смысле некрофилии (*Death metal*) [14] или кататонии (*Doom metal*). Напротив, это попытка протеста против современной обесчеловеченности, равнодушноного отчуждения от смерти как конститутивного момента человеческого бытия. Попытка, конечно, в высшей степени своеобразная и даже в каком-то смысле эпатажная. Но эта экстравагантность не есть эпатаж ради эпатажа. Напротив, здесь мы усматриваем желание музыкантов (зачастую бессознательное) вырвать слушателя из его равнодушной повседневности, желание

взорвать эту равнодушность и обратить его к подлинной человечности через эстетическое переживание смерти.

Дискурс смерти в *Heavy metal* находит своё выражение в четырёх основных формах – брутализации, драматизации, героизации и критике этого базового феномена человеческого бытия. Рассмотрим кратко их жанрово-тематические проявления.

Брутализация смерти (*Thrash, Death, Grind-core metal*). В плане лирики *Thrash/Death metal* изначально был связан с мрачной и темной стороной жизни людей. Уже сами названия групп, играющих в этих жанрах, говорят сами за себя: *Carcass* (труп), *Gorguts* (окровавленные кишки), *Purulent Stream* (гноящийся поток), *Autopsy* (вскрытие трупа), *Postmortal Ejaculation* (посмертная эякуляция), *Postmortem Delivery* (извлечение плода после смерти роженицы, посмертные «роды»), *Rotting* (гниение), *Cemetery* (кладбище), *Funeral Moon* (похоронная луна).

Основной тематикой классического *Death metal* является смерть, взятая в её самых неприглядных проявлениях, вплоть до описания актов некрофилии:

«Гниющие трупы, сваленные в кучи,
Роящиеся мухи над ними,
Черви, пожирающие разлагающуюся плоть,
Вылезающие из пустых, выеденных глазниц, –
Смерть – ты прекрасна...»

Death is beautiful (Смерть прекрасна)
Endless Pain, 1994

Подобная эстетика безобразного действительно захватывает нашу экзистенцию в том простом смысле, что не оставляет нас равнодушными. Пусть даже если это достигается путём вызывания рвотного рефлекса, когда музыканты группы *Scrotum* («Мошонка») поют: «Прикоснись губами к половым органам мёртвой разлагающейся дряблой старухи и высоси из её уретры солёную мочу».

Следует, однако, заметить, что именно музыканты этого «мерзкого» направления первыми (ещё до политиков и широкой общественности) в США и Западной Европе подняли темы семейного насилия, педофилии, подростковых самоубийств (*Napalm Death, Cannibal Corpse, Motörhead, Ozzy Osbourne*) [14].

Драматизация смерти (*Doom, Black, Symphonic, Gothic metal*). Совершенно иную эстетику мы наблюдаем в таком направлении, как *Doom metal*, который обычно печален. Типичной темой является потерянная любовь, бессмысленность бытия, иногда – радикально пессимистические песни о войне, сосредоточенность на чувствах безнадежности, безысходности, отчаяния и боли утраты. Кроме того, многие *Doom metal* группы обращаются к мифам и народной культуре, теме древних цивилизаций и верований (*Gothic metal*).

Вот как описывает свои ощущения девушка, слушающая группу *Katatonia*: «Бывают дни, когда самые яркие, солнечные впечатления ни с того ни с сего начинают блекнуть расплывчатым осенним холодом, из дыр «коматозно» съезжающей крыши тонкими струйками просачиваются прозрачно-ледяные шупальца тоскливого дождя, а в душу закрадываются мелкие, цепкие и настырные паучки

Одиночества... Когда окружающий мир тускло лопаётся от параноидального давления Пустоты... Когда из каждой беззаботной расщелины радости, кажется, плятятся черные, пустые глаза Смерти, сводят с ума, гипнотизируют... не оставляют ни на минуту... и ждут момента, когда из переполненной чаши темно-красным густым потоком прольются остатки отчаяния... Когда лето вдруг съеживается до размеров безжалостного дула и тоже пристально смотрит... куда-то в район затылка, и тысячи безумствующих скрипок, не попадая по ногам (а все больше по венам... смычками...), выводят похоронный марш... «В зеркале процессия – идут не спеша. Спроси: «Кого хоронят?» – ответят: «Тебя!»... Непробиваемый мрак и безысходность, депрессия, депрессия, депрессия...» [5].

Это музыка апокалипсическая, болезненная, как правило, весьма монотонная и медленная. В традиционном *Doom metal* используется в основном чистый вокал, но обычно с оттенком безысходности, крика и боли. Атмосфера в музыке классических дум-исполнителей весьма разнообразна – от холодной, эпической скорби до надрывного отчаяния и ярости:

«Птицы Ночи, пойте мои песни!
Одиночество моей Души течёт вместе с Океаном Слез...
Я свободен...
Теперь я мертв навсегда...

Palace of Frost (Дворец Стужи)
Katatonnia (2006)

Эти полные печали и скорби слова, сопровождаемые медленной и грустной музыкой, приоткрывают подлинное лицо смерти: она делает нас человеческими, и тем самым требует и от нас человеческого, равнодушного отношения к миру: «Этот мир стал очень несчастным местом – не потому, что мир – это несчастное место, но потому, что мы сделали с ним что-то неправильное» (группа *My Dying Bride*).

Тема смерти в *doom/gothic metal* зачастую раскрывается через образы умирающей природы, осени, листопада, ночного дождя, луны, заснеженного леса, детского плача, вообще слёз, что делает лирику романтической, печальной и таинственной:

«И с приходом утреннего солнца
Лишь одна слеза скатится по моей щеке, и я умру...»
The Homecoming (Возвращение домой)
Lake of Tears (1999)

В *Black metal* также имеет место своеобразная драматизация образа смерти, но в отличие от *Doom metal*, в лирике *Black metal* большое внимание уделяется оккультным темам и персонажам скандинавской мифологии. Но и здесь мы слышим безысходность смерти:

«Услышать лишь можно молчания стон,
Лишь слёз человеческих стон.

Могилы моей не узнает никто
Под тяжестью праха времён...»

Buried by Time and Dust
(Погребённый временем и прахом)
Mayhem (1994)

Героизация смерти (*Power, Viking metal*). Ещё одной формой эстетизации образа смерти, но уже в положительной форме, является своеобразная эпическая героизация смерти, связанная с обращением к темам войны (так, песни шведской группы *Sabaton* посвящены отдельным битвам Второй мировой войны), защиты Отечества (*Hammerfall*), викингов и валькирий (*Manowar, Rhapsody, Labyrinth, Stratovarius, Luca Turilli*), крестовым походам и рыцарям Круглого стола (*Dio, Kamelot, Avantasia*); имеет место обращение к фантастическим образам будущего и фэнтези (*Gamma Ray, Iron Savior*).

Power metal – самая оптимистическая и жизнеутверждающая музыка в рамках в целом трагического металлического мировосприятия. Лирика *Power metal*, как правило, лишена явного социального протеста, присущего многим жанрам рок-музыки, и является более позитивной и неконфликтной, что во многом способствует коммерческому успеху групп. Хотя в ней часто встречаются повествования о войнах и сражениях, упор делается не на упоение боем и насилием, а на рыцарскую честь и доблесть:

«Мир прекрасен в своей наготе,
В разорванном бомбою теле солдата,
В пятнах крови на чистом листе, –
Мир подобен страшной войне.
Войне, на которой – смерть каждый день,
Где к трупам привыкли глаза и сердца,
Где всякий теряет жалость к себе,
К врагам и друзьям...
Такова война...
Война, где прекрасной бывает лишь смерть,
Слёзы детей, крики бойцов, –
Война ведь искусство,
А значит, в ней есть прекрасное нечто,
Чего нам не счесть...»

The Path of the Warrior (Путь воина)
Persephona (1999)

Критика. И, наконец, ещё один аспект дискурса смерти в эстетике *Heavy metal* – это критика войны, милитаризма, насилия. Если в дискурсе раннего *Heavy metal* (70–80-ые гг. XX века) тема насилия и агрессии была ведущей (*Black Sabbath, Kreator, Slayer, Judas Priest, Exciter*), то с середины 90-х происходит резкое изменение курса: музыканты *Heavy metal* обращаются к критике насилия вообще, и в особенности массовых убийств, участвуют в благотворительных концертах в помощь жертвам войн (концерты *Orphaned Land* в помощь жертвам конфликта в Секторе Газа), политических и расовых репрессий (песня

«Run to the Hills» – «Беги к холмам» английской группы *Iron Maiden* против дискриминации индейцев), стихийных бедствий (например, концерты тех же *Iron Maiden* и *Rainbow* в 1988 в поддержку пострадавшим при землетрясении в Армении); выступают против распространения наркотиков (*Metallica*, *W.A.S.P.*, *Twisted Sister*), за прекращения холодной войны (гимном чего стала песня немецкой группы *Scorpions* «Wind of Change» – «Ветер перемен», которую они впервые исполнили в 1989 году) и т. д.

В 1994 г. немецкая группа *Accept* выпустила концептуальный альбом, посвящённый идеям борьбы с массовым распространением оружия:

«Как насчёт супермаркета,
Полного оружием, чтобы развязать войну?
Мы продаём игрушки для смертельных игр,
Мы принимаем кредитки, а не упрёки.
А потом они стреляют в соседей,
Стреляют в дочерей,
Стреляют в сестёр,
Стреляют в животных на улицах...
Эта многомиллионная индустрия
Скрывается за словом «свобода».
Покупаешь дюжину пистолетов – один бесплатно,
Новый радар – лазерное наведение,
Плюс гарантированное уничтожение.
Это многомиллионная индустрия,
Гарантированная конституцией.
Это многомиллионная индустрия,
Всё во имя свободы!
Пристрели нас – к М-16 бонус – бесплатный магазин,
Пристрели нас – распродажа только сегодня!
Пристрели нас – возьми бронебойные!
Пристрели нас – мы принимаем кредитки и наличные!»
Guns'R'Us (Пристрели нас)
Accept (1994)

Социальное безобразное в дискурсе смерти – это война. Война всегда видится через борьбу, в памяти всплывают виденные по телевидению кадры расстрелов, избиений, унижений, обезображенные тела заключённых концлагерей и т. п.:

«Взрыв...
И смерть настигает людей,
Бегущих от неё прочь.
Они падают навзничь,
Хватая руками
Свой собственный разорванный мозг.
Дети, пугаясь военных улиц,
Прячутся ночью в подвал...»

Но после ночного налёта
 Оказалось, что был... обвал:
 Трупы раздавлены камнем,
 Размазаны по стене...
 А солдаты спокойно проходят мимо –
 Их ждёт ещё новый день на старой войне...»

Oriole upon the Pyre
 (Иволга над погребальным костром)
Valhöll (1994)

Здесь мы уже встречаемся с реальным изображением процесса смерти, здесь уже нет никакой романтики в смысле идеализации и героизации, эпического приукрашивания ужасного и чудовищного. Естественный (в рамках военных действий) процесс бомбардировки города, смерть детей, укрывшихся от налёта в подвал здания, раздавленные каменными плитами, и спокойно идущие мимо их трупов солдаты, изображены здесь реально, без всяких возвышенных фраз и неуместных всхлипов по поводу человеческой жестокости. Но, тем не менее, апология безобразного внутри вышеприведённого текста вовсе не исключает эстетичность, чувственность, даже при условии натурального изображения низменного и омерзительного.

Более того, картина серых стен разрушенных домов и разорванных детских тел завораживает. Захватченность экзистенции видом ужасного означает лишь то, что само ужасающее уже содержится в человеке. Внутри этой захваченности совершенно отсутствует безучастность, о которой можно было бы заключить из некоторого дистанцирования субъекта от объекта, вызывающего чувство ужасания.

Подводя итог нашему изысканию, мы приходим к выводу, что в музыке *Heavy metal* можно обнаружить тенденцию обращения к образу смерти именно в ее подлинно человеческом аспекте. И хотя здесь смерть обыгрывается специфически, тем не менее, это на сегодняшний день – одна из немногих, но самых радикальных попыток обратить внимание на феномен смерти, разрушить стену равнодушия по отношению к ней, и тем самым повернуть человека к своей возможности быть человеком перед лицом своей собственной смерти. Музыка *Heavy metal* сегодня – это форма радикального протеста против обезчеловеченности нашего бытия.

1. Величко И. В. Взаимопроникновение музыки хэви-метал и современности // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2013. № 1–2 (4–5). С. 49–53.

2. Гутов Е. В. Хэви метал рок: опыт систематического описания // Вестник Нижегородского государственного университета. 2014. № 1. С. 3–18.

3. Маркс К. Ницета философии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – М.: Политиздат, 1955.

4. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. – М.: Политиздат, 1956. С. 517–642.

5. Самотыя А. Katatonia: путешествие вглубь депрессии // <http://www>.

hitkiller.com/katatoniam-puteshestvie-vglub-depressii.html.

6. Учадзе С.С. Двойственная природа психодуховного кризиса личности // Вестник Университета Российской академии образования. № 4. 2008. С. 114–122.
7. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. – Минск: Поппури, 2000.
8. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Ad Marginem, 1997.
9. Global Metal Music and Culture: Current Directions in Metal Studies / Eds. Andy R. Brown, Karl Spracklen, Keith Kahn-Harris, Niall Scott. – L.: Taylor & Francis, 2016.
10. Heavy Metal: Controversies and Counterculture (Studies in Popular Music) / Eds. Titus Hjelm, Keith Kahn-Harris, Mark LeVine. – Sheffield: Equinox Publishing, 2013.
11. Kahn-Harris K. Extreme Metal: Music and Culture on the Edge. – Oxford: Berg Publishers, 2007.
12. Metal Rules the Globe: Heavy Metal Music around the World / Eds. Jeremy Wallach, Harris M. Berger, Paul D. Greene. – Durham & London: Duke University Press, 2011.
13. Phillips W., Cogan B. Encyclopedia of Heavy Metal Music. – Westport (Connecticut); London: Greenwood Press, 2009.
14. Purcell N. Death Metal Music: The Passion and Politics of a Subculture. – Jefferson (North Carolina): McFarland Publishers, 2003.
15. Weinstein D. Heavy Metal: A Cultural Sociology. – Lanham (Maryland): Lexington Books, 1991.
16. Weinstein D. Heavy Metal: The Music and Its Culture. – Boulder, Colo.: Da Capo Press, 2000.

References

1. Velichko I. V. Vzaimoproniknovenie muzyki xe'vi-metal i sovremennosti // Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo. 2013. № 1–2 (4–5). S. 49–53.
2. Gutov E. V. Xe'vi metal rok: opyt sistematicheskogo opisaniya // Vestnik Nizhneartovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 1. S. 3–18.
3. Marks K. Nishheta filosofii // Marks K., E'ngel's F. Sochineniya. – M.: Politizdat, 1955.
4. Marks K. E'konomicheskoye-filosofskoye rukopisi 1844 g. // Marks K., E'ngel's F. Iz rannix proizvedeniy. – M.: Politizdat, 1956. S. 517–642.
5. Samotyaya A. Katatoniam: puteshhestvie vglub' depressii // <http://www.hitkiller.com/katatoniam-puteshestvie-vglub-depressii.html>.
6. Uchadze S. S. Dvojstvennaya priroda psixoduxovnogo krizisa lichnosti // Vestnik Universiteta Rossijskoj akademii obrazovaniya. № 4. 2008. S. 114–122.
7. Fromm E'. Begstvo ot svobody. Chelovek dlya sebya. – Minsk: Poppuri, 2000.
8. Hajdegger M. Bytie i vremya. – M.: Ad Marginem, 1997.
9. Global Metal Music and Culture: Current Directions in Metal Studies / Eds. Andy R. Brown, Karl Spracklen, Keith Kahn-Harris, Niall Scott. – L.: Taylor & Francis, 2016.

10. Heavy Metal: Controversies and Counterculture (Studies in Popular Music) / Eds. Titus Hjelm, Keith Kahn-Harris, Mark LeVine. – Sheffield: Equinox Publishing, 2013.

11. Kahn-Harris K. Extreme Metal: Music and Culture on the Edge. – Oxford: Berg Publishers, 2007.

12. Metal Rules the Globe: Heavy Metal Music around the World / Eds. Jeremy Wallach, Harris M. Berger, Paul D. Greene. – Durham & London: Duke University Press, 2011.

13. Phillips W., Cogan B. Encyclopedia of Heavy Metal Music. – Westport (Connecticut); London: Greenwood Press, 2009.

14. Purcell N. Death Metal Music: The Passion and Politics of a Subculture. – Jefferson (North Carolina): McFarland Publishers, 2003.

15. Weinstein D. Heavy Metal: A Cultural Sociology. – Lanham (Maryland): Lexington Books, 1991.

16. Weinstein D. Heavy Metal: The Music and Its Culture. – Boulder, Colo.: Da Capo Press, 2000.

UDC 130.2

DOI 10.17506/dipi.2018.33.4.135145

DISCOURSE OF DEATH IN THE AESTHETICS OF HEAVY METAL

Kondrashov Peter Nicolaevich,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Senior Researcher, PhD,
Associate Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: pnk060776@gmail.com

Annotation

The article attempts to explicate the discourse of death in the aesthetics of the musical style Heavy metal. The author identifies four types of discursive death practices, are brutalization, dramatization, heroization, criticism. It is shown that the appeal to the theme of death in Heavy metal is a protest against alienated forms of modern inhuman existence.

Key concepts:

discourse of death, Heavy metal, brutalization, dramatization, heroization, criticism, protest against alienation.

УДК 339.9

DOI 10.17506/dipi.2018.33.4.146156

АССОЦИАЦИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КИТАЯ: ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ, ПРАВОВОЙ СТАТУС, ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

Руденко Виктор Николаевич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
доктор юридических наук, профессор,
член-корреспондент РАН,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: rudenkovn@yandex.ru

Аннотация

С начала XX столетия в российско-китайском научно-техническом партнерстве был отмечен серьезный подъем. Признанным инструментом партнерства в сфере высшего образования стали профессиональные ассоциации университетов. С 2011 г. было учреждено десять таких ассоциаций. Ассоциация научно-технического сотрудничества России и Китая (АНТРСК), созданная в 2018 г. стала первой российско-китайской ассоциацией научно-исследовательских институтов академий наук. В статье рассмотрены предпосылки создания АНТРСК, основные характеристики ее правового статуса, основные цели и задачи ее деятельности и итоги работы, проделанной с момента ее создания.

Ключевые понятия:

научно-техническое сотрудничество, интеграционные проекты, Ассоциация научно-технического сотрудничества России и Китая, технические и гуманитарные проекты, Россия, Китай.

Летом 2018 г. в Екатеринбурге состоялось Пятое Российско-Китайское ЭКСПО, в рамках которого 11 июля были проведены учредительное собрание Ассоциации научно-технического сотрудничества России и Китая (далее –

АНТСРК) и Первая академическая ассамблея научно-технологического сотрудничества двух стран с участием членов Ассоциации. Учредителями Ассоциации выступили с российской стороны Уральское отделение РАН, а с китайской стороны – Академия наук провинции Хэйлундзян. Событию предшествовало многолетнее сотрудничество. В частности, Уральское отделение РАН – постоянный участник научно-технических выставок в Харбине. Китайские же ученые из провинции Хэйлундзян неоднократно посещали Екатеринбург, Архангельск и другие центры, в которых работают институты Уральского отделения РАН, знакомились с научными достижениями коллективов этих институтов.

Как известно, взаимодействие российских и китайских научно-исследовательских академических институтов, в том числе действующих на Урале и в провинции Хэйлундзян, имеет довольно длительную историю. Оно не прекращалось с начала 50-х гг. прошлого столетия, несмотря на сложности во взаимоотношениях наших стран, особенно в период 1960–1980-х гг. По разным причинам вплоть до начала 2000-х гг. научные контакты между российскими и китайскими академическими институтами развивались эпизодически, они не были основаны на системном и стратегическом видении целей и задач. Однако уже на рубеже столетий стало расти понимание необходимости выработки принципиально новых механизмов научно-технического сотрудничества двух стран. В 1992 г. было подписано Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о научно-техническом сотрудничестве от 18 декабря 1992 г. [18]. 25 февраля 1999 г. к этому Соглашению был подписан Протокол между правительствами двух стран о принципах охраны и распределения прав на интеллектуальную собственность [16]. С конца 1990-х гг. наши страны фактически взяли курс на стратегическое взаимодействие в XXI в. [13, с. 100]. Этот курс был продолжен в наступившем столетии. Причем понадобилось время, чтобы преодолеть сложившиеся у части представителей китайских деловых кругов стереотипы о технологическом отставании России от Запада [13, с. 100–101]. Тесное сотрудничество в научно-технической сфере стало углубляться после 2014 г. с введением санкций по отношению к России со стороны США и их союзников. В связи с этим в течение последних четырех лет отмечается структурирование связей между научными и образовательными центрами России и Китая, выведение их на новый уровень. Прошедшие четыре года отмечены выработкой разнообразных институциональных механизмов стратегического партнерства России и Китая. Составляющим звеном этих механизмов является включение азиатской части России в систему хозяйственных связей с Китаем, особенно с провинциями Хэйлундзян и др. [12, с. 109]. Выражением новой политики на региональном уровне стало, в частности, подписание Соглашения между Правительством Свердловской области (Российская Федерация) и Народным Правительством провинции Хэйлундзян (Китайская Народная Республика) о торгово-экономическом, научно-техническом и гуманитарном сотрудничестве от 13 июля 2016 г. [17].

В контексте нового курса на сближение России и Китая АНТСРК представляет собой новый интеграционный проект, объединяющий академические научно-исследовательские центры и институты, а также научно-образовательные

организации. С учреждением Ассоциации наше сотрудничество в научно-технической сфере приобретает новое системное качество: оно начинает развиваться с учетом особенности организации научной работы, характерной для России и Китая, заключающейся в разделении науки на академический и вузовский секторы. До настоящего времени интеграция шла исключительно в вузовском секторе. Так, в марте 2011 г. на базе Харбинского Политехнического Университета и Московского Государственного Технического Университета имени Н.Э. Баумана была учреждена Ассоциация технических университетов России и Китая (АТУРК) – одна из первых ассоциаций в сфере подготовки инженерных кадров [8]. В сентябре 2012 г. при поддержке Министерства образования и науки России и Министерства образования Китая была создана Ассоциация вузов Дальнего Востока и Сибири РФ и Северо-Восточных регионов КНР (АВРИК) [6]. В апреле 2014 г. в Пекине был подписан договор о создании Китайско-российского союза высших педагогических учебных заведений [7]. В мае 2014 г. по инициативе Санкт-Петербургского государственного экономического университета и Университета международного бизнеса и экономики (г. Пекин) образована Российско-китайская ассоциация экономических университетов (РКАЭУ). В том же месяце 2014 г. ректорами транспортных вузов создана Ассоциация ректоров транспортных вузов Российской Федерации и Китайской Народной Республики (ARTU) [3]. В июле 2014 г. по инициативе Первого Московского государственного медицинского университета им. И. М. Сеченова и Харбинского медицинского университета создана Российско-китайская ассоциация медицинских университетов (РКАМУ) [14]. В июле 2016 г. в рамках XVII заседания Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству по инициативе МГУ имени М.В. Ломоносова и Пекинского университета было объявлено о создании Ассоциации классических университетов Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Первый съезд Ассоциации состоялся в сентябре 2017 г. в г. Шэньчжэнь (КНР). Ассоциация наряду с другими стала десятой по счету межвузовской организацией, нацеленной на углубление связей в науке и образовании [2].

В этом плане АНТСРК – первая ассоциация, учрежденная академическими организациями, что открывает перспективы для объединения усилий множества научно-исследовательских институтов, ранее не участвовавших в интеграционных проектах. По состоянию на начало декабря 2018 г. членами Ассоциации являлись 156 китайских и 44 российских организаций, подавляющее большинство из которых – академические институты и исследовательские центры. Среди китайских научных организаций академии наук провинций Гуандун, Гуаньси, Хэбэй, Шеньдун, Шэньси, академия наук освоения целины и залежных земель Снцзяна и др. – всего 15 региональных академий. Каждая из академий объединяет известные институты. В частности, членами Ассоциации от Академии наук провинции Шэньси стали Институт растений, Институт животных, Институт микробиологии, Институт биологического сельского хозяйства. От Академии наук провинции Хэбэй – Институт прикладной математики, Биологический институт, Институт энергетики, Институт географии, Институт лазерных технологий, Институт автоматики и др. Среди членов Ассоциации – научно-технический институт Пекина и многие другие.

Этот далеко не полный перечень дополняют такие институты УрО РАН, как Институт физики металлов, Институт электрохимии, Институт математики и механики, Институт металлургии, Институт горного дела и др. Безусловно, в обеих странах имеется большой потенциал для объединения усилий академических организаций. Так, только в Российской Федерации Министерству науки и высшего образования подведомственны 605 академических научных организаций [15].

АНТСРК, как и другие вышеупомянутые ассоциации, имеет статус международной неправительственной организации, созданной для совместной реализации общих интересов и достижения уставных целей ее членов. Ассоциация осуществляет свою деятельность в соответствии с международным правом, законодательством России и Китая на основе принципов добровольности, равноправия, законности, самоуправления и гласности. Ассоциация не приобретает права юридического лица и не имеет в качестве цели своей деятельности извлечение прибыли. Высшим руководящим органом Ассоциации является общее собрание, которое собирается один раз в 2–3 года поочередно в КНР и в России. Руководство текущей работой Ассоциации осуществляют постоянные председатели от российской и китайской стороны, а также ротационный председатель китайской стороны Ассоциации, избираемый на 2–3 года. При учредителях организации, соответственно в Екатеринбурге и в Харбине, действуют секретариаты Ассоциации.

Основной целью Ассоциации является объединение усилий входящих в нее организаций для проведения фундаментальных научных исследований, внедрения результатов научно-технических работ в промышленный сектор, содействие инновационному развитию экономик России и Китая. Члены Ассоциации также ставят перед собой такие цели, как создание благоприятных условий для развития научно-технического и инновационного сотрудничества, привлечения инвестиций в наукоемкие инновационные проекты. В фокусе ее внимания оказание консультационной и иной помощи членам Ассоциации, вовлечение в инновационную деятельность молодых ученых, содействие на взаимовыгодных условиях обмену научно-технической информацией, содействие популяризации науки и др.

Уже в начальный период деятельности Ассоциации определились приоритетные направления сотрудничества для достижения ее основной цели. Так, на Первой российской академической ассамблее, состоявшейся в Екатеринбурге 11 июля 2018 г., в качестве приоритетов были названы контакты в области создания новых материалов, в том числе наноматериалов, «зеленой» химии, цифровых и интеллектуальных технологий, создания систем неразрушающего контроля, магнитных устройств, разработки высокоэффективных устройств теплопередачи и автономных источников тока. В центре внимания оказались также проблемы высокотехнологичного здравоохранения и персонализированной медицины, микробиологии. Много внимания было уделено перспективам сотрудничества в аграрной науке, в частности в области геномного редактирования, селекции новых сортов овощей и зерновых культур. Предметом обсуждения стали вопросы разработки продуктов питания с заданными свойствами, развития экологически чистого агрохозяйства [10].

Обсуждение этих и других направлений совместных исследований продолжилось на Третьем Российско-китайском форуме высоких технологий в Харбине 11 октября 2018 г., где отдельная сессия была посвящена разработкам уральских ученых. В ходе обмена мнениями представителей российской и китайской сторон Ассоциации, состоявшегося в Академии наук провинции Хейлундзян в дни проведения форума, была обозначена взаимная заинтересованность в развитии инновационных проектов в области металлургии и в сфере органического синтеза [11]. Примечательно, что китайская сторона поддержала идею включения в состав Ассоциации институтов общественно-научного и гуманитарного профиля.

Сотрудничество в сфере общественных и гуманитарных наук, казалось бы, имеет косвенное отношение к целям деятельности Ассоциации. В действительности же совместные усилия в указанных областях научного знания органически вписываются в стратегии научно-технологического развития как России, так и Китая.

Многие из актуальных проблем научно-технологического развития России общественно-гуманитарного плана обозначены в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации [19]. К ним относятся:

- оценка рисков и опасностей для человечества (п. 14);
- демографические проблемы, обусловленные увеличением продолжительности жизни людей, изменением их образа жизни и связанное с этим старение населения (п. 15 «б»);
- возникновение новых социальных проблем (п. 15 «б»);
- необходимость эффективного освоения и использования пространства, в том числе путем преодоления диспропорций в социально-экономическом развитии территории страны (п. 15 «ж»);
- обеспечение возможности прогнозировать происходящие в мире изменения, учитывать внутренние тенденции, ожидания и потребности российского общества, своевременно распознавать новые большие вызовы и эффективно отвечать на них (п. 17);
- анализ мировых тенденций развития науки, а также повышение качества экспертизы для принятия эффективных решений в области научного, научно-технологического и социально-экономического развития, государственного управления, рационального использования всех видов ресурсов (п. 34 «ж»);
- противодействие социокультурным угрозам, терроризму и идеологическому экстремизму, а также киберугрозам и иным источникам опасности для общества, экономики и государства (п. 20 «д»);
- возможность эффективного ответа российского общества на большие вызовы с учетом взаимодействия человека и природы, человека и технологий, социальных институтов на современном этапе глобального развития, в том числе применяя методы гуманитарных и социальных наук (п. 20 «ж»);
- необходимость понимания процессов, происходящих в обществе и природе, развития природоподобных технологий, человеко-машинных систем, управления климатом и экосистемами (п. 22);
- актуальные проблемы, связанные с этическими аспектами технологического развития, изменениями социальных, политических и экономических отношений (п. 22).

В документах, определяющих основные направления стратегии научно-технологического развития Китая, также обозначены подобные проблемы. Так, в разработанной Госсоветом КНР в 2006 г. Государственной среднесрочной и долгосрочной программе развития науки и технологий (2006–2020 гг.) особое внимание обращено на создание культурной среды, способствующей воспитанию патриотизма, готовности к труду, командного духа. Поощряется уважение к индивидуальности, толерантность к неудачам, поддержка академической свободы и демократии, уважительное отношение к новым теориям и концепциям [4, с. 9]. В принятой в мае 2016 г. Государственной программе стратегии инновационного развития выделяются такие составляющие элементы, как:

- технологии «умных городов» и «цифрового общества»;
- урбанизация нового типа с ориентацией на человека;
- осмысление проблем вывода экономики на новую ступень [9, с. 11].

Более того, многолетнее сотрудничество России Китая в научно-образовательной сфере показало актуальность и таких проблем, как оценка влияния процессов глобализации на социальные, гуманитарные образовательные институты [1, с. 104]. Заслуживают совместного изучения и новые проблемы в контексте китайской международной инициативы «Один пояс, один путь», объединяющей проекты «Экономического пояса шелкового пути» и «Морского шелкового пути XXI века». В данном случае весьма актуальны проблемы правового регулирования реализации инфраструктурных проектов, проблемы миграции, социальной и культурной адаптации работников к условиям новой среды, проблемы привлечения трудовых ресурсов. Перспективна и разработка проблем доверия, кризиса идентичности, связанных с ними проблем изучения общественного мнения и многих других. Все эти вопросы могут решаться с участием обществоведов и гуманитариев в рамках АНТСПК. Не случайно, что членами Ассоциации уже стали такие институты УрО РАН, как Институт философии и права, Институт истории и археологии, Институт экономики. К совместной работе подключились и подразделения Коми научного центра УрО РАН, Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН и др., специализирующиеся на изучении языков, истории, этнографии. Китайская сторона Ассоциации выразила намерение пригласить для участия в работе организации Академию общественных наук провинции Хэйлундзян.

Для успешного достижения обозначенных целей деятельности Ассоциации в ее Уставе говорится о необходимости решения ряда задач практического плана – это создание и постоянное обновление информационной базы, содержащей основные сведения о членах Ассоциации и их партнерах; формирование инновационных предложений, научно-технических проектов и программ, проведение конкурсов, направленных на создание наукоемких технологий, а также объединение интеллектуального и профессионального потенциала участников Ассоциации в форме участия в конференциях, выставках, бизнес-встречах, консультациях и других совместных мероприятиях. Ассоциация планирует осуществлять информационно-издательскую деятельность с использованием различных форм (издания буклетов, публикаций, статей и пр.). Одна из важных задач Ассоциации установление связей между органами власти, представителями бизнеса, промышленности, различными

научными организациями по развитию механизмов научно-инновационной интеграции.

За полгода, минувшие с момента учреждения Ассоциации, поставленные задачи постепенно решаются. Завершается создание сайта организации с базой данных ее членов. Члены Ассоциации принимают участие в выставочной деятельности. Большая китайская делегация летом 2018 г. участвовала в работе Международной промышленной выставки ИННОПРОМ; делегация уральских ученых в октябре этого же года представила свои разработки на Седьмой Харбинской международной выставке научно-технических достижений. Деятельность Ассоциации получила поддержку в Китае со стороны Народного правительства провинции Хэйлундзян, горкома КПК города Харбина. В России Ассоциация поддержана руководством РАН, правительством Свердловской области и руководством города Екатеринбурга.

Создавая Ассоциацию и развивая ее, учредители организации исходят из того, что решение общих для России и Китая проблем напрямую зависит от способности наших стран обеспечить в ближайшей перспективе впечатляющее научно-технологическое развитие – основу конкурентоспособной экономики современных стран мира. Наши научные сообщества хорошо осознают тот факт, что наука не может полноценно развиваться без полноценных связей между коллегами из разных стран мира. При этом они учитывают существующие вызовы в сфере науки, научно-технической и инновационной деятельности. Один из них состоит в том, что ни одна страна современного мира, даже самая богатая, не в состоянии развернуть научные исследования по всему их спектру и всем направлениям [9, с. 146]. Другим вызовом является острая конкуренция научных сообществ и связанные с ней риски ухода на периферию сферы науки и техники. Отсюда проистекает необходимость интеграции научных потенциалов разных стран мира. Международные коллаборации ученых становятся органическим элементом мировой науки. Примеров тому достаточно – по пути объединения научных потенциалов идут Европейский Союз, государства, входящие в Шанхайскую организацию сотрудничества, создаются международные научные сети. Это приносит выгоду участникам интеграционных процессов. В случае отношений России и Китая для нашей страны открываются перспективы практического применения зачастую невостребованных отечественной промышленностью научно-технических разработок, а для Китая – дополнительные возможности роста его экономики.

1. Абашин М.И., Винокурова Е.В., Галиновский А.Л., Тимофеев В.Б. Анализ приоритетных направлений научно-технического и образовательного сотрудничества между Россией и Китаем // *Фундаментальные и прикладные проблемы техники и технологии*. 2014. № 3. С. 104–110.

2. Ассоциация классических университетов России и Китая [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://m.sinofocus.com/p/6312.html>.

3. Ассоциация ректоров транспортных вузов России и Китая. СПб, 2018. 104 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.pgups.ru/upload/medialibrary/891/Broshyura-Assotsiatsii-rectorov-transportnykh-vuzovRF-iKNR.pdf>.

4. Бергер Я. М. Научно-технологическая составляющая совокупной национальной мощи Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 6. С. 4–23.
5. Воронина Т. П., Чжэн Чжилян. АТУРК как элемент международной инновационной инфраструктуры // Управление инновациями: теория, методология, практика. 2014. № 10. С. 59–62.
6. Зубарев А. Е., Белевич Е. А. Результаты мониторинга взаимодействия университетов-партнеров Ассоциации вузов Дальнего Востока и Сибири России и Северо-восточных регионов Китая // Вестник ТОГУ. 2016. № 4. С. 115–122.
7. Китайско-российский союз высших педагогических учебных заведений [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mpgu.su/kitaysko-rossiyskiy-soyuz-vyisshih-pedagogicheskikh-uchebnyih-zavedeniy>.
8. Коршунов С. В., Кузнецов М. В., Тимофеев В. Б. Ассоциация технических университетов России и Китая – новый институт международного сотрудничества в области образования // Высшее образование в России. 2015. № 4. С. 9–104.
9. Лебедев С. А. Наука в глобальном мире // Век глобализации. 2012. № 2. С. 145–151.
10. Понизовкина Е. Сделаем золото вместе // Наука Урала. 2018. № 13–14. С. 5, 10.
11. Понизовкин А. Ассоциация АНТСПК: Харбинское продолжение // Наука Урала. 2018. № 22. С. 1–2.
12. Савостова Т. Л., Бирюков А. Л. Институциональные механизмы стратегического партнерства России и Китая: инновационная интеграция // Экономика в промышленности. 2016. № 2. С. 108–115.
13. Сун Куй. О новом подходе к научно-техническому сотрудничеству между Китаем и Россией // Россия и АТР. 2005. № 3. С. 100–101.
14. Ташкинов Н. В., Сунь Д., Ильенко Т. А., Чжан Ф., Сазонова Е. Н., Ратманов П. Э. Российско-китайская ассоциация медицинских университетов – катализатор сотрудничества между медицинскими высшими учебными заведениями России и Китая // Вестник общественного здоровья и здравоохранения Дальнего Востока России. 2015. № 3 (20). С. 1–4.
15. Об утверждении перечня организаций, подведомственных Министерству науки и высшего образования Российской Федерации, Министерству просвещения Российской Федерации и Рособrnадзору (с изменениями на 1 октября 2018 года) // КонсультантПлюс. Профиль: Универсальный (последнее пополнение 11.12.2018).
16. Протокол между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о принципах охраны и распределения прав на интеллектуальную собственность к Соглашению между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о научно-техническом сотрудничестве от 18 декабря 1992 года (подписан в г. Москве 25 февраля 1999 года) // КонсультантПлюс. Профиль: Универсальный (последнее пополнение 11.12.2018).
17. Соглашения между Правительством Свердловской области (Российская Федерация) и Народным Правительством провинции Хэйлунцзян (Ки-

тайская Народная Республика) о торгово-экономическом, научно-техническом и гуманитарном сотрудничестве» (Совершено в Екатеринбурге 13 июля 2016 года) // КонсультантПлюс. Профиль: Универсальный (последнее пополнение 11.12.2018).

18. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о научно-техническом сотрудничестве (Заключено в г. Пекине 18 декабря 1992 года) // КонсультантПлюс. Профиль: Универсальный (последнее пополнение 11.12.2018).

19. Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации / Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 // КонсультантПлюс. Профиль: Универсальный (последнее пополнение 11.12.2018).

20. Устав Ассоциации научно-технического развития России и Китая от 11 июля 2018 г. Из архива автора. (В 2019 году документ будет опубликован на создаваемом сайте организации в открытом доступе).

References

1. Abashin M. I., Vinokurova E. V., Galinovskij A. L., Timofeev V. B. Analiz prioritetnyx napravlenij nauchno-texnicheskogo i obrazovatel'nogo sotrudnichestva mezhdru Rossiej i Kitaem // Fundamental'nye i prikladnye problemy tekhniki i texnologii. 2014. № 3. S. 104–110.

2. Associaciya klassicheskix universitetov Rossii i Kitaya [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://m.sinorusfocus.com/p/6312.html>.

3. Associaciya rektorov transportnyx vuzov Rossii i Kitaya. SPb, 2018. 104 s. [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.pgups.ru/upload/medialibrary/891/Brosyura-Assotsiatsii-rektorov-transportnykh-vuzovRF-iKNR.pdf>.

4. Berger Ya. M. Nauchno-texnologicheskaya sostavlyayushhaya sovokupnoj nacional'noj moshhi Kitaya // Problemy Dal'nego Vostoka. 2016. № 6. S. 4–23.

5. Voronina T. P., Chzhe'n Chzhilyan'. ATURK kak e'lement mezhdunarodnoj innovacionnoj infrastruktury // Upravlenie innovაციями: teoriya, metodologiya, praktika. 2014. № 10. S. 59–62.

6. Zubarev A. E., Belevich E. A. Rezul'taty monitoringa vzaimodejstviya universitetov-partnerov Associacii vuzov Dal'nego Vostoka i Sibiri Rossii i Severovostochnyx regionov Kitaya // Vestnik TOGU. 2016. № 4. S. 115–122.

7. Kitajsko-rossijskij soyuz vysshix pedagogicheskix uchebnyx zavedenij [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://mpgu.su/kitajsko-rossijskiy-soyuz-vysshih-pedagogicheskix-uchebnyh-zavedeniy>.

8. Korshunov S. V., Kuznecov M. V., Timofeev V. B. Associaciya texnicheskix universitetov Rossii i Kitaya – novyj institut mezhdunarodnogo sotrudnichestva v oblasti obrazovaniya // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2015. № 4. S. 9–104.

9. Lebedev S. A. Nauka v global'nom mire // Vek globalizacii. 2012. № 2. S. 145–151.

10. Ponizovkina E. Sdelaem zoloto vmeste // Nauka Urala. 2018. № 13–14.

S. 5, 10.

11. Ponizovkin A. Associaciya ANTSRK: Xarbinskoe prodolzhenie // Nauka Urala. 2018. № 22. S. 1–2.

12. Savostova T.L., Biryukov A.L. Institucional'nye mexanizmy strategicheskogo partnerstva Rossii i Kitaya: innovacionnaya integraciya // E'konomika v promyshlennosti. 2016. № 2. S. 108–115.

13. Sun Kuj. O novom podxode k nauchno-texnicheskomu sotrudnichestvu mezhdru Kitaem i Rossiej // Rossiya i ATR. 2005. № 3. S. 100–101.

14. Tashkinov N. V., Sun' D., Il'enko T. A., Chzhan F., Sazonova E. N., Ratmanov P. E'. Rossijsko-kitajskaya associaciya medicinskix universitetov – katalizator sotrudnichestva mezhdru medicinskimi vysshimi uchebnymi zavedeniyami Rossii i Kitaya // Vestnik obshhestvennogo zdorov'ya i zdravooxraneniya Dal'nego Vostoka Rossii. 2015. № 3 (20). S. 1–4.

15. Ob utverzhdenii perechnya organizacij, podvedomstvennyx Ministerstvu nauki i vysshego obrazovaniya Rossijskoj Federacii, Ministerstvu prosveshheniya Rossijskoj Federacii i Rosobrnadzoru (s izmeneniyami na 1 oktyabrya 2018 goda) // Konsul'tantPlyus. Profil': Universal'nyj (poslednee popolnenie 11.12.2018).

16. Protokol mezhdru Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii i Pravitel'stvom Kitajskoj Narodnoj Respubliki o principax oxrany i raspredeleniya prav na intellektual'nyu sobstvennost' k Soglasheniyu mezhdru Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii i Pravitel'stvom Kitajskoj Narodnoj Respubliki o nauchno-texnicheskome sotrudnichestve ot 18 dekabrya 1992 goda (podpisan v g. Moskve 25 fevralya 1999 goda) // Konsul'tantPlyus. Profil': Universal'nyj (poslednee popolnenie 11.12.2018).

17. Soglasheniya mezhdru Pravitel'stvom Sverdlovskoj oblasti (Rossijskaya Federaciya) i Narodnym Pravitel'stvom provincii Xe'jlunczyan (Kitajskaya Narodnaya Respublika) o torgovo-e'konomicheskom, nauchno-texnicheskom i gumanitarnom sotrudnichestve» (Soversheno v Ekaterinburge 13 iyulya 2016 goda) // Konsul'tantPlyus. Profil': Universal'nyj (poslednee popolnenie 11.12.2018).

18. Soglashenie mezhdru Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii i Pravitel'stvom Kitajskoj Narodnoj Respubliki o nauchno-texnicheskom sotrudnichestve (Zaklyucheno v g. Pekine 18 dekabrya 1992 goda) // Konsul'tantPlyus. Profil': Universal'nyj (poslednee popolnenie 11.12.2018).

19. Strategii nauchno-texnologicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii / Utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 1 dekabrya 2016 g. № 642 // Konsul'tantPlyus. Profil': Universal'nyj (poslednee popolnenie 11.12.2018).

20. Ustav Associacii nauchno-texnicheskogo razvitiya Rossii i Kitaya ot 11 iyulya 2018 g. Iz arxiva avtora. (V 2019 godu dokument budet opublikovan na sozdavaemom sajte organizacii v otkrytom dostupe).

UDC 339.9

DOI 10.17506/dipi.2018.33.4.146156

ASSOCIATION OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL COOPERATION OF RUSSIA AND CHINA: PREREQUISITES FOR CREATION, LEGAL STATUS, GOALS AND OBJECTIVES

Rudenko Viktor Nikolaevich,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Full Professor,
Corresponding Member of the RAS,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: rudenkovn@yandex.ru

Annotation

Since the beginning of the twentieth century a serious Russian-Chinese scientific and technical partnership growth is registered. The acknowledged instrument for partnership in higher education have become represented by professional university associations. Ten such associations have been established since 2011. The Association of scientific and technical cooperation of Russia and China (ASTCRC), established in 2018, became the first Russian-Chinese Association of research institutes of academies of Sciences. The article deals with the prerequisites for the creation of ASTCRC, the main characteristics of its legal status, the main goals and objectives of its activities and it also summarizes work undertaken since its creation.

Key concepts:

scientific and technical cooperation, integration projects, Association of scientific and technical cooperation of Russia and China, technical and humanitarian projects, Russia, China.

УДК 327.51

DOI 10.17506/dipi.2018.33.4.157163

РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ СОЗДАНИЯ

Мухаметов Руслан Салихович,

Уральский федеральный университет,
доцент кафедры политических наук,
кандидат политических наук,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: muhametov.ru@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена российско-белорусской интеграции. Много внимания уделено обзору существующих в политической науке теоретических подходов к объяснению региональной интеграции. Показано, что эти методологические направления и школы объясняют создание интеграционных объединений исключительно действием внешних (геополитических и геоэкономических) факторов. Автор, опираясь на теорию неоклассического реализма, на основе большого эмпирического материала доказывает, что в формировании Союза России и Белоруссии большую роль сыграли комплекс внутренних факторов и интересы внутривнутриполитических акторов.

Ключевые понятия:

интеграция, Россия, Белоруссия, внешняя политика, геополитика, геоэкономика.

Тема российско-белорусской интеграции привлекает к себе внимание исследователей прежде всего тем, что именно на этом направлении государствам-участникам за относительно небольшой срок удалось достичь видимых результатов в областях торгово-экономического и военно-политического сотрудничества.

История российско-белорусской интеграции началась 2 апреля 1996 г., когда президент РФ Б.Н. Ельцин и президент РБ А.Г. Лукашенко подписали Договор об образовании Сообщества России и Белоруссии [1]. 29 апреля 1996 г. Руководители парламентов обоих государств в целях реализации данного Договора подписали соглашение о создании Парламентского Собрания Сообщества России и Белоруссии. В настоящее время между Москвой и Минском действует солидная нормативно-правовая база, которая позволяет динамично взаимодействовать в различных сферах и областях. На сегодняшний день суще-

ствуется более 130 межгосударственных и межправительственных соглашений. Многосторонние договоры о сотрудничестве связывают государства и в рамках СНГ, ОДКБ, ЕАЭС. Иными словами, российско-белорусское сотрудничество является собой самый высокий уровень межгосударственной интеграции на постсоветском пространстве. В этой связи данная интеграция заслуживает глубокого теоретического осмысления с позиции существующих методологических подходов к изучению региональной интеграции.

В политической науке существует несколько таких подходов. Прежде всего, следует назвать школу *политического реализма*, представители которой считают, что создание региональных интеграционных структур является неотъемлемой частью общей стратегии государств по усилению своего влияния и мощи на международной арене. По мнению реалистов, участниками стандартной геополитической схемы межгосударственного сотрудничества выступают условные «звезды» и «планеты». Суть этой модели следующая: «звезда» должна быть большой, а «планеты» – маленькими [14, с. 186–189].

Можно обозначить следующие черты позиции реалистов относительно вопросов создания и функционирования интеграционных объединений. Во-первых, согласно их воззрениям, главной целью межгосударственного сотрудничества является обеспечение национальной безопасности, а его самой главной формой – оборонный (военно-политический) союз. Во-вторых, считается, что основным мотивом, который вынуждает государства к объединению, является потребность иметь благоприятное международное окружение [13, с. 233–236].

В России данное теоретическое направление пользуется большой популярностью. По мнению экспертов, политический реализм лежит в основе большинства концептуальных документов, относящихся к российской внешней политике. Базовая категория данной теории – национальный интерес – рассматривается в качестве инструмента легитимации действий вовне, а также консолидации общественного мнения, в целом, и элиты, в частности, в поддержку внешнеполитических действий государств [11]. Востребованность реалистической парадигмы в массовом российском политическом сознании в значительной степени объясняется постимперским синдромом, т.е. тоской по утраченной империи, «славному прошлому», «большой России». Данный синдром вызван утратой статуса сверхдержавы [9].

В духе школы политического реализма выполнен доклад 1999 г. Совета по внешней и оборонной политике «О российско-белорусской интеграции». В нем отмечается, что в результате интеграции с Белоруссией Москва получит ряд геополитических дивидендов:

- непосредственный выход к границам Центрально-Европейского региона;
- устранение потенциальной угрозы создания т.н. Балтийско-Черноморского пояса изоляции России;
- укрепление позиции России в ее взаимоотношениях с государствами, блоками и союзами;
- увеличение военных возможностей государства в области обычных вооружений за счет интеграции с белорусской армией, обладающей высокой боеготовностью;
- вывод Калининградского особого оборонительного района из военно-стратегической изоляции [10].

С точки зрения политического реализма, для России геополитическое значение Союзного государства состоит в том, что «российско-белорусский союз препятствует реализации планов создания «балтийско-черноморской дуги», включающей недружественные России государства, разрывая эту «дугу» в самом центре» [16, с. 56]. Утверждается, что у коллективного Запада, в целом, и США, в частности, существуют планы создания своего рода «санитарного кордона», призванного изолировать Россию.

Вторая теоретическая школа исследований региональной интеграции обозначается как *функционализм*. Её отцом-основателем и одним из главных идеологов является Давид Митрани. С его точки зрения международные межправительственные организации развиваются под влиянием общественных потребностей, человеческих нужд и общественного блага. В этом плане международная интеграция деполитизирована. Другими словами, функционалисты считают, что интеграционные объединения возникают по экономическим мотивам, имеют целью обеспечение экономического процветания и роста благосостояния граждан государств. Таким образом, создание интеграционных объединений объясняется чисто экономическими причинами, рассматривается как настоящая необходимость для поддержания конкурентоспособности государств на мировом уровне.

С позиции функционализма интеграционные процессы между Россией и Белоруссией следует рассматривать, исходя из конкретных экономических интересов. Так, говоря об экономических интересах России, необходимо иметь в виду высокую заинтересованность Москвы в надежности транспортных (железнодорожных, автомобильных, воздушных, трубопроводных) и иных коммуникаций со странами-членами ЕС через территорию Белоруссии, а также – в доступе к системообразующим активам государственного сектора республики, в праве «первой руки» при приватизации белорусских предприятий [8, с. 165–171].

Третье направление – *неомарксизм*, представленное теорией мир-системного анализа (И. Валлерстайн, Б. Кагарлицкий). В рамках этой методологии региональная держава, государство, которое инициирует интеграционные процессы, рассматривается в качестве своеобразного «локомотива». Применительно к постсоветскому пространству можно сказать, что Москва собирается «вывезти» себя и другие государства ближнего зарубежья из состояния полупериферии и периферии в экономически развитый мир. Участие в интеграционных объединениях небольших по размерам и экономическому потенциалу развивающихся государств считается чуть ли не единственной возможностью «запрыгнуть на уходящий поезд».

Анализ существующих в политической науке теоретических подходов к региональной интеграции говорит о том, что все вышеназванные методологические направления и школы объясняют создание интеграционных объединений исключительно действием внешних (геополитических и геоэкономических) факторов. Как нам представляется, необходимо учитывать некий комплекс внутренних факторов и интересы внутриполитических некий.

Теоретической основой нашего исследования является теория *неоклассического реализма*, представленная Гидеоном Роузом, Стивеном Лобеллом, Тафтсом Джеффри Тальяферро. Данная теория говорит о том, что любое государство выстраивает свою внешнеполитическую стратегию под действием как внешних, так и внутренних факторов. Неоклассический реализм указывает на наличие связи

внешнеполитической деятельности государства с внутренними факторами, признает, что шар движется не только под влиянием внешних сил; его перемещение корректирует внутренняя динамика [15, с. 50–56].

Применительно к вопросам изучения российско-белорусской интеграции гипотеза нашего исследования состоит в том, что Б.Н. Ельцин в свое время был вынужден пойти на создание союза России и Белоруссии прежде всего под давлением общественных настроений и под влиянием сложившейся расстановки политических сил в стране. С российской стороны это была реакция главы государства на невысокие результаты пропрезидентских сил на парламентских выборах, по итогам которых большинство мест получили левые и националистические объединения, которые выступали более активно за интеграционные процессы на постсоветском пространстве.

17 декабря 1995 г. состоялись выборы депутатов Государственной думы ФС РФ 2 созыва. В нижнюю палату российского парламента прошли такие политические силы, как: КПРФ (22,3% голосов, 99 мандатов), ЛДПР (11,18%, 50 мандатов), «Наш дом – Россия» (10,13%, 45 мандатов), «Яблоко» (6,89%, 31 мандат). По одномандатным округам КПРФ провела в Госдуму 58 депутатов, Аграрная партия – 20 депутатов, «Яблоко» – 14 депутатов, «Наш дом – Россия» – 10 депутатов, «Власть – народу!» – 9 депутатов, «Демократический выбор» – 9 депутатов, «Конгресс русских общин» – 5 депутатов. Семнадцати партиям и избирательным объединениям удалось провести в думу от 1 до 3 депутатов. 77 депутатов в одномандатных округах выдвигались самостоятельно, не опираясь на поддержку какой-либо политической силы.

В итоге коммунисты (КПРФ и КТР) получили 26,83% голосов избирателей (увеличение в 2,79 раза по сравнению с результатами КПРФ в 1993 г.). Всего левые (КПРФ, КТР, АПР и т. д.) получили 32,22% голосов. Это в 1,97 раз больше, чем в 1993 г. Националистические объединения (ЛДПР, КРО, «Блок Говорухина» и т. д.) получили 20,53%. Это увеличение в 1,15 раза по сравнению с результатом ЛДПР 1993 года. Всего левые и националисты набрали 52,75%, что в 1,54 раза больше, чем в 1993 г. (44,01%).

Каких внешнеполитических взглядов придерживались данные партийно-политические силы? Сопоставление программных документов (в т. ч. предвыборных платформ) политических партий и движений, представленных в Государственной Думе 2-го созыва, говорит о том, что там преобладали «патриотические» силы, «государственники». Представители этой внешнеполитической школы считали «незаконным роспуск СССР и создание на его территории так называемых суверенных государств» [2, с. 83]. Они сожалели об утрате страной статуса великой державы [5, с. 61]. «Патриотические силы» выступали за возрождение российской державы в ее естественных геополитических границах. Под этими границами понималась территория Российской империи и СССР [3, с. 9; 7, с. 118]. Программой-минимум для них должна была стать «задача нового воссоединения Украины, Белоруссии и России... Народно-патриотическим силам России необходимо всеми доступными средствами добиваться подлинного союза России и Белоруссии» [4, с. 547–548]. С точки зрения «государственников» и «патриотов» создание какой-либо интеграционной формы (конфедерации, федерации или союза) из бывших советских республик СССР в обновленное содружество государств должно происходить на строго добровольной основе. Так,

в программных документах ЛДПР написано, что «партия исходит из того, что рано или поздно народы этих территорий сами выскажутся за возвращение в состав великого Российского государства. Но все должно делаться поэтапно» [2, с. 83].

Таким образом, представители левой оппозиции и националистические объединения поддерживали идею региональной интеграции, смотрели на перспективы ее реализации достаточно оптимистично и делали основной акцент на геополитических последствиях. Общим требованием коммунистических и националистических политиков становилась «защита национальных интересов» страны. Зюганов Г. А. и Жириновский В. В. считали, что ориентация России только на Запад является стратегической ошибкой, что Москва должна строить свою внешнюю политику по разным геополитическим направлениям. Они продвигали идею о том, что для России развитие интеграционных процессов на постсоветском пространстве должно стать приоритетной задачей внешней политики РФ.

Следует отметить, что значительной частью российского общества создание Союзного государства было воспринято с воодушевлением. Левые патриотические силы увидели в Союзном государстве шанс на возрождение обновленного союза народов. Кроме того, подписание Договора об образовании Союзного государства должно было стать некой моральной компенсацией за Беловежье [10].

1. Договор об образовании Сообщества России и Белоруссии [Электронный ресурс]. Информационно-аналитический портал Союзного государства. Режим доступа: <http://www.soyuz.by/about/docs/dgovor2/> (дата обращения: 20.04.2018).

2. Жириновский В. В. Идеология ЛДПР. М.: Издание Либерально-демократической партии России, 2010.

3. Зюганов Г. А. Защищая наш мир. О внешнеполитической деятельности КППРФ. М.: Изд-во ИТРК, 2006.

4. Зюганов Г. А. На рубеже тысячелетий. Судьба России в современном мире. М.: Мысль, 2001.

5. Зюганов Г. А. Россия и современный мир. М.: Информпечать, 1995.

6. Козырев А. В. Стратегия партнерства, Международная жизнь. 1994. № 5. С. 5–15.

7. ЛДПР: идеология и политика. М.: Издание Либерально-демократической партии России, 1995.

8. Мухаметов Р. С. Белоруссия в системе внешнеполитических приоритетов России, Известия Уральского государственного университета. Сер. 3. Общественные науки. 2011. № 4. С. 165–171.

9. Мухаметов Р. С. Причины создания Евразийского экономического союза: экономика или политика? // *Studia Humanitatis*. Электронный научно-образовательный журнал. 2015. № 4. Режим доступа: <http://st-hum.ru/content/muhametov-rs-prichiny-sozdaniya-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza-ekonomika-ili-politika> (дата обращения: 20.04.2018).

10. О российско-белорусской интеграции. Тезисы Совета по внешней и оборонной политике [Электронный ресурс]. Независимая газета. 01.10.1999. Режим доступа: <http://www.ng.ru/ideas/1999-10-01/integration.html> (дата обращения: 20.04.2018).

11. Романова Т.А. О неоклассическом реализме и современной России, Россия в глобальной политике. 2012. № 3. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/O-neoklassicheskom-realizme-i-sovremennoi-Rossii-15590> (дата обращения: 20.04.2018).
12. Тренин Д.В. Российская внешняя политика в 1992–2009 годах // История новой России. Очерки, интервью: в 3 т. Т. 3. СПб.: Норма, 2011. С. 218–260.
13. Цыганков П.А. Международное сотрудничество: позиции политического реализма, Социально-гуманитарные знания. 1999. № 1. С. 233–236.
14. Цыганков П.А. Теория политического реализма: власть и сила в международных отношениях, Социально-политический журнал. 1997. № 2. С. 186–189.
15. Чихарев И.А., Косоруков, А.А. Неоклассический реализм: к проблеме соотношения переменных глобального и национально-государственного уровней в формировании внешнеполитического курса, Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2010. № 1. С. 50–56.
16. Шурубович А.В. Тенденции и проблемы российско-белорусских экономических отношений: Научный доклад. – М.: Институт экономики РАН, 2017.

References

1. Dogovor ob obrazovanii Soobshhestva Rossii i Belorussii [E'lektronnyj resurs]. Informacionno-analiticheskij portal Soyuznogo gosudarstva. Rezhim dostupa: <http://www.soyuz.by/about/docs/dgovor2/> (data obrashheniya: 20.04.2018).
2. Zhirinovskij V.V. Ideologiya LDPR. M.: Izdanie Liberal'no-demokraticheskoj partii Rossii, 2010.
3. Zyuganov G.A. Zashhishhaya nash mir. O vneshnepoliticheskoy deyatelnosti KPRF. M.: Izd-vo ITRK, 2006.
4. Zyuganov G.A. Na rubezhe tysyacheletij. Sud'ba Rossii v sovremennom mire. M.: Mysl', 2001.
5. Zyuganov G.A. Rossiya i sovremennyy mir. M.: Informpechat', 1995.
6. Kozyrev A.V. Strategiya partnerstva, Mezhdunarodnaya zhizn'. 1994. № 5. S. 5–15.
7. LDPR: ideologiya i politika. M.: Izdanie Liberal'no-demokraticheskoj partii Rossii, 1995.
8. Muxametov R.S. Belorussiya v sisteme vneshnepoliticheskix prioritetov Rossii, Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 3. Obshhestvennye nauki. 2011. № 4. S. 165–171.
9. Muxametov R.S. Prichiny sozdaniya Evrazijskogo e'konomicheskogo soyuza: e'konomika ili politika? // Studia Humanitatis. E'lektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal. 2015. № 4. Rezhim dostupa: <http://st-hum.ru/content/muxametov-rs-prichiny-sozdaniya-evrazijskogo-ekonomicheskogo-soyuza-ekonomika-ili-politika> (data obrashheniya: 20.04.2018).
10. O rossijsko-belorusskoj integracii. Tezisy Soveta po vneshnej i oboronnoj politike [E'lektronnyj resurs]. Nezavisimaya gazeta. 01.10.1999. Rezhim dostupa: <http://www.ng.ru/ideas/1999-10-01/integration.html> (data obrashheniya: 20.04.2018).

11. Romanova T.A. O neoklassicheskom realizme i sovremennoj Rossii, Rossiya v global'noj politike. 2012. № 3. Rezhim dostupa: <http://www.globalaffairs.ru/number/O-neoklassicheskom-realizme-i-sovremennoi-Rossii-15590> (data obrashheniya: 20.04.2018).

12. Trenin D.V. Rossijskaya vneshnyaya politika v 1992–2009 godax // Istorija novoj Rossii. Oчерki, interv'yuy: v 3 t. T. 3. SPb.: Norma, 2011. S. 218–260.

13. Cygankov P.A. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo: pozicii politicheskogo realizma, Social'no-gumanitarnye znaniya. 1999. № 1. S. 233–236.

14. Cygankov P.A. Teoriya politicheskogo realizma: vlast' i sila v mezhdunarodnyx otnosheniyax, Social'no-politicheskij zhurnal. 1997. № 2. S. 186–189.

15. Chixarev I.A., Kosorukov, A.A. Neoklassicheskij realizm: k probleme sootnosheniya peremennyx global'nogo i nacional'no-gosudarstvennogo urovnej v formirovanii vneshnepoliticheskogo kursa, Vestnik MGU. Ser. 12. Politicheskie nauki. 2010. № 1. S. 50–56.

16. Shurubovich A.V. Tendencii i problemy rossijsko-belorusskix e'konomicheskix otnoshenij: Nauchnyj doklad. – M.: Institut e'konomiki RAN, 2017.

UDC 327.51

DOI 10.17506/dipi.2018.33.4.157163

RUSSIAN-BELARUSIAN INTEGRATION: INTERNAL POLITICAL REASONS FOR CREATION

Mukhametov Ruslan Salikhovich,

Ural Federal University,
Associate Professor of Political Science,
Candidate of Political Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: muhametov.ru@mail.ru

Annotation

The article is devoted to the Russian-Belarusian integration. A lot of attention is paid to reviewing theoretical approaches to explaining regional integration in political science. It is shown that these methodological directions and schools explain the creation of integration associations solely by the action of external (geopolitical and geo-economics) factors. The author, relying on the theory of neoclassical realism, on the basis of large empirical material, proves that a complex of internal factors and the interests of domestic political actors played a big role in the formation of the Union of Russia and Belarus.

Key concepts:

integration, Russia, Belarus, foreign policy, geopolitics, geo-economics.

УДК 323.174

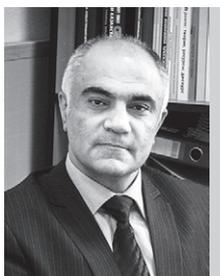
DOI 10.17506/dipi.2018.33.4.164172

РЕГИОНЫ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ПАРАДИПЛОМАТИИ

Баков Антон Алексеевич,

кандидат технических наук,
предприниматель,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: a-bakov@yandex.ru

Керимов Александр Алиевич,

Уральский федеральный университет,
доцент кафедры политических наук,
кандидат политических наук, доцент,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: kerimov68@mail.ru

Аннотация

Целью статьи является выявление и анализ факторов, благоприятствующих международной активности регионов – парадипломатии. Авторы выделяют две группы факторов: внутренние и внешние. Внутренние факторы обусловлены внутривнутриполитическими, внутриэкономическими, внутрисоциальными особенностями развития государства, а внешние определяются особенностями внешней политики государства, вовлеченностью в процессы глобализации. Авторы считают, что при оценке степени важности тех или иных факторов необходимо каждый раз исходить из конкретного случая реализации международной деятельности регионов на практике.

Ключевые понятия:

Парадипломатия, федерализм, регионалистское государство, региональный национализм, регион, глобализация.

В современном мире в условиях интенсификации международных отношений отчетливо прослеживаются две тенденции. С одной стороны, это процессы глобализации, стремление политических акторов к взаимопроникновению и открытости, с другой, – процессы регионализации, стремление отдельных территорий и народов к сохранению национально-культурного своеобразия, исторического наследия, этнической значимости, достижению политической автономии. Оба этих процесса, будучи взаимосвязанными и взаимообусловленными, в значительной степени оказывают влияние на конфигурацию политических структур и институтов любого государства. Следует отметить, что в условиях размывания границ между «внутренними» и «внешними» измерениями политики, «глобализация через акторов международной политики, таких как наднациональные политические организации, транснациональные корпорации, начинает оказывать активное воздействие и на внутривнутриполитические процессы в государстве, тем самым вовлекая в международные отношения и региональных акторов, международная деятельность которых в научной литературе получила название парадипломатии» [2, с. 31].

Возникает закономерный вопрос: какие факторы порождают парадипломатию, чем обосновывается международная активность регионов?

В силу сложности теории и практики данного феномена необходимо выделить группы факторов, порождающих и благоприятствующих международной активности регионов. Первая группа факторов связана с внутривнутриполитическими, внутрисоциальными, внутрисоциальными особенностями развития государства. Ко второй же группе факторов относятся особенности внешней политики государства, вовлеченность в процессы глобализации.

Среди внутренних факторов, обуславливающих международную деятельность регионов, необходимо выделить особенность территориально-государственного устройства страны. В условиях широкого развития горизонтальных связей происходит децентрализация политической системы с передачей полномочий субнациональным акторам.

Чаще всего децентрализацию политической системы связывают с развитием федерализма и регионального национализма. Изначально федерализм не был той теорией и практикой, которая способствовала развитию парадипломатических отношений. Исторически первая модель федерализма – дуалистическая – строилась на строгом разграничении полномочий центра и субъектов, при этом все международные отношения были строго отнесены к компетенции центра. Ситуация изменилась с развитием сначала кооперативной, а затем и конкурентной формы федерализма. На основе критического переосмысления опыта кооперативного федерализма в связи с изменением экономических условий возникла концепция конкурирующего федерализма.

В эпоху глобальной экономики и новых технологий региональная политика государства трансформируется. На смену поддержке отсталых регионов приходит политика поощрения наиболее динамично развивающихся территорий, максимальное развитие их конкурентоспособности с целью привлечения новых инвестиций. Конкурирующий федерализм предполагает соперничество различных органов власти, смоделированное по аналогии со свободным рынком. Если кооперативный федерализм сориентирован на интересы органов власти,

то конкурирующий федерализм в первую очередь заботится об удовлетворении потребностей граждан. Органы власти различного уровня соперничают друг с другом в области инновационной политики, а граждане голосуют за или против определенных нововведений. Таким образом, в современных федерациях, как правило, одновременно используются элементы как конкурирующего, так и кооперативного федерализма.

Соперничество между субъектами федерации стимулирует экономическое развитие и инновации. Кроме того, «регионы обладают определенными полномочиями и финансовыми ресурсами, необходимыми для осуществления экспериментальных программ и проектов, которые в случае их успешной реализации могут быть распространены на всю территорию страны» [3, с. 10]. Именно одним из инструментов конкурентной борьбы и становится парадипломатия, дающая возможность привлечь дополнительные инвестиции из-за границы для реализации проектов развития. При этом для того, чтобы привлечь внимание потенциальных инвесторов, регионам также приходится вступать в конкурентную борьбу.

Еще одним вариантом реализации идеи децентрализации является появление региональных государств, представляющих собой своеобразный синтез федерации и унитарного государства [3, с. 9]. Это объясняется тем, что автономии представляют собой особые политико-территориальные единицы, созданные с учетом национального состава, языка, культуры, проживающего в них населения. В то же время автономия не обладает всей полнотой власти, характерной для субъекта федерации.

Политическая автономия регионального государства имеет некоторые признаки государственности. Она (ее органы) обладает правом законодательства по вопросам местного значения, перечень этих полномочий обычно указывается в конституции или специальных законах. Так, в Ираке законом об Иракском Курдистане от 1974 г. Иракскому Курдистану было отведено право участия в решении некоторых общегосударственных вопросов, в том числе в переговорах о международных соглашениях, если они затрагивали вопросы автономных образований. Подобная практика существует в Португалии в отношении Азорских островов.

Для автономии характерно наличие местного парламента, иногда двухпалатного. Законы, принимаемые им, не должны противоречить интересам государства и его составных частей. Такие законы обычно могут издаваться по вопросам организации административных учреждений, подчиненных данному автономному образованию, административно-территориального деления автономии, местной полиции, рынков, санитарии, ремесленного обучения, дорожной сети, сельского хозяйства и др. Политическая автономия образует свой орган местной исполнительной власти. Это может быть коллегия, избранная законодательным собранием (советом) автономии, а может быть и его председатель, выступающий как глава исполнительных служб. В отличие от субъектов федерации, которые имеют иногда свою судебную систему вплоть до верховных судов (например, в США), автономные образования своих судов не имеют. В государстве существует единая судебная система, и суды, расположенные на территории политической автономии, входят в нее. В очень редких случаях

политическое автономное образование имеет свое гражданство и свою конституцию. И субъект федерации, и политическая автономия регионального государства представляют собой политические структуры, близкие к государству, а также могут иметь полномочия на ведение международной деятельности. В целом, для субнационального актора при участии в международных отношениях нет принципиальной разницы, является ли он составной частью федерации или регионального государства.

Гораздо большее значение для децентрализации имеет тип взаимоотношений центра и региона. Если парадипломатия субъектов федерации является обоюдовыгодной, как для субъекта, так и для федерации, которая получает дополнительный канал инвестиций, то в случае с региональным государством согласие государства на парадипломатическую деятельность региона представляет собой определенную уступку, направленную на желание избежать роста сепаратистских настроений. Особенно это становится актуальным в регионах, выделенных по этническому признаку.

Важным фактором внешнеполитической активности регионов, сформированных по национальному признаку, является региональный национализм. А. Лекур и К. Морено выделяют три проявления национализма в контексте внешнеполитической активности региона [7].

Первое проявление национализма – национализм как форма идентификации. Он обеспечивает установление границ между различными группами по таким факторам, как язык и особенности менталитета. Высшей формой институционализации национальной идентификации является формирование государства-нации, однако в современном мире лишь незначительное число национальностей имеет собственное государство. В прошлом, когда основные политические процессы происходили во внутривнутриполитической плоскости, компромиссом между центральным правительством и представителями этнических групп было создание политических автономий (как, например, Страна Басков в Испании) или федерализация государства по этническому принципу (как, например, в Бельгии). В условиях глобализации политических процессов национальная идентификация становится невозможной без участия регионов с национальным своеобразием в международной политике [7]. При этом регионы во внешнеполитической деятельности стремятся к поиску этнически и культурно близких партнеров. Так, внешняя политика Квебека ориентирована на Францию, а Фландрии – на Нидерланды.

Вторым проявлением национализма являются выявление и артикуляция групповых интересов. Развитие этнорегиональной идентичности подразумевает выявление особенного понимания общественного блага, или его отдельных элементов, т. е. различных интересов, которые необходимо продвигать и/или защищать. А. Лекур и К. Морено выделяют два уровня выявления интересов [7]. Первый основан на подчеркивании и политизации культурных различий. Второй лежит в идеологическом поле. Националистические движения могут использовать разные идеологические платформы для выражения региональных интересов. Так, например, во Фландрии, основной идеологией националистов является христианская демократия, в то время как в Квебеке националисты более склонны к умеренно-левым взглядам.

Третье проявление национализма – мобилизация. Развитие националистических движений представляет собой результат борьбы за власть внутри группы и между различными группами [7]. В условиях борьбы за власть в регионе использование националистической риторики может быть залогом победы на выборах. При этом внешнеполитическая деятельность является одним из инструментов такой мобилизации. Международная деятельность региональной элиты может рассматриваться гражданами как ее способность отстаивать интересы регионов. Особенность парадипломатии как формы национального самовыражения в международном масштабе заключается в ее повышенной конфликтности. Парадипломатия имеет дело не просто со спорами относительно цели внешней политики, как в случае с традиционной дипломатией, но и с борьбой за само право вести внешнюю политику, которую власти региона ведут с центральным правительством.

В целом парадипломатия позволяет регионам, выделенным по этническим признакам, получить своеобразную компенсацию как нациям без государства и повысить уровень признания и статуса как внутри государства, так и в мировом масштабе. Парадипломатия также может быть и способом этнического самовыражения через установление политических, экономических и культурных связей с другими акторами внешней политики, которые ментально наиболее близки к этносу, населяющему регион. Внешнеполитическая деятельность рассматривается как инструмент теми представителями субнациональных элит, которые готовы мобилизовать общество не через идею сепаратизма, а через поиск консенсуса в распределении властных полномочий, в том числе в сфере внешней политики.

Другим внутренним фактором, побуждающим региональных акторов к международной активности, является экономическая асимметричность регионов. Составные части децентрализованного государства изначально находятся в неравном положении в силу различного географического положения относительно государственной границы и транснациональных транспортных потоков, в частности выходов к морю. В процессе экономического развития происходит еще большая дифференциация регионов по уровню развития транспортной и промышленной инфраструктуры, производства, торгово-экономических показателей и т. д.

Высокий уровень экономического развития региона выступает в качестве мотива внешнеэкономической, а за ней и внешнеполитической деятельности для региональных элит. Имея достаточные экономические ресурсы и опираясь на собственные полномочия, регионы могут вводить дополнительные к общегосударственным налоговые преференции или принимать другие меры государственной поддержки международного сотрудничества, создавая более благоприятные условия для привлечения иностранных инвестиций, для реализации крупных совместных проектов по сравнению с другими регионами собственного государства.

Заинтересованность региона в самостоятельной внешнеэкономической деятельности побуждается и особенностью структуры регионального рынка. Очевидно, что в зависимости от того, какой вид товаров и услуг является основным для предприятий региона, будет производиться выбор основных экономических партнеров, которые будут различными для разных регионов.

В экономическом отношении парадипломатия приносит выгоду как для центра, так и для регионов. Регионы, как уже говорилось, могут выстраивать внешнеэкономическую деятельность, исходя из особенностей собственного рынка. Для государства децентрализация внешней политики на практике означает ее разнонаправленность. Передача регионам полномочий по выбору внешнеэкономического партнера и поиску инвесторов делает внешнеэкономическую политику государства более гибкой и открывает новые каналы поступления инвестиций.

Среди внешних факторов, обуславливающих международную деятельность регионов, необходимо выделить глобализацию, которая представляет собой процесс изменения всех сторон жизни общества под влиянием общемировой тенденции к взаимозависимости и открытости, признанию растущей взаимозависимости современного мира, главным следствием которой является значительное ослабление государственного суверенитета [3, с. 6].

Процесс глобализации способствует разрушению важнейших социально-политических принципов индустриального общества, в рамках которого происходило становление и развитие большинства политических институтов современности, в том числе и государственного. К данным принципам можно отнести стандартизацию, концентрацию и централизацию [1, с. 11].

В результате институционализации международного права, увеличения роли международных организаций в сфере либерализации рынков и обеспечения взаимоотношений между ведущими экономиками мира, происходит формирование конкурентной среды не только для бизнеса, но и для регионов, интегрирующих в новую мировую политическую систему вместе с государством, в состав которого они входят. Регионы все меньше ощущают непосредственную зависимость от институтов центральной государственной власти и все больше от тенденций и последствий развития глобальной экономики.

Процесс глобализации способствует изменению взаимоотношений центра и регионов в сторону уменьшения внутригосударственной централизации. В условиях функционирования системы всемирной экономической взаимозависимости и открытия границ регионы становятся существенным звеном в цепи инноваций и экономических преобразований, они начинают искать пути эффективного использования появившихся возможностей установления прямых контактов с другими акторами мирового политического процесса.

Взаимоотношения, осуществляемые в рамках глобализации, увеличение роли регионов в данном процессе получили в научной литературе название «глокализации» [8, с. 34]. При этом необходимо иметь в виду, что ни глобализация, ни участие регионов в международной деятельности было бы невозможным без информационной революции [6, с. 5].

Еще одним фактором, содействующим возникновению международной активности регионов, является межгосударственная интеграция. Данный фактор очень близок к глобализации, и даже является одним из ее проявлений, однако затрагивает исключительно сферу межгосударственных отношений на уровне центральных правительств. Под межгосударственной интеграцией понимается развитие системы межгосударственных соглашений как в конкретной области (например, свободной торговли), так и направленных на сотрудничество в разных сферах [5, с. 28].

Создание межгосударственных организаций бросает вызов регионам. Международные обязательства, принятые на себя национальными правительствами при вступлении в межправительственную организацию, зачастую затрагивают те предметы ведения, которые отнесены к компетенции регионов. Это приводит к нарушению сложившегося внутреннего разделения предметов полномочий между органами власти национального, регионального и местного уровней. Нередко бывает, что государство, делегируя полномочия международной организации, передает ей именно те полномочия, которые ранее находились в компетенции регионов. Примером такой ситуации является участие Германии в Евросоюзе. Так, статья 24 Основного Закона ФРГ предусматривает передачу межгосударственным организациям той части суверенных прав, которые ранее составляли компетенцию земель (прежде всего это относится к культуре и СМИ) [4].

Данный вызов вынуждает регионы искать возможности не только отстоять свои полномочия, но и расширить их. Единственным выходом в таких условиях является участие в процессе принятия решений на международном уровне. Это становится возможным через имплементацию соглашений. Многие международные обязательства, принятые государством, не могут быть исполнены без непосредственного участия регионов. Наиболее показательным примером является участие бельгийских регионов и сообществ в выполнении обязательств по охране окружающей среды. И сообщества, и регионы могут отказаться выполнять предписания межправительственных организаций, сославшись на то, что они не принимали участие в установлении соответствующих норм. Так, к примеру, в бельгийской практике стало обычным правилом согласовывать с заинтересованными сообществами и регионами крупные международные акции федерального правительства, такие как подписание договора [5, с. 34]. Таким образом, межправительственная интеграция бросает вызов субнациональным акторам, поскольку затрагивает полномочия, отнесенные внутренним законодательством, прежде всего конституцией, к их компетенции. В то же время, интернализация компетенций регионов предоставляет им возможность отстаивать право на участие в принятии решений на международном уровне.

В заключение отметим, что существует множество факторов, детерминирующих международную деятельность регионов. Данные факторы тесно взаимосвязаны, и основной фактор выделить довольно сложно. Глобализация мировой экономики и политики в определенной степени стимулирует политическую децентрализацию и экономическую асимметричность регионов. В то же время, влияние глобальных процессов на деятельность региональных элит напрямую зависит от того, какими политическими полномочиями и экономическими ресурсами обладает регион.

1. Бирюков С.В. Современный федерализм: проблемы исследования и перспективы развития // Регионоведение. 2010. № 1. С. 9–18.

2. Благодатских В.Г., Керимов А.А. Концепт парадипломатии в политологическом дискурсе: сущность и основные направления исследований // Социально-политические науки. 2017. № 6. С. 31–36.

3. Васильева Т.А., Глигич-Золотарева М.В., Лебедев А.Н., Шульжен-

ко Ю.Л. Глобализация и федерализм // Государство и право. 2007. № 7. С. 5–16.

4. Леванский С.А. Германия: федерализм в мононациональном государстве [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.politnauka.org/library/compare/levansky2.php>.

5. Насыров И.Р. Международное сотрудничество регионов: мировая практика и опыт Татарстана. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2007. 329 с.

6. Courhence J. Glocalization: The Regional/International Interface // Canadian Journal of Regional Science 1995. N 1. P. 1–20.

7. Lecours A., Moreno L. Paradiplomacy and stateless nations: a reference to the Basque Country Montreal [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tamilnation.co/conflictresolution/countrystudies/basque/paradiplomacy.htm>.

8. Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // Global Modernities / ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. London, 1995. P. 25–44.

References

1. Biryukov S.V. Sovremennyy federalizm: problemy issledovaniya i perspektivy razvitiya // Regionologiya. 2010. № 1. S. 9–18.

2. Blagodatskix V.G., Kerimov A.A. Koncept paradiplomatii v politologicheskom diskurse: sushhnost' i osnovnye napravleniya issledovaniy // Social'no-politicheskie nauki. 2017. № 6. S. 31–36.

3. Vasil'eva T.A., Gligich-Zolotareva M.V., Lebedev A.N., Shul'zhenko Yu. L. Globalizaciya i federalizm // Gosudarstvo i pravo. 2007. № 7. S. 5–16.

4. Levanskij S.A. Germaniya: federalizm v mononacional'nom gosudarstve [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.politnauka.org/library/compare/levansky2.php>.

5. Nasyrov I.R. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo regionov: mirovaya praktika i opyt Tatarstana. Kazan': Izd-vo Kazan. gos. un-ta, 2007. 329 s.

6. Courhence J. Glocalization: The Regional/International Interface // Canadian Journal of Regional Science 1995. N 1. P. 1–20.

7. Lecours A., Moreno L. Paradiplomacy and stateless nations: a reference to the Basque Country Montreal [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tamilnation.co/conflictresolution/countrystudies/basque/paradiplomacy.htm>.

8. Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // Global Modernities / ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. London, 1995. P. 25–44.

UDC 323.174

DOI 10.17506/dipi.2018.33.4.164172

REGIONS IN INTERNATIONAL ACTIVITY: FACTORS OF DEVELOPMENT OF THE PARADIPLOMACY

Bakov Anton Alekseevich,

Candidate of Technical Sciences,
entrepreneur,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: a-bakov@yandex.ru

Kerimov Aleksandr Aliev,

Ural Federal University,
Department of political sciences,
Associated Professor,
Candidate of Political Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: kerimov68@mail.ru

Annotation

The purpose of this article is to identify and analyze the factors conducive to international activity of regions of paradiplomacy. The authors distinguish two groups of factors: internal and external. Internal factors are caused by internal political, internal economic, social features of development of the state, and external factors are determined by features of foreign policy of the state, involvement in processes of globalization. The authors believe that in assessing the importance of certain factors, it is necessary to proceed from each time a specific case of implementation of international activities of the regions in practice.

Key concepts:

paradiplomacy; federalism; the regionalist state; regional nationalism; region; globalization.

УДК 1:3+81.42

DOI 10.17506/dipi.2018.33.4.173182

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ: КОНКУРИРУЮЩИЕ ДИСКУРСЫ В ПОЛИТИКЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ

Докучаев Денис Сергеевич,

Ивановский государственный университет,
заведующий кафедрой журналистики, рекламы и связей с
общественностью,
кандидат философских наук,
Иваново, Россия,
E-mail: den-dokuchaev@mail.ru

Аннотация

В 2018 году Ивановской области как административной единице исполнилось 100 лет. В 1918 году она была искусственно создана по инициативе М. В. Фрунзе из земель Владимирской и Костромской губернии. Несмотря на то, что были и реальные предпосылки для объединения территорий вокруг Иваново-Вознесенска – промышленного текстильного центра того времени, вопрос с локальной и региональной идентичностью жителей новой губернии/области всегда оставался проблемным. Еще более серьезно эти проблемы стали проявляться в конце 1990-х – начале 2000-х, когда встал вопрос об укрупнении ряда регионов и присоединении Ивановской области к более сильным с экономической точки зрения регионам. Дискуссия эта продолжается до сих пор. Тем не менее, в поле власти в последние годы отчетливо наблюдается тенденция к выделению особенных черт территории, созданию особенной дискурсивной реальности региона, направленной на привлечение внимания федерального центра к Ивановской области. Анализу политических решений, связанных с конструированием региональной идентичности Ивановской области, и посвящена настоящая статья.

Ключевые понятия:

региональный дискурс, регионализм, региональная идентичность, Ивановская область, образ территории.

Региональный дискурс и идентичность в Ивановской области: проблематизация и методология

Ивановскую область можно отнести к особому типу регионов, в которых региональная идентичность характеризуется слабым ощущением культурного единства [10, с. 14]. Именно поэтому для гомогенизации местного сообщества необходима активная имиджевая политика, то есть политика конструирования образа территории.

Цель настоящей статьи заключается в попытке выявления специфики регионального сообщества Ивановской области в части изучения политических и символических практик как власти, так и населения, связанных с конструированием образа территории.

Объектом настоящего исследования является регион как дискурсивное пространство коллективной идентичности человека. В качестве предмета выступает сущностная специфика ивановской региональной идентичности.

Региональная идентичность проявляет себя на двух уровнях. Она подразумевает соотнесение смысложизненного мира человека с 1) с *genius loci* региона – интеллектуальными, духовными, эмоциональными явлениями и их материальной средой («внутренняя» идентичность); 2) с социальным целым – региональным сообществом («внешняя» идентичность). Именно поэтому политика конструирования региональной идентичности в любом регионе всегда предполагает наличие инструментария для воздействия на оба этих уровня.

Говоря о региональном дискурсе, заметим, что применительно к проблеме регионализма, целесообразным будет использование критического дискурсивного анализа [17]. С одной стороны, региональный дискурс – это специфический тип речемыслительной деятельности, характерный для социального пространства региона. С другой стороны, региональный дискурс мыслится как любой вид дискурса, реализуемый в регионе. Мы будем придерживаться точки зрения о том, что региональный дискурс – это тематически сфокусированная, социокультурно обусловленная речемыслительная деятельность в регионе [4].

Новые реалии федеративной политики сказались на изменении характера региональных отношений в стране, если еще точнее, то в России окончательно оформился новый «элитарный» регионализм – такая совокупность федеративно-региональных отношений, при которой последние попали в жесткую зависимость от проводимой «центром» политики [9]. Концепт «элитарного регионализма» связан с развитием представлений об активном регионализме. Регионализм всегда мотивирован определенной целью. Цели и предметная область регионализма конкретизируются в когнитивных процедурах, характерных для того или иного типа региональной дискурсивной практики. Заметим, что предметная область регионализма выражается в конкретных знаково-символических формах, с помощью языковых единиц, речевых актов и средств выражения. Анализ семиосферы региона представляется наиболее перспективной формой изучения феномена регионализма. Именно в семиотическом пространстве региона происходит борьба дискурсов за наполнение той или иной территории региона собственными значениями, в том числе значениями, объясняющими амбиции сообщества в борьбе за институциональный статус территории, конкурентное преимущество перед другими регионами. Региональное пространство воспри-

нимается нами не как объективистская категория, а рассматривается в качестве капитала социума, умелое использование которого способно принести немало политических, экономических и прочих дивидендов.

Конкурирующие дискурсы в политике конструирования образа Ивановской области

Ивановская область является классическим образцом, иллюстрирующим трансформации конструирования региональной идентичности в новых политических условиях. В 2005–2006 годах с приходом в регион губернатора Михаила Меня началась активная имиджевая кампания по продвижению территории. В области постепенно формируется новый «список» гениев места. В него попадают кинорежиссер Андрей Тарковский, советский «шансонье» Аркадий Северный, модельер Вячеслав Зайцев и другие известные личности. С каждым конкретным «гением» связывается культурно-массовое событие. Тарковский – кинофестиваль «Зеркало», Северный – российский фестиваль шансона «Черная Роза», Зайцев – международный конкурс «Текстильный салон», российский фестиваль моды «Плес на Волге. Льняная палитра». Далее рассмотрим несколько конкретных и вполне успешных проектов, которые власти региона смогли использовать для создания позитивного образа территории и, в конечном счете, для привлечения инвестиций. То есть мы посмотрим, как цели и предметная область регионализма конкретизируются в когнитивных процедурах на примере Ивановской области.

Дискурс Волги в конструировании образа территории

Реки всегда играли важнейшую роль в жизни социума. Для человека и общества водные пути – это не просто природные ресурсы или транспортные артерии. По мнению О. В. Рябова, «река по самой своей природе является одним из заметных элементов коллективной идентичности, представляя собой естественную границу, которая и разъединяет сообщества, и связывает их. Образы рек включаются в произведения литературы и искусства, политическую риторику и военную пропаганду, коммерческую рекламу и брендинг территорий» [12, с. 13]. По мнению М. Х. Кусмидиновой, образ Волги является одним из основополагающих мотивов в художественной культуре местного сообщества. «Она – главный индикатор региональной культуры, ландшафта и экономического развития. Волга выступает культуuroобразующим феноменом регионального и даже порой всероссийского уровня» [7, с. 9]. Неслучайно, что использование этого образа в политических и имиджевых дискурсивных практиках сообществ в последнее время только возрастает. Исключением здесь не стала и Ивановская область.

В 1918 году при определении пространства административной единицы М. В. Фрунзе исходил из наличия нескольких центров, существовавших здесь. Это, прежде всего, Иваново-Вознесенск, Шуя и Кинешма. Каждый из этих городов был достоин стать столицей края. Шуя и Кинешма на момент создания губернии были уездными центрами, а Иваново-Вознесенск был пускай и самым многочисленным, но безуездным городом. Тем не менее, центром новой административной единицы молодой советской республики становится Иваново-Вознесенск – центр революционной борьбы, третья пролетарская столица

и родина первого совета. В регион были включены и приволжские земли, ранее входившие в Костромскую губернию, а сама Волга стала естественной границей Ивановского края на северо-востоке и востоке. В советское время Ивановская область считалась неотъемлемой частью региона Верхней Волги. В самом же местном сообществе ощущение «приволжскости» или «волжскости» долгое время служило водоразделом населения. Ивановская ментальность существенно отличается, например, от кинешемской (приволжской), для которой характерен укорененный «местный патриотизм» [6, с. 40–41], берущий свои истоки, в том числе, в ландшафте (жизнесвязанности с Волгой).

Тем не менее, в новейшее время, начиная с 2000-х годов, людям, принявшим политические решения в Ивановской области, стало понятно, что Волгу можно и нужно «капитализировать». Фактически мы здесь говорим о брендинге территории. Однако в этом плане необходимо согласиться с М.Ю. Тимофеевым, который замечает, что «брендинг не даёт имя городу/региону, а с помощью определённого набора ассоциаций «создаёт» им это имя, включает его в определённый контекст» [15, с. 31]. О включении территории Ивановской области в волжский контекст (шире дискурс) и пойдет речь далее.

Города на Волге

Два города, входящие в состав современной Ивановской области, являются одними из древнейших поселений на Волге. Это Юрьевец, основанный в 1225 г. (по другим сведениям в 1150 г.), и Плёс (впервые упоминается в «Новгородской летописи» в 1141 г., затем был сожжен монголо-татарами в 1238 г., новая крепость была возведена в 1410 г.).

Первым городом новой имиджевой политики региона стал Плёс. Один из самых маленьких городов России с 2006 года был нарочито вписан в волжский дискурс. У Плёса появляется неофициальная часть в наименовании. Теперь не просто Плёс, но «Плёс на Волге». Если Плёс – это город, то вот «Плёс на Волге» – определенно бренд. Капитализации его способствовали первые событийные мероприятия, такие как фестиваль моды «Плёс на Волге. Ленная палитра», «Левитановский музыкальный фестиваль» и другие. Позднее в Плёс привезли и кинофестиваль имени Андрея Тарковского «Зеркало» (хотя это культурное событие, безусловно, было связано с позиционированием второго древнего города на Волге – Юрьевца).

Отчасти на имидж Юрьевца стал работать кинофестиваль «Зеркало» им. А. Тарковского. Идея кинофорума появилась, вероятно, в 2006 году, а первое событие произошло в 2007 году. С тех пор состоялось уже больше десяти фестивалей. Каждый год в Ивановскую область съезжается российский и европейский кинобонд. В первые годы программа фестиваля включала и участие массового зрителя. Однако в последние год-два со смещением «Зеркала» из Иванова в Плёс и Юрьевец фестиваль стал полузакрытым и элитарным событием «Волжской ривьеры».

Волжская Ривьера

Несколько успешных лет государственно-частного партнерства в 2006–2010 гг. принесли свои дивиденды. В Плесе появляются современные объекты го-

степриимства, интерес к месту возникает и у первых лиц государства. В 2008 году Плёс впервые посещает Дмитрий Медведев, будучи в статусе Президента РФ. Он осмотрел местный яхт-клуб, отобедал в ресторане, увидел основные достопримечательности. В том числе побывал в полуразрушенной усадьбе в Миловке (недалеко от Плёса). Имение приглянулось Дмитрию Медведеву. Позднее в отреставрированной усадьбе он стал иногда останавливаться.

В большом интервью «Русскому репортеру» губернатор Ивановской области Михаил Мень не скрывал, что Плёс – это грамотный, прежде всего *политический проект*, связанный с конструированием образа территории. В частности, Мень заметил, что «мы выстраиваем *конструкцию*, по которой пошли многие европейские небольшие города, развивающие туризм, те же Канны. Это ведь был заштатный городок недалеко от большой и красивой Ниццы. А стал знаменит благодаря *грамотно выстроенному* событийному туризму. В Плёсе мы идем примерно по тому же пути, это приносит уже первые результаты» [2] (курсив мой. – Д. Д.). Но не только событийность волжского городка привлекла к себе благосклонность федеральных ведомств, когда Плёс был включен в федеральную программу по развитию внутреннего туризма. Нынешний Председатель Правительства РФ, а в прошлом Президент России Дмитрий Медведев – самый известный плёсский дачник.

Так или иначе, но в 2012–2013 гг. появляется новый проект региональных властей по позиционированию территории, который получил название «Волжская Ривьера». В 2013 г. проект был включен в ФЦП «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации». «Волжская Ривьера» предполагала обустройство всех приволжских территорий Ивановской области.

Здесь интересно само название проекта. «Волжская Ривьера» – это вполне успешная номинация, которая еще до Ивановской области активно использовалась в Самарской, Саратовской, Ярославской областях. Изначально в Ивановской области речь шла о создании ивановской Ривьеры. Однако, включение этого побережья не в локальный текст территории, а в более широкий российский дискурс Волги оказалось экономически и политически более целесообразным.

Аргументы в пользу статуса «волжскости» ивановских земель очень быстро были найдены. Ивановская область входит в маршрут «Золотое кольцо», а среди областей и городов маршрута, регион занимает второе место по протяженности на его территории реки Волги, а именно, она равна 220 км. (Первое место – у Ярославской области: протяженность Волги равна 340 км., третье место – у Костромской области – 89 км.). Подчеркнем, что в других областях «Золотого кольца», кроме упомянутых выше, Волга не протекает.

С укреплением волжского дискурса в позиционировании территории Ивановской области существенно увеличились и инвестиции. Так, механизм государственно-частного партнерства, реализуемый в Плёсе и на территории всех волжских земель привел к тому, что на 1 рубль государственных вложений частные инвесторы внесли 3 рубля.

Можно ли просчитать потери от проекта, если бы Ривьера была не Волжской, а Ивановской, например? Наверное, да. Не было бы никогда «Ивановской Ривьеры» за федеральный счет и средств инвесторов. Только грамотное использование одного из значимых в России образов – реки Волги

позволило заявить о проекте на всю страну и включить волжское побережье Ивановской области в программу развития внутреннего туризма.

Символ Волги оказался эффективен в территориальном маркетинге и брендировании Ивановской области. Однако в представлениях местных сообществ Волга все еще остается водоразделом культур, не только в горизонтальном измерении локальных идентичностей, но теперь еще и в вертикальном измерении «элитарной и массовой Волги».

«Сказочная карта» в колоде региональных властей

Яркий пример регионального мифотворчества современной России связан с так называемой «Сказочной картой». Автором проекта является Алексей Козловский [1]. Карта российских регионов, на которую поместили героев русских сказок, появилась в 2011 г. Именно тогда агентство РИА «Новости» сделало интерактивную инфографику [13]. Затем разгорелась нешуточная борьба отдельных регионов за местожительство именно у них сказочных героев. Так, например, на родину Бабы-Яги претендовали Фурмановский район Ивановской области и село Кукобой Ярославской области. Местные политики достаточно быстро поняли, что сказочная тема перспективна в плане туризма, а внутренний туризм – это хорошие инвестиции. Наибольшую поддержку проект получил в центральном федеральном округе и, в частности, в Ярославской, Ульяновской и Кировской областях. Позднее стали подключаться другие регионы, и уже в 2012 г. прошли «Всемирные сказочные игры». Постепенно локальные и региональные сообщества стали использовать сказочных персонажей в качестве брендов.

В Ивановской области, также представленной на сказочной карте, сделала ставку на образ Жар-птицы. Родиной Жар-птицы стали называть поселок Палех. На официальном сайте муниципального района сообщается: «По преданиям, Жар-птица выжгла в непроходимой чаще леса поляну, пригодную для проживания. На ней то и поселились талантливые мастеровые люди, и поныне оберегаемые чудо-птицей, покровительницей их уникального таланта. Отсюда и «польхающее» название поселка – Палех» [11]. Случай с Жар-птицей – хороший пример трансформации сказочного образа в инвестиции. После появления на сказочной карте, еще в бытность губернаторства М. Меня, родилась идея инвестиционного проекта туристско-рекреационного кластера «Палех», вся концепция которого строилась на мифе о Жар-птице. Проект предполагал строительство туристического комплекса, благоустройство поселка, создание нового музея. Общий объем инвестиций – более 1,5 млрд. рублей. Впоследствии проект кластера был включен в ФЦП по развитию внутреннего туризма до 2018 года. В 2018 году Палех был включен в проект масштабной реконструкции. Агентство «ДОМ.РФ» предоставило 100 миллионов рублей на трансформацию городской среды. В посёлке по проекту КБ «Стрелка» появилось новое центральное освещение (в стиле цветов палехской миниатюры), новые пешеходные зоны, также был реконструирован городской фонтан. Работы продолжатся и в 2019 году.

Самый свежий пример использования сказочной темы в регионе связан с позиционированием областного центра – города Иваново. В конце 2014 года был создан Координационный комитет по корректировке Стратегии развития

городского округа Иваново до 2020 года. В течение первого полугодия 2015 года стратегический документ развития города обсуждали, дополняли и переписывали. Не будем вдаваться в подробности процесса создания документа и выяснять авторство некоторых разделов стратегии, остановимся лишь на интересующем нас пункте – «Нематериальные активы города Иваново» [14].

Среди многочисленных возможных вариантов брендинга областного центра предлагается следующий: «Иваново – родина Ивана-царевича». В подтверждение того, что Иваново вполне подходит на роль родины Ивана-царевича, сторонники данной бренд-стратегии сообщают: «...образ родины Ивана-царевича удивительным образом соотносится с началом исторического летоисчисления села (1561 г.). По неподтвержденным документальным данным Иваново впервые упоминается как «царский подарок» Ивана Грозного князьям Черкасским. В развитие этой идеи можно позиционировать Иваново как город или даже *столицу всех Ивановых и Иванов, помнящих свое родство* <...> образ города Иваново, ориентированный на имя, будет отвечать ощущениям тех, кто желает видеть в названии своего местожительства народную, русскую основу. Соответственно имени допустимо символическое преобразование городской среды» [14, с. 45].

Заключение

Мы рассмотрели лишь некоторые примеры того, как в региональном дискурсе используются в политических и экономических целях конкретные образы, влияющие на имидж территории. Все эти дискурсы являются и конкурирующими, и взаимодополняющими. Они встраиваются в региональный метадискурс, который и задает грамматику «ивановского текста».

Региональную идентичность в этом ключе следует рассматривать как отношение, конструирующее реальность и конструируемое в социальном взаимодействии, имеющее групповой и индивидуальный уровни проявления. В политике конструирования региональной идентичности в Ивановской области, как мы убедились, используется инструментарий для воздействия на оба этих уровня. Тем не менее, в действиях региональной элиты есть и явные пробелы. Прежде всего, работа по конструированию образа территории должна вестись на систематической основе, а не от случая к случаю. Тогда эффект от этой работы будет ощутим, верифицируем и значим. На данный момент приходится констатировать, что в Ивановской области наличествует ситуация, при которой разные акторы пытаются влиять на политику идентичности, и ни один из них не преуспевает в этом.

Наиболее эффективной в контексте политики региональной идентичности могла бы стать работа общественности и гражданского сектора (прежде всего НКО). Однако органам власти стоит пойти не по пути создания таких институтов «сверху», а путем временного самоустранения из этого сектора и занятия наблюдательной позиции. Первые неуверенные попытки самоорганизации городских и районных активистов уже наметились, и с такими объединениями стоит постепенно выстраивать диалог. Немного перефразируя И. Канта, можно сказать, что к подобным объединениям, людям и их идеям стоит относиться как к цели, а не как к средству.

1. Алексей Козловский: «Сказочная карта России – инструмент для местной власти». URL: <http://vlg-media.ru/interview/aleksei-kozlovskii-skazochnaja-karta-rosi-instrument-dlja-mestnoi-vlasti-12457.html> (дата обращения: 05.09.2018).
2. Данилова Д. «Мы развиваем Плёс как Канны»: Губернатор Ивановской области Михаил Мень – о том, как превратить захолустье в курорт // Русский репортер. 14 марта 2013 года. URL: <http://rusrep.ru/article/2013/03/14/ples/> (дата обращения: 18.08.2018).
3. Докучаев Д.С. Региональная идентичность: понятие, структура, функции. // *Философия и культура*. – 2012. – № 12. – С. 15–22.
4. Докучаев Д.С. Регионализм как политический дискурс: методология интерпретации // *Вестник Пермского университета. Серия Политология*. 2012. № 4. С. 70–78.
5. Костромская Снегурочка отметит «космический» день рождения. URL: <https://rg.ru/2015/11/19/reg-cfo/turism.html> (дата обращения: 05.09.2018).
6. Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России / М.П. Крылов. – М.: Новый хронограф, 2010.
7. Кусмидинова М.Х. Концепт Волги в историко-культурном развитии России: философский анализ. Автореферат дисс. канд. филос. наук. Астрахань: Астраханский государственный университет. 2010.
8. Маслов Д.В. Молодежные путешествия на три буквы: от МСЕ до ММФ. URL: http://1000inf.ru/news/52876/?sphrase_id=26119 (дата обращения: 15.10.18).
9. Назукина М.В., Докучаев Д.С. «Элитарный» регионализм в России: проблема взаимоотношения власти и интеллигенции (на примерах Ивановской области и Пермского края) // *Интеллигенция и мир*. – 2013. – № 3. – С. 18–33.
10. Назукина М.В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ. Пермь. 2009. – 26 с.
11. Официальный сайт Палехского муниципального района. URL: <http://palekhmr.ru/proekt-palekh-rodina-zhar-ptitsy.html>.
12. Рябов О.В. «Отстоим Волгу-матушку!»: Материнский символ реки в дискурсе Сталинградской битвы // *Женщина в российском обществе*. – 2015. – № 2. – С. 11–27.
13. Сказочная карта России. URL: <https://ria.ru/infografika/20110318/438423795.html> (дата обращения: 20.08.2018).
14. Стратегия развития городского округа Иваново до 2020 года. URL: <http://ivgoradm.ru/files/strategiya-razvitiya-gorodskogo-okruga-ivanovo-do-2020-goda-skorrektirovannaya.pdf>.
15. Тимофеев М.Ю. Города и регионы России как (пост) индустриальные бренды // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*. – 2013. – № 5. – С. 29–41.
16. Тимофеев М.Ю. Иваново – столица Европы: вся власть симулякрам! URL: http://journal-labirint.com/?page_id=296 (дата обращения: 17.10.2018).
17. Ферклоу Н. Диалектика дискурса. URL: <http://discourseanalysis.org/ada1/st9.shtml> (дата обращения: 02.09.2018).

References

1. Aleksej Kozlovskij: «Skazoch'naya karta Rossii – instrument dlya mestnoj vlasti». URL: <http://vlg-media.ru/interview/aleksei-kozlovskii-skazoch'naja-karta-rosii-instrument-dlja-mestnoi-vlasti-12457.html> (data obrashheniya: 05.09.2018).
2. Danilova D. «My razvivaem Plyos kak Kanny»: Gubernator Ivanovskoj oblasti Mixail Men' – o tom, kak prevratit' zaxolust'e v kurort // Russkij reporter. 14 marta 2013 goda. URL: <http://rusrep.ru/article/2013/03/14/ples/> (data obrashheniya: 18.08.2018).
3. Dokuchaev D.S. Regional'naya identichnost': ponyatie, struktura, funkcii. // *Filosofiya i kul'tura*. – 2012. – № 12. – С. 15–22.
4. Dokuchaev D.S. Regionalizm kak politicheskij diskurs: metodologiya interpretacii // *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Politologiya*. 2012. № 4. S. 70–78.
5. Kostromskaya Snegurochka otmetit' «kosmicheskij» den' rozhdeniya. URL: <https://rg.ru/2015/11/19/reg-cfo/turism.html> (data obrashheniya: 05.09.2018).
6. Krylov M.P. Regional'naya identichnost' v Evropejskoj Rossii / M.P. Krylov. – M.: Novyj xronograf, 2010.
7. Kusmidinova M.X. Koncept Volgi v istoriko-kul'turnom razvitii Rossii: filosofskij analiz. Avtoreferat diss. kand. filos. nauk. Astraxan': Astraxanskij gosudarstvennyj universitet. 2010.
8. Maslov D.V. Molodezhnye puteshestviya na tri bukvy: ot MSE do MMF. URL: http://1000inf.ru/news/52876/?sphrase_id=26119 (data obrashheniya: 15.10.18).
9. Nazukina M.V., Dokuchaev D.S. «E'litarnyj» regionalizm v Rossii: problema vzaimootnosheniya vlasti i intelligencii (na primerax Ivanovskoj oblasti i Permskogo kraja) // *Intelligenciya i mir*. – 2013. – № 3. – S. 18–33.
10. Nazukina M.V. Regional'naya identichnost' v sovremennoj Rossii: tipologicheskij analiz. Perm'. 2009. – 26 s.
11. Oficial'nyj sajt Palexskogo municipal'nogo rajona. URL: <http://palekhr.ru/proekt-palekh-rodina-zhar-ptitcy.html>.
12. Ryabov O.V. «Otstoim Volgu-matushku!»: Materinskij simvol reki v diskurse Stalingradskoj bitvy // *Zhenshhina v rossijskom obshhestve*. – 2015. – № 2. – S. 11–27.
13. Skazoch'naya karta Rossii. URL: <https://ria.ru/infografika/20110318/438423795.html> (data obrashheniya: 20.08.2018).
14. Strategiya razvitiya gorodskogo okruga Ivanovo do 2020 goda. URL: <http://ivgoradm.ru/files/strategiya-razvitiya-gorodskogo-okruga-ivanovo-do-2020-goda-skorrektirovannaya.pdf>.
15. Timofeev M. Yu. Goroda i regiony Rossii kak (post) industrial'nye brendy // *Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnyx issledovanij*. – 2013. – № 5. – S. 29–41.
16. Timofeev M. Yu. Ivanovo – stolica Evropy: vsya vlast' simulyakram! URL: http://journal-labirint.com/?page_id=296 (data obrashheniya: 17.10.2018).
17. Ferklou N. Dialektika diskursa. URL: <http://discourseanalysis.org/ada1/st9.shtml> (data obrashheniya: 02.09.2018).

UDC 1:3+81.42

DOI 10.17506/dipi.2018.33.4.173182

REGIONAL IDENTITY IN THE IVANOV REGION: COMPETING DISCOURSES IN THE POLICY OF CONSTRUCTING THE IMAGE OF THE TERRITORY

Dokuchaev Denis Sergeevich,

Ivanovo State University,
Department of Journalism,
Candidate of Philosophical Sciences,
Ivanovo, Russia,
E-mail: den-dokuchaev@mail.ru

Annotation

In 2018, the Ivanovo region celebrated its 100th anniversary. In 1918 it was created on the initiative of M.V. Frunze from the lands of the Vladimir and Kostroma provinces. Despite the fact that there were real prerequisites for the unification of the territories around Ivanovo-Voznesensk, the industrial textile center of that time, the issue of the local and regional identity of the residents of the new province / region always remained problematic. Even more seriously, these problems began to manifest themselves in the late 1990s and early 2000s, when the question arose of consolidating a number of regions and joining the Ivanovo region to more economically strong regions. This discussion is still ongoing. Nevertheless, in the field of power in recent years, there has been a clear tendency to single out special features of the territory, drawing the attention of the federal center to the region. This article is devoted to the analysis of political decisions related to the construction of the regional identity of the Ivanovo region.

Key concepts:

regional discourse, regionalism, regional identity, Ivanovo region, image of the territory, politics of memory.

УДК 130.2
DOI 10.17506/dipi.2018.33.4.183191

МЕДИАКИЛЛЕРСТВО КАК ГНОСТИЧЕСКАЯ ДИСКУРСИВНАЯ ПРАКТИКА

Цуканов Евгений Александрович,

Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна,
доцент кафедры журналистики и медиатехнологий СМИ,
кандидат филологических наук,
Санкт-Петербург, Россия,
E-mail: tsukanov_1975@inbox.ru

Аннотация

В работе делается попытка обнаружения точек соприкосновения между внешне такими непохожими дискурсивными практиками, как: гностицизм, журнализм и медиа. Автор утверждает, что линия соприкосновения между ними пролегает в смысловом пространстве феномена медиакиллерства, завоевавшего популярность в России в последние десятилетия. Статья посвящена детальному разбору творчества наиболее одиозных отечественных медиакиллеров-гностиков – Владимира Познера, Александра Невзорова и Сергея Доренко.

Ключевые понятия:

медиа, медиакиллерство, журналистика, гностицизм, гностификация СМИ.

С развитием медиа социальный организм постепенно начинает приспосабливаться к тем явлениям, которые в пространстве реальной жизни едва ли прошли бы элементарный тест на легитимность. Это, на наш взгляд, связано как с особой, знаково-символической природой медиа, их принципиальной выделенностью и вынесенностью за пределы реала в область человеческого грез и фантазий, так и с заметным ослаблением критического мышления массовой аудитории, готовой на почве отмирания рефлексии теперь принять без анализа любую яркую вещь. Одним из таких абсолютно неприемлемых в невымышленной действительности и вполне себе допустимых в случае с медиа-универсумом явлений современности стала весьма специфическая практика медиакиллерства.

В научной среде о медиакиллерстве принято говорить в основном в метафорическом смысле, представляя его в качестве идеального инструмента решения проблем, прежде всего имиджевого порядка: «Метафора медиакиллер, – пишет, к примеру, Т.П. Тарасенко, – номинирует сотрудников СМИ, выполняющих оплачиваемые политические заказы на дискредитацию репутации личности, их специализация – поиск документов, подготовка публикаций, которые вызывают, как правило, негативный резонанс. Медиакиллеры убивают, ликвидируют не тело, а дух, т. е. имидж» [18, с. 168]. Само понятие происходит от англ. media – СМИ и killer – убийца [19, с. 258–259]. Есть среди исследователей и авторы, склонные рассматривать медиакиллерство в институциональном аспекте [7, с. 43], хотя, конечно, надо признать, что специалистам в области ведения медиа-войн в основном приходится действовать в режиме экспромта. Для нас интересно и то, что, как отмечает А.А. Мухин, «медиакиллерами» могут быть не только журналисты, но и издания» [7, с. 52].

На наш взгляд, медиакиллерство сегодня предстает как дискурсивная практика. Припомним, что дискурс есть «сложное единство языковой практики и внешних к ней факторов <...> Дискурс – прежде всего, это речь, погруженная в жизнь, в социальный контекст» [10, с. 148]. Дискурсивная практика, в свою очередь, с подачи М. Фуко, изучавшего «историческое бессознательное» различных эпох через речевые акты людей, в которых кодируется система предписаний и запретов, влияющих на обладание властью в обществе [5, с. 78], определяется то как фоновое (неэксплицированное) знание и умение, то как конкретная деятельность, соединяющая слова и действия [6, с. 230]. Более обстоятельное определение дискурсивной практики дает Л.В. Куликова: «...это социально устоявшиеся, конвенциональные и артикулируемые в речи действия по решению рекуррентных коммуникативных проблем и интенций в соответствующем лингвокультурном пространстве в сферах институционального и неинституционального общения» [2, с. 10]. Добавим, что дискурс, к тому же, соответствует принципу синхроничности, согласно которому возможно одновременное рассмотрение взаимосвязанных сторон сложных объектов [14, с. 21]. Специфическим качеством дискурсивных действий служит их фоновый характер и «раскрывающая» способность [6, с. 230]. Подобный расклад дает нам возможность серьезнейшим образом углубиться в скрытую суть изучаемого явления с целью обнаружения в нем неожиданных характеристик, трансцендентально роднящих медиакиллерство с кантианской «вещью в себе» [12, с. 394].

Несомненно, что как дискурсивная практика медиакиллерство функционирует в лабиринте уходящего в бесконечность множества культурно-исторических, религиозных и даже мифологических контекстов, которые, надо признаться, с большей или меньшей силой, но всегда определяют как интенсивность этого вида информационной работы, так и ее эффективность. Настаиваем, что подлинные глубины данной репрезентативной деятельности можно обнаружить лишь за счет философского пронидания и погружения до уровня ее онтологического дна, ибо, как писал Л. Витгенштейн, наиболее важные для нас аспекты вещей скрыты из-за своей простоты и повседневности, их не замечают, потому что они всегда перед глазами [1, с. 129]. Вообще медиакиллерство как таковое уже на дальних подступах представляется куда более значительным, чем оно есть

на самом деле, что естественно переживается как источник инвестигейстерского волнения.

Мы ранее уже писали о парадоксально прочном изоморфизме между такими исторически удаленными друг от друга социокультурными феноменами, как гностицизм, журнализм и медиа [22, с. 85–89]. В рамках данной статьи стоит лишь кратко обрисовать общий профиль гностического учения, чтобы осуществить продуктивный поиск отношений эквивалентности в дискурсивном поведении гностиков и современных медийщиков-киллеров.

Под гностицизмом обычно принято понимать интеллектуально-мистическую традицию, возникшую в I–II вв. н.э. на Ближнем Востоке как оппозицию христианской ортодоксии на фоне кризиса античного мировоззрения и общей разочарованности формирующейся новой картиной Бытия. Гностикам она была непонятна и чужда. Св. Епифаний Кипрский зарегистрировал несколько десятков гностических деноминаций, среди которых выделяются офиты, борбориты, николаиты [20]. Наиболее авторитетными гностическими учителями были Сатурнил, Василид и Валентин. Фрондируя общественное мнение, гностики подчас избирали для почитания весьма отвратительных inferнальных персонажей, к примеру, библейского Змея Искусителя. Он стал для них подлинным спасителем человечества, давшим истинное знание (гнозис).

Гностики рисовали мир в мрачных тонах, считая, что он создан ненастоящим божеством и вследствие этого представляет собой ошибку, которую необходимо исправить [21, с. 99], применяя весьма деструктивные техники социальной инженерии. Гностики, как пишет на эту тему Мирча Элиаде, были невысокого мнения об абсолютном большинстве людей (соматиках), за исключением избранных (пневматиков), к коим они относили себя. Только пневматики обладают спасительным гнозисом. Из-за суетности большинства необходимо, чтобы это учение сохраняло свою эзотеричность. Гностик чувствует себя свободным от законов, управляющих обществом: он находится по ту сторону добра и зла [23, с. 315].

Проникновение элементов гностического учения в ткань журнализма и медиа стало возможным, когда сложились технологические и финансовые условия для массовой информационной деятельности. Вначале относительно небольшой и слабозаметный тренд огностичивания медиа в XX веке превратился в лавинообразный поток, захлестнувший всю международную медиаиндустрию. Что касается постсоветской России, то в начале 1990-х гг., в отечественную журналистику пришла целая плеяда искренних сокрушителей и фанатичных ниспровергателей советского строя, чья благородная, как казалось, миссия заключалась исключительно в том, чтобы доломать отживающую советскую систему до основания. Среди наиболее известных фигур медиа-гностиков того времени, чья карьера пошла на взлет по причине избрания непримиримой стратегии медиакиллерства, принесшей определенную славу и популярность, – А. Невзоров, А. Любимов, В. Познер, Д. Быков, А. Венедиктов, М. Леонтьев, С. Доренко.

Сейчас, через четверть века, многие из них по инерции продолжают «мочить» систему, только уже путинскую, реализуя гностические дискурсивные установки в статусе далеких наследников Василида и Сатурнила. Постепенно, как полагается, сформировалась традиция медиаработы в координатах логики

распада, которая неосознанно воспринимается и приветствуется общественным мнением как «правдорубство», тогда как на самом деле она банально пронизана мировоззрением нездорового мрачного скепсиса, по-гностически злобствующего на бытие вообще.

Для обоснования выдвигаемых здесь положений совершим минимально возможный в ограниченных рамках настоящей статьи дискурс-анализ творчества трех медиакиллеров, вошедших в наш список, – В. Познера, А. Невзорова и С. Доренко. Мы отобрали их по степени одиозности, т. е. дословно – умения вызывать неприязненное отношение к себе, хотя, зачастую, и не без личного обаяния.

В. Познер, признанный мэтр российской телевизионной журналистики, в своих выступлениях иногда сбрасывает джентльменский лоск и проговаривается о том, что его главное амплуа – быть расчетливым троллем. Так, однажды, в передаче «Час интервью» на канадском телевидении он в ответ на недоумение ведущего Григория Антимони, почему нужно с таким упорством вызывать раздражение своим космополитизмом у левых, правых и всех вообще, честно и беззастенчиво ответил: «А мне все равно» (48-я минута диалога) [3].

Уже на старте разговора в студии программы «Не верю» (Часть I) на ТК «Спас» В. Познер не без вызова заявляет, что Бога нет и он атеист. Атеизация его сознания связывается с убежденностью в жестокости Бога-Ягве, который регулярно устраивает людям нелогично-свирепые «кровавые бани» (с 4-й мин.). Собственно подобная негативистская позиция в отношении неправильного и злого Бога-Творца и называется среди исследователей гностицизмом, что не может не накладывать определенного отпечатка на профессиональную деятельность человека. Интонацией, осанкой, жестикуляцией, каскадами каверзных вопросов в студии своей программы В. Познер словно бы учит, что мир, в котором мы живем, подозрителен, и счастлив тот, кто это знает и понимает. Основная задача журналиста-гностика – неуклонно разоблачать ложь и максимально транслировать правду, какая бы она чудовищная ни была. Заметно, что обида на Бога у В. Познера переросла в саркастическое отношение к любому собеседнику и оппоненту, и именно гностицизм является для него главной мотивацией. Думается, не случайно, в конце концов, В. Познер отыскал максимально комфортную для себя идейно-психологическую нишу в философском наследии экзистенциализма, став его приверженцем [11]. Вкратце напомним о деструктивных особенностях этой философской традиции через цитату из базового для экзистенциалистов произведения Ж.П. Сартра «Тошнота»: «Что-то начинается, чтобы прийти к концу: приключение не терпит длительности; его смысл – в его гибели. К этой гибели, которая, быть может, станет и моей, меня влечет неотвратимо» [16, с. 55]. Приведем также пессимистически-неутешительный отрывок из автобиографической повести «Слова» того же Ж.П. Сартра: «Я осуждал людей за то, что они ничтожные. Род человеческий был в моем представлении узким кружком избранных, окруженных стадом преданных животных» [15, с. 58].

Вспомним также скептические познеровские фразы о догматах веры, вроде следующих: «Непорочного зачатия не бывает. Это я Вам как биолог скажу» (17-я мин.), «Мне смешотворно то, что Бог за семь дней создал всё. Я задаю всегда неприличный вопрос: зачем Богу создавать клопов?» (32-я мин.), «Если после смерти я все-таки встречу Бога, то я спрошу Его, как Вам не стыдно?

Посмотрите на то, что Вы создали. Посмотрите на эти страдания бесконечные. Вы не несете никакой ответственности за это?» (Часть 2. 36–37-я мин.). Подобные пассажи отчетливо выдают в дискурсе Познера элементы гностического мировоззрения. В общем, наверное, стоит согласиться со С. Смирновым, который назвал манеру тележурналиста В. Познера «удовольствием Герострата» [17, с. 444], а также «неугомонным либидо вечной революции», которое выражается в том, чтобы везде и всегда расшатывать и разрушать <...> снижая выдающиеся всемирно-исторические явления [17, с. 445]. Показательным и говорящим в этом контексте выглядит название книги В. Познера «Прощание с иллюзиями» [13] – своего рода отчет о проделанной в течение жизни нигилистической работы.

Другой известный медиакиллер-гностик, А. Невзоров, так же как и В. Познер, не очень любит людей, сомневается в ценности окружающего мироздания и ведет активную подрывную информационную деятельность в образе бутафорского Воланда, позволяя себе грубейшие эпатажные выпады в адрес культуры, политики, религии и т. п. А. Невзоров позиционирует себя в медиапространстве как убежденный циник, причем сам цинизм расшифровывается им как искусство называть вещи своими именами [9].

Одной из излюбленных мишеней этой «медиалегенды 90-х» сегодня является история как общемировой процесс и история России, в частности. История, по А. Невзорову, должна немедленно остановиться, чтобы не плодить уродливых людей и явлений. В каждой фразе, посвященной истории, на заднем плане непременно маячит неправильный Бог, который сотворил неправильный мир, и потому он должен быть разрушен.

«Распады больших государств, – с некрофильским задором проповедует А. Невзоров в книге с интригующим названием «Искусство оскорблять», – хороши уже тем, что наряду с различными драмами они предлагают еще и набор первосортных головоломок. Сегодня тоже все идет как по нотам. Свернувшись калачиком, безропотно дохнет рахитичная экономика. Рядышком, уткнувшись в пустые соски, помирают ее «щенята». То есть всякие там иллюзии, науки, надежды, права, дерзновения и законы. Солдафоны, сияя кокардами и шевеля усами, строятся для своего «последнего и решительного» канкана. Их не смущает тот факт, что в XXI веке канканировать придется не под Оффенбаха, а под Гейгера» [8, с. 57].

Приведем еще ряд высказываний Невзорова, свидетельствующих о цинично-гностической стратегии его дискурса.

О музе истории Клио: «По известным причинам ее хотят все, так как всем нужно героическое прошлое. Три тысячи лет непрерывных изнасилований изменили характер «девочки со свитком». Клио научилась по шелчку пальцами принимать нужные позы. А в зависимости от глубины пенетрации – издавать оргазмические крики в соответствии с пожеланиями насильника» [8, с. 58].

О Боге: «Есть много различных способов обнажить пикантный факт богоотсутствия. Но универсальной способностью расставить точки над *i* в этом вопросе обладает лишь хорошее, сочное кошунство» [8, с. 60].

О людях: «Каждая новая эпоха стремилась глупостью затмить предыдущую» [8, с. 14]. И еще: «От человека скрыты как минимум три четверти важнейших явлений природы. Он схож со слепым и глухим дурачком в Диснейленде, над которым разрываются фейерверки и все вокруг сверкает, горланит, гремит

и пляшет. А наш дурачок уверен, что бредет в тишине, по серому, пустому коридорчику клиники. По сравнению с истинной картиной мира наше пространство бесцветно и примитивно» [8, с. 15].

Понятно, что эпоха Невзорова, по большому счету, закончилась с прекращением проекта «600 секунд», который когда-то вошел даже в книгу рекордов Гиннеса. Однако вызывают опасение попытки реанимации деструктивного образа телезвезды в гностическом формате в современном медиапространстве, косвенным свидетельством чего служит появление Невзорова на YouTube-канале у модного сегодня Ю. Дудя.

Третьим в нашем списке медиакиллеров РФ значится С. Доренко, который сам о себе неоднократно заявлял, что именно он, благодаря своей информационной кампании против Ю. Лужкова и Е. Примакова в конце 90-х гг., привел к власти нынешнего президента В. В. Путина. Эта кампания велась несколько месяцев в аналитической «Авторской программе Сергея Доренко» в период с сентября 1999 г. по сентябрь 2000 г. на ОРТ. «Я, между прочим, – свидетельствует наш герой в интернет-шоу у Юрия Дудя, – завалил президента России и поставил нового, и после этого мне устроили уголовный процесс» (47-я мин.) [4]. Что же из себя представляет телеведущий Доренко с точки зрения дискурсивной гностической практики?

Начнем с того, что заветная мечта С. Доренко – преодолеть библейское проклятие, когда Бог наказал Адама за грехопадение трудом: «Вот это вот в поте лица своего (один чувак сказал), и я думаю на хрен бы оно надо» (7-я минута). С. Доренко с гордостью объявляет себя «первохулителем», рассуждает о величественном дыхании декаданса (5-я мин.), учит, что «жизнь – абсолютно бессмысленная хрень», и что жить нужно полностью «по приколу» (75-я мин.). Совсем под занавес беседы С. Доренко, не смущаясь, обобщает сказанное с пренебрежительным вызовом: «Я мизантроп и социофоб. Я никого не уважаю, а сто сорок шесть миллионов идут в топку, кроме пары друзей» (75–76-я мин.). Из менее существенных реплик воинствующего медиакиллера отметим то, что С. Доренко «не чадолюбив» (42-я мин.), «сын военного и хочет войны» (55-я мин.), «из журналистов ценит только новостников, типа А. Венедиктова» (59-я мин.), Россию видит «как суку в хорошем смысле» (11-я мин), исповедует даосизм (73-я мин.), а совесть полагает уделом дураков (72-я мин.).

Говоря о медийной деятельности В. Познера, А. Невзорова и С. Доренко, связанной с медиакиллерством, следует также констатировать, что каждый из них – человек, в целом, незаурядных коммуникативных способностей, обаяния, импозантности. Но есть еще одно качество, которое выделяет их на общем фоне – назовем его тягой к эпатажу, жадной трансгрессии – нарушения общепринятых норм и границ. Данное качество роднит наших героев-гностиков с первобытными шаманами и магами, отвечавшими за связь племени с трансцендентным миром, который, мог состоять как в дружественных, так и во враждебных отношениях с миром повседневности.

Теоретическое осмысление современного медиа в контексте гностического мировоззрения позволяет нам говорить о существовании такого информационного феномена, как гностифицированные медиа, сущность которых выражается, в том числе, и через такое явление, как медиакиллерство. По сути своей медиакиллерство есть информационное покушение на стабильно-устойчивый

универсум, в котором порядок доминирует над хаосом. Есть ощущение, что после того, как мы вступили в эпоху медиакиллерства, человечество серьезно приблизилось к концу истории. Перефразируя одного из лидеров Франкфуртской критической школы, автора «Негативной диалектики» Т. Адорно, скажем, что после Доренко с Невзоровым чувство противится утверждению позитивности наличного бытия, видит в нем только пустую болтовню. Эсхатологически это может переживаться как наступление эры пост-медиа, которые уже не связывают мироздание, как это им и положено, но, наоборот, рвут его на части.

1. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Ч. I. – М.: Издательство «Гнозис», 1994. – 612 с.
2. Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации: монография. – Красноярск: Сиб. Федер. ун-т, 2015. – 182 с.
3. Интервью В. Познера программе «Час Интервью с Григорием Антимони» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=CLd1uY6PurU> (дата обращения: 01.09.2018).
4. Интервью Сергея Доренко в интернет-шоу «вДудь» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/channel/UCMCGOm8GZkHr8zJ617_hIuA (дата обращения: 01.09.2018).
5. Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов. – М.: ИНИОН РАН (отдел литературоведения). – INTRADA, 2001. – 382 с.
6. Иссерс О.С. Дискурсивная практика как наблюдаемая реальность // Вестник Омского университета, 2011. – С. 227–232.
7. Мухин А.А. Информационная война в России: участники, цели, технологии. – М.: Издательство «Гном и Д», 2000. – 256 с.
8. Невзоров А. Искусство оскорблять. – М.: АСТ, 2016. – 320 с.
9. Невзоров А. Краткая история цинизма. – М.: АСТ, 2010. – 319 с.
10. Новейший философский словарь. Постмодернизм. – Мн.: Современный литератор, 2007. – 816 с.
11. Открытая лекция Владимира Познера о журналистике в пресс-центре РИА Новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/society/20130526/939573538.html> (дата обращения: 01.09.2018).
12. Ойзерман Т.И. Вещь в себе // Новая философская энциклопедия. – 2-е изд., испр. и допол. – В 4 т. – Т. I. – М.: Мысль, 2010. – 744 с.
13. Познер В. Прощание с иллюзиями. М.: Астрель, 2012. – 489 с.
14. Розин В.М. Особенности дискурса и образцы исследования в гуманитарной науке. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 208 с.
15. Сартр Жан-Поль. Слова. – М.: Издательство «Прогресс», 1966. – 176 с.
16. Сартр Ж.-П. Тошнота: Избр. произведения. – М.: Республика, 1994. – 496 с.
17. Смирнов С.В. Времена лжи с Владимиром Познером. – М.: Изд-во Алгоритм, 2005. – 512 с.
18. Гарасенко Т.П. Медийные метафоры в предвыборном дискурсе как трансляторы лингвоментальной картины мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. – № 12 (78): в 4-х ч. Ч. 3. – С. 167–170.

19. Тарасенко Т.П. Словарь избирательной кампании. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2016. – 587 с.
20. Творения святого Епифания Кипрского в шести частях. Часть первая // Творения святых отцов в русском переводе. Том сорок второй. – М.: Типография В. Готье, 1863. – 386 с.
21. Цуканов Е.А. Концепция удвоения реальности Н. Лумана: к вопросу о возможности влияния гнозиса на формирование медиатеории // Манускрипт. – Тамбов: Грамота, 2018. – № 5 (91). – С. 98–101.
22. Цуканов Е.А. Эоническая структура медиа как влияние гностицизма // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке, 2018. – Выпуск второй-А (апрель). – С. 85–89.
23. Элиаде М. История веры и религиозных идей. В 3 т. Т. 2. От Гаутамы Будды до триумфа христианства. – М., 2002.

References

1. Vitgenshtejn L. Filosofskie issledovaniya // Filosofskie raboty. Ch. I. – М.: Izdatel'stvo «Gnozis», 1994. – 612 s.
2. Diskursivnye praktiki sovremennoj institucional'noj kommunikacii: monografiya. – Krasnoyarsk: Sib. Feder. un-t, 2015. – 182 s.
3. Interv'yu V. Poznera programme «Chas Interv'yu s Grigoriem Antimoni» [E'lektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.youtube.com/watch?v=CLd1uY6PurU> (data obrashheniya: 01.09.2018).
4. Interv'yu Sergeya Dorenko v internet-shou «vDud» [E'lektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.youtube.com/channel/UCMCgOm8GZkHp8zJ6l7_hIuA (data obrashheniya: 01.09.2018).
5. Il'in I.P. Postmodernizm. Slovar' terminov. – М.: INION RAN (otdel literaturovedeniya). – INTRADA, 2001. – 382 s.
6. Issers O.S. Diskursivnaya praktika kak nablyudaemaya real'nost' // Vestnik Omskogo universiteta, 2011. – S. 227–232.
7. Muxin A.A. Informacionnaya vojna v Rossii: uchastniki, celi, texnologii. – М.: Izdatel'stvo «Gnom i D», 2000. – 256 s.
8. Nevzorov A. Iskusstvo oskorblyat'. – М.: AST, 2016. – 320 s.
9. Nevzorov A. Kratkaya istoriya cinizma. – М.: AST, 2010. – 319 s.
10. Novejsnij filosofskij slovar'. Postmodernizm. – Mn.: Sovremennyy literator, 2007. – 816 s.
11. Otkrytaya lekciya Vladimira Poznera o zhurnalistike v press-centre RIA Novosti [E'lektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://ria.ru/society/20130526/939573538.html> (data obrashheniya: 01.09.2018).
12. Ojzerman T.I. Veshh' v sebe // Novaya filosofskaya e'nciklopediya. – 2-e izd., ispr. i dopol. – V 4 t. – T. I. – М.: Mysl', 2010. – 744 s.
13. Pozner V. Proshhanie s illyuziyami. М.: Astrel', 2012. – 489 s.
14. Rozin V.M. Osobennosti diskursa i obrazcy issledovaniya v gumanitarnoj nauke. – М.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009. – 208 s.
15. Sartr Zhan-Pol'. Slova. – М.: Izdatel'stvo «Progress», 1966. – 176 s.
16. Sartr Zh.-P. Toshnota: Izbr. proizvedeniya. – М.: Respublika, 1994. – 496 s.

17. Smirnov S.V. *Vremena Izhi s Vladimirom Poznerom.* – M.: Izd-vo Algoritm, 2005. – 512 s.
18. Tarasenko T.P. *Medijnye metafory v predvybornom diskurse kak translyatory lingvontental'noj kartiny mira // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki.* Tambov: Gramota, 2017. – № 12 (78): v 4-x ch. Ch. 3. – S. 167–170.
19. Tarasenko T.P. *Slovar' izbiratel'noj kampanii.* – Krasnodar: Prosveshhenie-Yug, 2016. – 587 s.
20. *Tvoreniya svyatogo Epifaniya Kiprskogo v shesti chastyax. Chast' pervaya // Tvoreniya svyatyx otcov v russkom perevode. Tom sorok vtoroj.* – M.: Tipografiya V. Got'e, 1863. – 386 s.
21. Cukanov E.A. *Koncepciya udvoeniya real'nosti N. Lumana: k voprosu o vozmozhnosti vliyaniya gnozisa na formirovanie mediateorii // Manuscript.* – Tambov: Gramota, 2018. – № 5 (91). – S. 98–101.
22. Cukanov E.A. *E'onicheskaya struktura media kak vliyanie gnosticizma // Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke, 2018.* – Vypusk vtoroj-A (aprel'). – S. 85–89.
23. *E'liade M. Istoriya very i religioznyx idej. V 3 t. T. 2. Ot Gautamy Buddy do triumfa xristianstva.* – M., 2002.

UDC 130.2

DOI 10.17506/dipi.2018.33.4.183191

MEDIAKILLERISM AS A Gnostic DISCOURSIve PRACTICE

Tsukanov Evgeny Aleksandrovich,

Saint-Petersburg State University of industrial technologies and design,
Department of Journalism and Technologies of Media,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Saint-Petersburg, Russia,
E-mail: tsukanov_1975@inbox.ru

Annotation

An attempt is made to find points of contact between outwardly such dissimilar discursive practices as: gnosticism, journalism, and media. The author argues that the line of contact between them runs in the semantic space of the phenomenon of mediakillerism, which has gained popularity in Russia in recent decades. The article is devoted to a detailed analysis of the creativity of the most odious domestic mediakiller-gnostics – Vladimir Pozner, Alexander Nevzorov and Sergey Dorenko.

Key concepts:

media, mediakillerism, journalism, gnosticism, gnostifikation of media.

УДК 342.849.2

DOI 10.17506/dipi.2018.33.4.192198

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВЫБОРОВ ПРЕЗИДЕНТА РФ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Кандыба Родион Александрович,

Пятигорский государственный университет,
кафедра международных отношений, политологии
и мировой экономики,
доцент,
Пятигорск, Россия,
E-mail: kafedra0607@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу роли и места президентских выборов в 2018 г. в политической жизни страны. Автор отмечает, что в современной политической ситуации при сохранении процедурного значения выборов президента РФ произошли некоторые изменения их функционального содержания. Функции выборов Президента РФ разделены автором на конституционные и инструментальные. Рассмотрено, каким образом стратегии кандидатов и ход избирательной кампании способствовали реализации тех или иных функций, выделенных в исследовании.

Ключевые понятия:

выборы Президента РФ, избирательная кампания, конституционные и инструментальные функции выборов, политическая конкуренция.

Президентские выборы в Российской Федерации являются важнейшим внутривнутриполитическим событием, поскольку именно Президент РФ определяет ключевые направления внутренней и внешней политики. Это обусловлено формой правления, которая имеет черты смешанной республики с расширенными полномочиями президента. Следует отметить особое персональное положение В. Путина в современной российской политической системе. Несмотря на то, что ее конфигурация была в целом определена положениями Конституции РФ 1993 г., политическая система в нынешнем виде во многом создана именно В. Путиным. За ним прочно закрепился статус национального лидера. Масштабность его фи-

группы и всенародная популярность гарантировали ему победу во всех президентских выборах с его участием, причем после 2000 г. – в первом туре. Полагаем, что в условиях внутривнутриполитической стабильности и отсутствия выраженного электорального запроса на смену политического курса или на внесение в него существенных изменений, президентские выборы 2018 г., сохраняя процедурное значение, претерпели некоторые изменения своего функционального содержания.

Функции выборов редко выступают самостоятельным предметом исследования. Одни авторы рассматривают их в контексте изучения правовой системы России [1], другие, лишь упоминая данные функции, рассуждают о значении и эффективности российских выборов в целом [7], третьи, анализируя сущность института выборов, рассматривая аспект его функционирования, косвенно упоминают функции, но не заостряют на них внимания и не приводят их перечня [4].

В современной литературе обычно выделяются следующие функции института выборов: представительство общественных интересов; легитимация власти; функция социального барометра политической жизни, рекрутирование политической элиты [4; 8]. Кроме того, заостряется внимание на таких функциях данного института, как обеспечение политической стабильности, формирование политической элиты, обеспечение процесса социализации граждан, контроль и регулирование деятельности власти со стороны граждан [7]. В то же время, следует отметить, что практически нет исследований, в которых бы приведенный набор функций конкретизировался применительно к особенностям выборов президента в той или иной стране. В этой связи один из авторов справедливо отмечает: «Политическая роль и значение выборов могут быть неодинаковы не только в разных странах, но и в различные периоды истории одной и той же страны» [4, с. 265].

Разделим функции института президентских выборов на две группы. Одну группу составляют конституционные функции, логика которых связана с закреплением процедуры выборов в качестве неотъемлемого компонента демократии, одной из гарантий существования в стране демократического политического режима, другую – инструментальные функции, обусловленные влиянием процесса президентской избирательной кампании на политическую жизнь страны. Среди основных конституционных функций назовем такие, как определение воли граждан по поводу наделения полномочиями высшего должностного лица государства, легитимация власти президента, обеспечение политического плюрализма, обеспечение циркуляции и обновления высшей политической элиты.

Если конституционные функции выборов Президента России носят относительно устойчивый и универсальный характер, поскольку во многом схожи с таковыми в других демократических государствах, то набор и иерархия инструментальных функций могут меняться в зависимости от текущей политической ситуации. Среди основных инструментальных функций применительно к выборам президента выделим следующие: создание механизмов для рекрутирования политической элиты, установление политической повестки дня, актуализация внутренних социально-экономических проблем.

В последнее время в иерархии конституционных функций института президентских выборов в России произошли изменения: функция делегирования народом власти президенту, наделения его полномочиями главы государства

уступила ведущее место функции легитимации действующего президента, что проявилось в провозглашении В. В. Путина национальным лидером. В итоге в президентской избирательной кампании 2018 г. масштабная фигура В. Путина явно возвышалась над всеми остальными кандидатами, которые в совокупности могли рассчитывать лишь на 30% голосов. Именно за голоса этой части электората развернулась борьба между остальными политиками, не имевшими шансов на победу в президентской гонке. В данном случае для В. Путина и его избирательного штаба акцент в постановке целей избирательной кампании сместился с собственно победы на выборах на достижение высокого электорального результата, поскольку Путин оказался под определенным давлением высоких результатов социологических опросов последних нескольких лет, выявляющих рейтинг Президента.

Электоральный результат В. Путина на последних президентских выборах мы назвали бы показателем абсолютной легитимности: в новостных телевизионных программах подчеркивалось, что Президент был избран более чем половиной голосов от общего числа российских избирателей, а не только от числа явившихся на выборы. Подобное положение лишает представителей оппозиции важного аргумента их риторики: зачастую, они утверждали, что если бы большинство тех, кто не явился на избирательные участки, пришло на выборы и проголосовало бы против В. Путина, то исход выборов мог бы стать другим.

Отличительной особенностью политической конкуренции данной избирательной кампании, с нашей точки зрения, является ее двухуровневый характер: с одной стороны, каждый кандидат прежде всего конкурировал с оппонентами, близкими к нему по электоральному рейтингу, а с другой – близкими по идеологии. В. Путин, обладая огромной популярностью, в избирательной кампании оставался «над схваткой», традиционно не участвуя в предвыборных дебатах.

Перейдем к рассмотрению процесса реализации на президентских выборах в России в 2018 г. такой функции института выборов, как рекрутирование новой политической элиты.

Прямой отбор в высшую политическую элиту на президентских выборах осуществляется за счет победы одного из кандидатов, а косвенный – за счёт того, что кандидаты, проигравшие выборы, но показавшие убедительный электоральный результат, получают «пропуск» в большую политику. Наглядные тому примеры – 3 место А. Лебеда (14,52% голосов в 1996 г.) и 3 место М. Прохорова (7,98% голосов в 2012 г.). Данный результат способствовал политической карьере А. Лебеда – назначение на пост секретаря Совета безопасности, а в дальнейшем – избрание губернатором Красноярского края. Политическая карьера М. Прохорова не сложилась. Он сместил акценты собственной президентской кампании с представления себя в качестве возможного будущего президента на агитацию в пользу партии, которую он был намерен создать и возглавить вскоре после выборов. Однако политик разочаровал большинство своих сторонников, сформировав вместо полноценной партии номинальную структуру, состоящую из «500 юристов» [9].

Дебютантами, претендующими на место в большой политике, в избирательной кампании 2018 г. можно считать П. Грудинина, К. Собчак, Б. Титова, М. Сурайкина. Эти кандидаты, за исключением П. Грудинина, получили весьма

скромные результаты, которые, исходя из данных предвыборных социологических опросов, не были неожиданными.

Дебют П. Грудина в большой политике, несмотря на второе место и 11,77% голосов, вряд ли можно считать успешным. Понесенный им в ходе избирательной кампании репутационный ущерб, связанный с выявленными журналистами неоднозначными фактами экономической деятельности предприятия ЗАО «Совхоз имени Ленина», существенно минимизировал его шансы на построение дальнейшей успешной политической карьеры. Позиции П. Грудина в ходе избирательной кампании оказались настолько шаткими, что он начал уклоняться от прямых дебатов с другими кандидатами, присылая в качестве доверенного лица более искушенного в политических спорах, известного публициста М. Шевченко.

По окончании выборов П. Грудин попал под действие стереотипа, предполагающего выполнение политиком своих обещаний, причем данная проблема сместилась из области политики в сферу медийного развлекательного контента. Произошла смысловая подмена: единственное реальное обещание, которое мог выполнить политик, проигравший выборы, не входящий ни в одну политическую партию, не обладающий депутатским мандатом и не занимающий какой-либо политической должности, это обещание, данное блогеру Ю. Дудю, сбрызнуть усы в случае, если наберет на выборах менее 15% голосов. Комизм ситуации и масштаб информационного резонанса отразился в официальном комментарии Г. Зюганова о том, что на политбюро КПрФ проблема усов П. Грудина не обсуждалась. Он добавил: «Ну, он мужчина у нас настоящий! Он держит слово. Усы вырастут новые. А если у тебя ни мужества, ни совести – это уже никогда не появится» [5].

К. Собчак, хотя и имела большой практический опыт формирования собственного имиджа, однако не смогла полностью переключить внимание избирателей со своего образа гламурной телеведущей на образ серьезного политика. В восприятии большинства избирателей доминировал образ К. Собчак как ведущей скандального телевизионного шоу «Дом-2», несмотря на то, что она покинула данный телепроект в 2012 г. В то же время, ей удалось сплотить вокруг себя немногочисленный ядерный оппозиционный электорат, получающий политическую информацию из альтернативных новых медиа (социальные сети, блоги, нишевые кабельные и Интернет-телеканалы, YouTube). Сторонники К. Собчак, хорошо знакомые с ее оппозиционной деятельностью с периода ее участия в политических протестах 2011–2012 г., в отличие от массовой аудитории, знают ее не только как фигурантку светской хроники и ведущую развлекательных шоу, но и как ведущую политической телепрограммы «Госдеп», выходившей на телеканалах «РБК» и «Дождь». В кругах своих сторонников она также известна как выпускница МГИМО, магистр политологии, защитившая дипломную работу на тему «Сравнительный анализ институтов президентства во Франции и России». Главный редактор портала «Актуальные комментарии» политолог М. Карягин отмечает, что социальные статусы К. Собчак как политика и светской персоны в ходе избирательной кампании вошли в противоречие друг с другом, что наложило негативный отпечаток на общее восприятие электоратом ее образа как кандидата в президенты [6].

Важно отметить, что даже проигрыш на президентских выборах создает предпосылки для дальнейшей реализации бывшими кандидатами функции представительства интересов собственных избирателей. Реализовать подобную функцию в ходе избирательной кампании стремились 3 кандидата: К. Собчак, Г. Явлинский, Б. Титов. К. Собчак, принимая во внимание собственный антирейтинг, предприняла попытку позиционирования себя как «кандидата против всех», намереваясь сплотить протестный электорат. Для придания большей значимости полученной поддержке со стороны избирателей она использовала прием перевода своего результата (1,68% голосов) в абсолютные цифры, означающие поддержку со стороны более миллиона избирателей. Г. Явлинский в одном из своих предвыборных роликов заявлял, что если за него проголосуют 10 млн. избирателей, то такое количество людей невозможно игнорировать, с их идеями и с предложениями их кандидата будут вынуждены считаться. Избирательная кампания Б. Титова в значительной степени была направлена на привлечение внимания к экономической программе «Стратегия роста». Противоречием в глазах избирателей выглядел тот факт, что данная среднесрочная программа была разработана коллективом специалистов Института экономики роста в рамках поручения Президента России от 14 июля 2016 г. № Пр-1347, что было указано на титульном листе [10]. То есть, оказывалось на деле, что кандидат в президенты Б. Титов конкурирует с кандидатом в президенты В. Путиным, используя в предвыборной кампании программу, разработанную по поручению Президента РФ В. Путина. Данный момент не мог не привести к снижению электорального рейтинга Б. Титова.

С момента переизбрания В. Путина прошло 10 месяцев, однако никто из проигравших кандидатов, за исключением лидера ЛДПР В. Жириновского и бизнес-омбудсмена Б. Титова, так и не смог сделать новый шаг вперед в своей политической карьере, то есть функция пополнения состава политической элиты посредством президентских выборов оказалась не вполне реализованной. В итоге функцию обновления состава политической элиты взяли на себя целиком и полностью институты исполнительной власти – Администрация Президента и кабинет министров.

Кроме того, избирательная кампания не реализовала во всем возможном объеме функцию формирования политической повестки дня, поскольку очень быстро в политическом информационном пространстве возобладала только одна ее версия, сформулированная В. Путиным в Послании Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г. Ни одна программа кандидата в президенты не могла сравниться с данным документом, как по широте охвата проблем, так и по детализации предстоящего плана действий. Едва ли не единственным содержательным документом, дополняющим предвыборную повестку дня, стала «Стратегия роста» Б. Титова, представляющая собой среднесрочную программу социально-экономического развития России до 2025 года. Другие же кандидаты в президенты не смогли в силу ряда причин обеспечить широкое информационное продвижение своих программных идей.

В целом, следует отметить, что институт президентских выборов в современной России лишь частично выполняет свои основные функции, которые имеют тенденцию к сужению диапазона своего действия. Это, в свою очередь,

если не предпринять дополнительные меры по их реализации, может обернуться усилением фактора неопределенности во время новых президентских выборов в стране.

1. Бучин А. А. Конституционные функции выборов в современной России. Автореф. дис ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 25 с.
2. Выборы-2018: эксперты оценили лозунги кандидатов в президенты России [Электронный ресурс]. URL: <https://riafan.ru/1.026622-vybory-2018-eksperty-ocenili-lozungi-kandidatov-v-prezidenty-rossii> (дата обращения: 20.06.2018).
4. Занько Э.Н. Выборы как основополагающий конституционно-правовой институт // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 7–2. С. 265–270.
5. Зюганов прокомментировал решение Грудинина сбрить усы [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/society/20180325/1517205611.html> (дата обращения: 26.06.2018).
6. Карягин М. Ловушка для Собчак [Электронный ресурс]. URL: actualcomment.ru/lovushka-dlya-sobchak-1805231059.html (дата обращения: 28.06.2018).
7. Колесников В.Н. О политических функциях института выборов // Выборы в Российской Федерации. Сборник материалов научно-практической конференции. С-Пб. 2002. С. 80–86.
8. Крайтерман В.С. Политология: учебное пособие для высших учебных заведений. М.: Логос, 2008. 194 с.
9. М. Прохоров создает «техническую партию юристов» для беспартийных [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/04/06/2012/5703f8889a7947ac81a68aae/> (дата обращения: 29.06.2018).
10. Стратегия роста. Среднесрочная программа социально-экономического развития России до 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://stolypin.institute/strategy/> (дата обращения: 25.06.2018).

References

1. Buchin A.A. Konstitucionnye funkcii vyborov v sovremennoj Rossii. Avtoref. dis ... kand. jurid. nauk. Saratov, 2007. 25 s.
2. Vybory-2018: e'ksperty ocenili lozungi kandidatov v prezidenty Rossii [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://riafan.ru/1.026622-vybory-2018-eksperty-ocenili-lozungi-kandidatov-v-prezidenty-rossii> (data obrashheniya: 20.06.2018).
4. Zan'ko E'.N. Vybory kak osnovopolagayushhij konstitucionno-pravovoj institut // Aktual'nye problemy gumanitarnyx i estestvennyx nauk. 2013. № 7–2. S. 265–270.
5. Zyuganov prokomentiroval reshenie Grudinina sbrit' usy [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://ria.ru/society/20180325/1517205611.html> (data obrashheniya: 26.06.2018).
6. Karyagin M. Lovushka dlya Sobchak [E'lektronnyj resurs]. URL:

actualcomment.ru/lovushka-dlya-sobchak-1805231059.html (data obrashheniya: 28.06.2018).

7. Kolesnikov V.N. O politicheskix funkciyax instituta vyborov // Vybory v Rossijskoj Federacii. Sbornik materialov nauchno-prakticheskoy konferencii. S-Pb. 2002. S. 80–86.

8. Krajterman V.S. Politologiya: uchebnoe posobie dlya vysshix uchebnyx zavedenij. M.: Logos, 2008. 194 s.

9. M. Proxorov sozdaet «texnicheskuyu partiyu yuristov» dlya bespartijnyx [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/04/06/2012/5703f8889a7947ac81a68aae/> (data obrashheniya: 29.06.2018).

10. Strategiya rosta. Srednesrochnaya programma social'no-e'konomicheskogo razvitiya Rossii do 2025 g. [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://stolypin.institute/strategy/> (data obrashheniya: 25.06.2018).

UDC 342.849.2

DOI 10.17506/dipi.2018.33.4.192198

FUNCTIONAL MEANING OF THE ELECTIONS OF PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CURRENT POLITICAL SITUATION

Kandyba Rodion Aleksandrovich,

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "PSU",
Chair of International Relations, Political Science and World Economy,
Associate Professor,
Pyatigorsk, Russia,
E-mail: kafedra0607@mail.ru

Annotation

The article is devoted to the analysis of the role and place of the presidential elections in 2018 in the political life of Russia. The author notes that in the current political situation, while maintaining the procedural significance of the presidential elections, there have been some changes in their functional content. The functions of the Presidential elections are divided by the author into constitutional and instrumental. It is considered how the strategies of candidates and the course of the election campaign contributed to the implementation of certain functions identified in the study.

Key concepts:

election of the President of the RF, election campaign, constitutional and instrumental functions of elections, political competition.

УДК 81.33+343.98

DOI 10.17506/dipi.2018.33.4.199207

ИМПЛИЦИТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ В КОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЕ КАК РЕСУРС СТРАТЕГИИ МАНИПУЛИРОВАНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЕМ

Пиле Ирина Алексеевна,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
факультет журналистики,
магистрант,
Москва, Россия,
E-mail: i.kitaeva@inbox.ru

Сурикова Татьяна Ивановна,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
факультет журналистики,
кафедра стилистики русского языка,
кандидат филологических наук, доцент,
Москва, Россия,
E-mail: surikova_t@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу имплицитных ресурсов стратегии манипулирования в коммерческой рекламе, причем рассматривается как воздействие на эмоциональную сферу сознания адресата, так и на рациональную. Основные тактики рассматриваются на примерах из коммерческой рекламы. Особое внимание в статье уделено языковым, семиотическим, когнитивным, психологическим ресурсам.

Ключевые понятия:

манипуляция, коммерческая реклама, имплицитная информация.

Как известно, реклама и PR – сфера воздействующей коммуникации, которая происходит в крайне неблагоприятных условиях, поскольку постоянно

преодолевают различные коммуникационные барьеры. Основные из них – это критическое отношение потребителя к рекламному тексту при отсутствии непосредственного контакта с адресатом и конкуренция с рекламой аналогичных товаров и с ними самими [9]. В таких условиях коммуникативное поведение рекламодателя подчинено цели преодоления этих барьеров. Успешность его зависит от верно выбранной коммуникативной стратегии. Как регулятор осознанного речевого поведения стратегия контролирует соответствие целеполагания и способа его достижения. В рамках стратегии, т. е. выбранных цели и способа речевого воздействия, выбирается речевая тактика – последовательность речевых ходов (речевой ход – конкретное речевое действие в последовательности, направленное на реализацию тактики и достижение стратегической цели) [1; 8].

Иначе говоря, стратегия как некая целеустановка и способ ее достижения диктует выбор тактики как последовательности речевых ходов – речевых действий, в основе которых сообщение некоей информации, подразумевающей воздействие на адресата / потребителя. Наглядно стратегия просматривается на примере ряда рекламных сообщений на одну тему: «Тиньков банк» – *самый выгодный банк для малого бизнеса*, «Тинькофф Black»: *Пожалуй, лучшая карта с кэшбэком*, «Хорошо, что с картой «Тинькофф Black» я получаю *настоящий кэшбэк*».

В наше время особое распространение в рекламной коммуникации получила стратегия манипулирования сознанием и поведением потребителя. Под манипулированием понимается скрытое, неосознаваемое адресатом речевое воздействие на него с использованием различных семиотических, психологических, логических, вербальных, когнитивных ресурсов. Оно может начинаться с мягкой иронии и создания положительного отношения к предмету рекламы, и заканчиваться ложью, введением потребителя в заблуждение. Причем манипулирование осуществляется в имплицитной, только подразумеваемой форме. Именно такой способ воздействия и будет предметом рассмотрения. Ресурсом манипулирования может стать любое когнитивное, семиотическое, вербальное, коммуникативное явление [2; 8].

Виды имплицитной информации в рекламе

Имплицитная информация представлена в сообщении в скрытом виде, как бы закодирована в высказывании с помощью языковых средств. Адресат извлекает имплицитную информацию при интерпретации сообщения, но, как правило, не фокусирует на ней внимание, а часто и не осознает ее воздействия на свою картину мира. Поэтому он не склонен подвергать ее какой-либо оценке, относиться к ней критично или сомневаться в ее достоверности.

В лингвистической семантике, логике, когнитивной лингвистике и теории коммуникации выделяется несколько видов имплицитной, извлекаемой из контекста информации в слове, высказывании и тексте в целом.

Важнейший из них – *пресуппозиции* слова и высказывания, т. е. те фоновые аспекты содержания высказывания, которые априори принимаются как истинные, обеспечивают правильное понимание высказывания и составляют

сумму исходных сведений осмысленного высказывания. Часто в рекламе пресуппозиции подменяются. Это и есть суть манипуляции.

Опущенные в контекст в силу их очевидности *посылки или выводы умозаключений* – еще один вид имплицитной информации. Они редко попадают в фокус внимания лингвистов, но хорошо изучены в формальной логике и литературном редактировании [5; 10].

Для иллюстрации названных явлений сравним два сообщения: «*Граждане, храните деньги в сберегательной кассе!*» и «*Есть колбаса, а есть колбаса «Царицынская»*». Оба содержат призыв покупать товар. Только первое делает это прямо, эксплицитно, не содержит информацию о конкурентах и содержит только истинные в условиях СССР пресуппозиции существования сберкасс, денег и возможности их помещения на вклады. А во втором призыв покупать «Царицынскую» и суждение, что все остальные колбасы хуже, следуют как очевидные, не нуждающиеся в экспликации выводы из ложной, подмененной пресуппозиции, что «*Царицынская*» – *лучшая колбаса*.

Подразумеваемые, опущенные в контекст посылки и выводы умозаключений, упомянутые выше, видимо, можно рассматривать как частную разновидность *имплицитур дискурса* [3; 4]. Под имплицатурами дискурса понимают умозаключения, которые делает адресат высказывания, опираясь на максимы (правила) речевого общения, сведения, извлекаемые из коммуникативной ситуации и лингвокультуры в целом. Суть имплицатуры в следующем: информация рекламы должна иметь хоть косвенное отношение к товару, как в рекламе жевательной резинки Stimorol Ice: «*Ice? – He Ice. – Ice? – Ice! Отрывайс!*», – иначе нет никакой разумной причины, почему автор основывает на имплицатуре сообщение.

Имплицатуры – это способ хранения информации в языковом сознании, и как один из их видов могут быть рассмотрены *прецедентные феномены*: имена, ситуации, тексты, высказывания [6]. Свойства прецедентов, такие как общеизвестность и инвариантность истолкования в национально-лингвокультурном сообществе, актуальность в когнитивном: познавательном и эмоциональном плане, частотность употребления, делают их чрезвычайно емким хранилищем имплицитной информации. Суть в том, чтобы прецедент правильно прочитывался и порождал нужные ассоциации. Примером может быть реклама йогурта «Даниссимо»: «*Когда завтрак был давно, а обед нескоро, появляется легкий голод. Лучший способ справиться с ним – вовремя вспомнить, что есть «Даниссимо»*». Почти повторяя начало мультфильма «Винни Пух и все-все-все»: «*Когда завтрак уже давно кончился, а обед еще и не думал начинаться...*», прецедентная фраза связывает товар с любимым текстом, порождает приятную ностальгию о детстве и ненавязчиво подсказывает, чем перекусить.

Точно так же преимущественно имплицитно представлены в текстах рекламы и другие единицы языкового сознания – *архетипы* и *стереотипы*. *Стереотип* – это относительно устойчивое, упрощенное и обобщенное представление человека, а чаще социальной группы или общества, о каком-либо явлении действительности. Стереотипы выполняют функции схематизации, обобщения и упрощения знаний о действительности, формирования и хранения групповой идеологии и т. д. Но при этом они достаточно инерционны (раз-

рушать стереотип бесполезно, продуктивнее при необходимости вытеснить его созданием нового). Все эти свойства используются в стратегии манипулирования потребителем в коммерческой рекламе. В качестве иллюстрации мимикрии стереотипа под ситуацию приведем рекламную стратегию марки колбасы «Мортадель». Это французское слово появилось в начале 1990-х гг., когда в обществе существовал устойчивый стереотип советского прошлого, что качественными могут быть только импортные товары. Довольно скоро стало ясно, что российские продукты лучше. В связи с этим появился слоган: «*Мортадель*», слово французское, а колбаса-то русская!» На том же стереотипе основано массовое распространение слова ГОСТ, написанного крупным рекламным шрифтом на этикетках самых разных продуктов. Причем ГОСТ, скорее всего, современный (поскольку стандарты обновляются со временем), но апеллирует это слово к ядерной зоне стереотипа – советскому ГОСТу.

Другой распространенный современный стереотип – «Любая коммерческая услуга – это завышение цены и обман потребителя». Именно на нем построена реклама оператора сотовой связи Tele 2: «*Быть как все нам неинтересно. Мы дешевле. Честно*» или «*Tele 2 GSM. Всегда дешевле*». Перед нами сравнение с крупнейшими компаниями мобильной связи: «МТС», «Билайн», «Мегафон» и т. д., которые не названы, но всем известны и поэтому подразумеваются.

Манипулятивные возможности *излишнего обобщения как свойства стереотипа* иллюстрирует реклама зубной пасты «Новый жемчуг»: «*Гордая улыбка. Мечтательная улыбка. Задорная улыбка. Счастливая улыбка. Секрет наших улыбок – «Новый жемчуг», зубная паста, которой в России пользуется каждый третий*». А действительно ли «каждый третий» пользуется этой пастой? Потребитель не станет этого проверять, для многих фразы «*каждый третий*», «*все*», «*п-е число раз*», «*номер один*» – это некий гарант качества.

Архетип – структурная единица коллективного бессознательного, которая направляет психические процессы. В своей теории К. Юнг использовал символы, которые являются отражением архетипов (образы героев, которые встречаются в мифах, преданиях, образы сюжетов, встречающиеся в преданиях, сказках). В рекламных сообщениях тоже часто используют архетипы, расшифровать которые помогает культурный код. Культурный код направляет интерпретацию глубинных смыслов, знаков, символов, норм, текстов, ритуалов и т. д. Код обеспечивает взаимосвязь между знаком и значением, помогает перевести мир номинаций в мир смыслов [6; 12]. Но в рекламе он часто вульгаризируется и сводится к экспликации внешних сторон красивой жизни. Все рекламисты как будто говорят: «Наш автомобиль / тушь / крем и т. п. – это маркер успеха, красивой и роскошной жизни. Покупая этот автомобиль / тушь / крем, вы начинаете жить другой жизнью». В качестве примера можно взять практически любой ролик, рекламирующий автомобили или косметику.

Реклама автомобилей рассчитана на мужскую аудиторию, архетип мужественности и успеха (во многом навязанный рекламой же) для нее – комфортная дорогая жизнь, обеспеченная всяческими модными гаджетами, престижный автомобиль как продолжение самого мужчины, дорогие путешествия и как их

атрибут сексуальные блондинки в салоне. Вот некоторые слоганы, которые актуализируют одну или несколько граней архетипа: «*Бесконечно потрясающий прогресс*» (Nissan Teana), «*Первоклассный бизнес-класс*» (Toyota Camry), «*Сила соблазна. Разве что-то способно тебя остановить?*» (Renault Clio), «*Символ вашего превосходства*» (Ford Excursion), «*BMW – с удовольствием за рулем*», «*Volkswagen Jetta. Вкладывайте в комфорт*». Все это сочетается с динамичным и стильным видеорядом: красавицами в салоне, прекрасными пейзажами, подчеркнутым стильным дизайном салонов и подобными атрибутами маскулинности.

Реклама косметики – женская. Соответственно актуализируется и другой архетип-мечта – стильной стройной длинноногой красавицы с большими глазами, длинными (иногда *до небес*) ресницами, когда рекламируется тушь: «*L’Oreal – Вы этого достойны*», «*Все в восторге от тебя, а ты от Maybelline*». У этой красотки прекрасная кожа, которую от неизбежного увядания защитит очередной крем – *эксперт в игрек-зоне / эксперт для век / противокуперозный* (по-русски – от угрей) *крем-эксперт* и т. д. И стиль, и красота создаются косметикой, конкретно рекламируемым товаром.

Наконец, имплицитным источником манипулирования потребителем становятся *процессы аргументации*. При этом используются как аргументы к разуму (факты, статистика, ссылки на авторитеты), так и апелляция к эмоционально-волевой сфере, к человеку. Но применяется эта аргументация принципиально по-разному.

Манипуляция с логическими аргументами выглядит как аргумент к разуму, а на деле оказывается апелляцией к человеку. То есть эмоциональные доводы представляются под видом рациональных. По сути, мы имеем дело с разновидностью подмены, только подменяются не понятия (подмена понятий известна в формальной логике и риторике как логическая ошибка / уловка), а суждения – рациональные, сформулированные как ассерция, на эмоциональные, подразумеваемые или просто фактически ложные. Классификация подобных аргументов дается в книге Ю. К. Пироговой «К типологии ложных умозаключений в рекламном дискурсе» [8].

Для иллюстрации обратимся к двум роликам, рекламирующим мыла Dove. В них молодая красивая женщина рассказывает о том, как обычное мыло сушит кожу и о своих причинах выбора мыла Dove. В первом ролике так: «*Мыло сушит кожу. Но Dove – не мыло. Dove на четверть состоит из увлажняющего крема*». «Dove – не мыло» – это подмененное суждение: в любом случае Dove – мыло, в которое добавили увлажняющий крем, следовательно, под вопросом и вывод, что оно не сушит кожу.

В логической основе второго ролика такая же подмена: «*Dove отличается от обычного мыла, он на четверть состоит из увлажняющего крема. Dove не сушит вашу кожу, в отличие от обычного мыла*». Суждение «отличие от другого мыла» подразумевает вывод – *мыло сушит кожу*, анализ которого показывает его недостоверность, сомнительность.

Допустим, что потребитель поверил в то, что благодаря увлажняющему крему мыло стало особенным, и уже готов сделать покупку. Однако стоит

вспомнить, что увлажняющий крем, как правило, почти полностью состоит из глицерина, а глицерин также используется во всех видах мыла. Так чем же тогда отличается Dove от обычного мыла? По существу ничем. Но домохозяйка, на которую рассчитана эта реклама, не будет разбираться в составе товара, а, сказав про себя *«Как здорово! Наконец-то!»*, его купит.

Психологические мишени рекламы: о них не говорят, но их подразумевают. Аргументы к человеку апеллируют не к делу, а к участникам общения, строятся на базовых человеческих потребностях, и в рекламе коррелируют с психологической теорией мотиваций А. Маслоу [7]. Теория признается не во всем и не всеми, но активно используется в рекламе, которая апеллирует к простым базовым потребностям. Например, реклама шоколадных батончиков Snickers и газированной воды Sprite содержит следующие слоганы: *«Ты – не ты, когда голоден! Перекуси – сникерсни!»*, *«У жажды нет шансов! Не дай себе засохнуть!»* Поскольку проблема «перекуса» чаще всего относится к молодежи, создатели рекламы как бы пытаются говорить с аудиторией на «ее языке».

Считается, что целью манипулирования является навязывание определенного образа мыслей. И это воздействие нередко направлено на эмоции и социальные инстинкты, связанные с потребностью социальной идентификации, общественного признания. Для человека важно занимать в обществе определенную позицию, он хочет быть оцененным по достоинству и уважаемым. Это прекрасно понимают создатели рекламы в сфере красоты, которые создают рекламные ролики, апеллирующие к тщеславию, прибегая при этом к лести. И хотя эта уловка легко обнаруживается, она в совокупности с другими методами манипулирования оказывается весьма эффективной: *«Как сделать жизнь ваших волос блестящей? С Wella Vitality ваши волосы, как и вы, полны жизни. Разве вы и ваши волосы не должны чувствовать себя одинаково хорошо?»* Вот так, апеллируя к тщеславию, обещают потребителю блестящую жизнь.

Реклама многих лекарственных препаратов, бытовой техники, парфюмерии использует *запугивание*. Аргументы к страху создаются и речевыми, и языковыми средствами. Достаточно яркий пример аргументации к страху – это реклама средства для стиральных машин Calgon: *«Жесткая вода безжалостно разрушает вашу стиральную машину изнутри, и каждая вторая семья находится в зоне риска. Не ждите, когда это случится с вами. Добавляйте эффективное средство Calgon при каждой стирке, и он надежно защитит вашу машину от накипи, приводящей к поломкам».*

Страх – эмоция сильная, и рекламисты прекрасно это знают. Поэтому в рекламных роликах мишенью страха делают самые важные потребности: здоровье свое и близких, благополучие семьи, безопасность. Например, в рекламе лекарства «Де-нол» угрожают бактерией Хеликобактер пилори: *«С близкими мы чувствуем себя в безопасности, не подозревая, что причина гастрита и язвы, бактерия Хеликобактер пилори, может передаваться в привычных ситуациях».* Для убедительности авторы рекламы используют сложную медицинскую терминологию, чтобы окончательно «научно» обосновать пользу лекарства «Де-нол».

Создатели рекламы моющего средства для туалета Domestos тоже построили свой ролик на угрозах: *«Микробы в ванной угрожают здоровью вашей*

семьи». Кроме того, в «аргументах к страху» достаточно часто используются языковые формулы, типа «не ждите, пока», «а вы знали, что», «вы когда-нибудь слышали», «что может быть хуже, чем» и подобные. Такие языковые формулы упрощают ситуацию.

Отдельное внимание хотелось бы уделить аргументам к ностальгии. Такая реклама, как правило, адресована людям 35+. В последнее время рекламисты и производители товаров в России апеллируют к образу СССР. Несколько выше примеры такой рекламы были рассмотрены как апелляция к стереотипам. Но стереотип «раньше было лучше» порождает ностальгию по СССР, которая становится мишенью коммерческого нейминга и рекламы.

Например, не так давно появились творожные сырки «Советские традиции», мороженое «48 копеек» (в СССР был пломбир такого же размера, который стоил 48 копеек), эскиммо такой же формы, размера и в такой же, как в советские времена, упаковке. С помощью языковых формул «вкус детства», «как в детстве», «как раньше», «как сто лет назад» создается эффект дежа вю: «Любимый вкус детства в новой упаковке!» (Молоко из Рогачева), «Чистая линия» – это настоящее мороженое, сделанное из свежих сливок и молока, как из детства!»

Конечно, некоторые приемы в рекламе девальвируются и превращаются в клише, которые уже не вызывают никакого доверия у потребителей. Тем не менее, на смену одним приемам манипулирования придут другие: возможности языка и коммуникации неисчерпаемы [11]. Противостоять таким манипулятивным приемам человек может, лишь осознав, в чем их суть и специфика.

1. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. – 376 с.
2. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. – С. 17–33.
3. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
4. Кобозева И.М. Лингво-прагматический аспект анализа языка СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2003. – С. 100–115.
5. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. – 721 с.
6. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
7. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2008. – 352 с. // www.bim-bad.ru/docs/maslow_motivation_and_personality.pdf.
8. Пирогова Ю.К. Рекламный текст: семиотика и лингвистика / под ред. Ю.К. Пироговой, П.Б. Паршина. М.: Издательский дом Гребенникова, 2000. – 268 с.
9. Репьев А.П. Рекламодателю о рекламе. М.: Изд-во Междунар. ин-та рекламы, 2001. – 250 с.
10. Свинцов В.И. Смысловой анализ и обработка текста. М.: Книга, 1972. – 272 с.
11. Сурикова Т.И. Этические проблемы языка массовых коммуника-

ций: молодежные СМИ, политическая и потребительская реклама. М.: Вестник Московского университета, 2004. – С. 84–98.

12. Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. – 182 с.

References

1. Dement'ev V.V. Nepryamaya kommunikaciya. M.: Gnozis, 2006. – 376 с.
2. Dem'yankov V.Z. Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost' interpretiruyushhego podxoda // Voprosy yazykoznaniya. 1994. № 4. – S. 17–33.
3. Kobozeva I.M. Lingvisticheskaya semantika. M.: E'ditorial URSS, 2000. – 352 s.
4. Kobozeva I.M. Lingvo-pragmaticeskij aspekt analiza yazyka SMI // Yazyk SMI kak ob"ekt mezhdisciplinarnogo issledovaniya. – M.: Izd-vo Mosk. gos. un-ta, 2003. – S. 100–115.
5. Kondakov N.I. Logicheskij slovar'-spravochnik. M.: Nauka, 1975. – 721 s.
6. Krasnyx V.V. «Svoj» среди «chuzhix»: mif ili real'nost'? M.: Gnozis, 2003. – 375 s.
7. Maslou A. Motivaciya i lichnost'. SPb.: Piter, 2008. – 352 s. // www.bimbad.ru/docs/maslou_motivation_and_personality.pdf.
8. Pirogova Yu.K. Reklamnyj tekst: semiotika i lingvistika / pod red. Yu.K. Pirogovej, P.B. Parshina. M.: Izdatel'skij dom Grebennikova, 2000. – 268 s.
9. Rep'ev A.P. Reklamodatelju o reklame. M.: Izd-vo Mezhdunar. in-ta reklamy, 2001. – 250 s.
10. Svincov V.I. Smyslovoj analiz i obrabotka teksta. M.: Kniga, 1972. – 272 s.
11. Surikova T.I. E'ticheskie problemy yazyka massovyx kommunikacij: molodezhnye SMI, politicheskaya i potrebitel'skaya reklama. M.: Vestnik Moskovskogo universiteta, 2004. – S. 84–98.
12. Sternin I.A. Metodika issledovaniya struktury koncepta // Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki. Voronezh: Voronezhskij gos. un-t, 2001. – 182 s.

UDC 81.33+343.98

DOI 10.17506/dipi.2018.33.4.199207

IMPLICIT INFORMATION IN COMMERCIAL ADVERTISING AS A RESOURCE OF STRATEGY OF MANIPULATING THE CONSUMER

Pile Irina Alekseevna,

Lomonosov Moscow State University,
Faculty of Journalism,
Master Student,
Moscow, Russia,
E-mail: i.kitaeva@inbox.ru

Surikova Tatiana Ivanovna,

Lomonosov Moscow State University,
Faculty of Journalism,
Department of Stylistics of the Russian Language,
Candidate of Philology, Docent,
Moscow, Russia,
E-mail: surikova_t@mail.ru

Annotation

The article is devoted to analysis of implicit resources of manipulation strategy in commercial advertising, and an impact is considered both on the emotional and rational spheres of recipient's consciousness. Basic tactics are considered by examples of commercial advertising. Special attention is paid to linguistic, semiotic, cognitive, and psychological resources.

Key concepts:

manipulation, commercial advertising, implicit information.

УДК 29+2

DOI 10.17506/dipi.2018.33.4.208216

СТРАТЕГИИ «ДУХОВНОГО» ПОИСКА ЖЕНЩИН (по материалам эмпирического исследования стратегий женщин, посещавших тренинги спиритуальных центров)*

Кузнецова Олеся Васильевна,

Уральский федеральный университет,
кафедра онтологии и теории познания,
старший преподаватель,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: olesyakzn@ya.ru

Смолина Наталья Сергеевна,

Уральский федеральный университет,
кафедра социальной работы,
кандидат философских наук, доцент,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: smolina-n@yandex.ru

Аннотация

Центральной проблемой статьи является выявление, описание и анализ стратегий «духовного» поиска среди современных российских женщин. Для изучения проблемы использована качественная методология, интерпретация смысловых конструкций выявлена в рамках кодирования. В результате выявлена природа состояний и ситуаций, являющихся начальной точкой духовного поиска, определены инструменты поиска, охарактеризована мировоззренческая картина женщины, сформированная в рамках духовного поиска.

* Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 17–33–00023–ОГН/18 «Гендерные и религиозные аспекты идентичности российских женщин в рамках спиритуально-коммерческого движения».

Ключевые понятия:

духовность, духовный поиск, спиритуальный центр, открытое кодирование, осевое кодирование.

Введение в проблему исследования

Со второй половины XX века происходят мировоззренческие изменения, в том числе выражающиеся в секуляризации религии, появлением «новой духовности». Эти изменения неизбежно влияют на стратегии и модели поведения человека, в том числе на стратегии «духовного поиска». Изменения сопровождаются и трансформацией религиозных институтов, снижением уровня доверия к ним, трансформацией гендерных моделей. Появляющиеся формы религиозности и духовности ориентированы на духовный поиск, саморазвитие, самореализацию. Происходящие изменения и трансформации нагляднее всего проявляются на женщинах, социальные роли которых в XX веке претерпевают колоссальные изменения. С исследовательской точки зрения важным становится зафиксировать происходящие изменения, выявить стратегии поиска новой духовности.

Концептуалогические основания исследования

Понятие «духовность» (spirituality, спиритуальность) не случайно становится столь востребованным и дискуссионным с 70-х гг. XX века в западном религиоведении. По существу, понятие «духовность», как и некоторые другие понятия религиоведения второй половины XX – начала XXI века, призваны преодолеть жесткие границы категорий, свойственных раннему религиоведению, уйти от таких дихотомий, как: «профанное/сакральное», «сакральное/секулярное», «повседневное/священное» и др., а также отразить перемены в религиозной и секулярной сфере в отношении к трансцендентному в XX веке. В науке о религии на место некогда более или менее конвенционального понятия «религия» приходят понятия, отражающие неоднозначность и текучесть отношения человека к религии и к секулярному в существующем мире, к самим способам бытия этих явлений. Возникают такие понятия, как «религиозность», «духовность», «живая религия», «внеинституциональная религия», «вера без принадлежности» и др. Отметим, что сам концепт «религия» зачастую воспринимается в современном западном религиоведении как исключительно западноевропейский вариант дискурса, как ангажированное идеологическое понятие, как несуществующее явление, и подвергается критике со стороны исследователей, усвоивших идеи постмодернизма [3].

Как сторонники, так и противники новых понятий в религиоведении отмечают изменения в стратегиях обращения человека XX века к трансцендентному/сверхъестественному, в стратегиях поиска ответов на экзистенциальные вопросы. Все чаще эти вопросы решаются в рамках представлений о духовности, которая наделяется следующими сущностными чертами: 1) индивидуализм, предлагающий стратегию личного поиска; 2) опора на собственный опыт как главный критерий истины; 3) вера в высшую силу; 4) прагматизм в духовных поисках,

нацеленных на жизнь здесь-и-сейчас; 5) неприятие догматизма, критика религиозной бюрократии и религии; 6) возможность сочетания в одной целостности крайних позиций, холизм; 7) эклектизм традиций. Организационная составляющая духовности в большинстве случаев предстает в виде сети кратковременных клубных сообществ.

Постановка проблемы

Явление духовности достаточно изучено на Западе, присутствуют работы, посвященные взаимосвязи гендерной и духовной тем, причинам популярности духовности среди женщин, взаимному влиянию феминизма и духовности [2; 4; 5]. В современной России работ, посвященных проявлениям духовности, почти нет. В качестве основной проблемы предлагаем проанализировать сам процесс стратегического духовного поиска определенных социальных субъектов.

Методология и методы

Для решения поставленных вопросов нами было проведено качественное исследование, направленное на изучение стратегий и практик духовного поиска современных российских женщин, проживающих в крупном городе (Санкт-Петербург, Екатеринбург). Важно отметить, что исследование проводилось в условиях трансформации институтов религии, переоценки гендерных моделей, стратегий обретения религиозности в традиционных религиях.

Эмпирической базой стали 10 полуструктурированных интервью с женщинами, проведенных летом 2018 г. Возраст информантов – от 23 до 59 лет.

Методика построения выборки осуществлялась по методу снежного кома. Присутствовали также элементы квотной выборки: выбирались женщины, имеющие разный уровень образования (высшее, среднее специальное), проживающие в разных городах (как в региональных центрах: Санкт-Петербург, Екатеринбург, так и в областных: Подмосковье), имеющие различный семейный статус (замужние, разведенные, не состоящие в отношениях, имеющие и не имеющие детей). Такая выборка должна была способствовать выявлению универсальных стратегий, не зависящих от таких переменных, как образование, место проживания, семейный статус, наличие или отсутствие детей. Обработка транскриптов интервью проводилась с помощью открытого и осевого кодирования [1]. Затем осуществлялась интерпретация смысловых конструкций, выявленных в рамках кодирования.

Обсуждение

А. «Исходная точка движения»: с чего начинается «духовный» поиск женщин?

Общим местом для каждой информантки в изучаемой совокупности было осознание точки или момента, с которого начинается «духовный» поиск. Оговоримся, что «духовным» мы его будем называть вслед за нашими информантами, которые, безусловно, наделяют понятия «духовность», «духовный»

разными коннотативными значениями. Но для нас было важно, что все женщины признают, что в определенный момент жизни для них начинается путь движения к чему-то. Цели женщин разные, потому что каждая из информанток начинает это движение в определенном состоянии и в определенной ситуации. Разные цели фундируют и разные результаты, о чем речь пойдет ниже. С исследовательской точки зрения, полученные представления женщин об «исходной» точке движения позволяют оценить, насколько в данных стратегиях можно говорить о «новой духовности», «духовных практиках».

Условно «исходную точку» движения можно интерпретировать в следующих категориях:

– **Жизненная ситуация.** Ситуация может каким-то образом оцениваться женщиной, например как *«немного тяжелая»* (здесь и далее слова информанток выделены курсивом), либо идентифицироваться как проблемная, требующая разрешения: *«неудачные отношения», «зацепки», «загоны», «проблема с родителями, учебой, молодым человеком», «после развода», «нелады с семьей, ссоры с родителями», «искала помощи»* и др.

– **Жизненные импульсы, желания.** В данном случае на первый план выходит не сама проблема, в том числе ситуация как первопричина, а определенное желание, связанное с этой ситуацией или проблемой. В некоторых случаях желание осознается и конкретно называется женщиной: *«мне было важно разобраться», «спокойно относиться к проблеме», «хотелось новых отношений».* В отдельных случаях желание, импульс идет от недостатка, нехватки чего-то: *«не знаю, как с людьми взаимодействовать», «не было знания, как жить», «не было объективных психологических знаний».*

– **Внутреннее состояние.** Эта категория частично связана с ситуацией, поскольку в некоторых случаях информантки не только называют ситуацию, но и характеризуют свое состояние в этой ситуации. По большей части, состояние описывается через какие-то психологические характеристики, психологические проблемы или психические состояния: *«комплексы», «кризис», «неудовлетворенность», «внутренние проблемы», «внутренняя рефлексия», «поиск себя», «нестабильность».* Одновременно это внутреннее состояние может быть ориентировано на путь, на процесс: *«интерес», «настрой целенаправленности», «большая настроенность», «намерение».*

– **Социальные рамки.** В меньшей степени «исходная точка» детерминирована социальностью. По крайней мере, информантками социальные аспекты самого исходного состояния проговариваются реже: здесь всплывают следующие смысловые конструкции – *«стереотипы», «стереотипы о предназначении, жизненных стратегиях», «модно», «состояние полузащиты от социума».* Отметим, что большая часть изучаемой совокупности информанток высказываются по поводу существующих гендерных моделей и по поводу распространенных в обществе возможных вариантов предназначения женщины.

Для преодоления сложной ситуации, состояния или удовлетворения возникающего желания женщины начинают своего рода движение по пути «духовного» поиска. Большей частью информанток это движение осознается в категории «Путь». Более того, некоторые информантки выделяют для себя этапы пути, движения. Поиск, по сути, протекает в формате обретения какого-то знания. Поэтому здесь возникают различные стратегии обретения этого знания.

Б. Социальный контекст «духовного» поиска: гендерные роли и предназначение женщины

Здесь можно выделить два пласта смысловых конструкций. Во-первых, **«социальное» как некая модель «должного»**, довлеющая над каждой современной женщиной: *«нам навязывают очень много шаблонов»*. Одна информантка отмечает *«давление социума»*. В отдельных случаях женщина прямо указывает на источник давления: *«Социум мне не указ... навязано обществом, окружением, родителями, супругом или кем-то еще или даже вот кружком по интересам»*.

Из существующих социальных ролей женщины чаще всего называют роль жены, которая воспринимается как обязательный элемент социально навязываемой модели предназначения женщины: *«если женщина не вышла замуж, то она никто, ничего собой не представляет, беденькая, несчастная, жизнь не удалась»*. При этом информантки признают, что социальные роли поменялись, но, тем не менее, женские роли все так же их *«не устраивают»*: *«очень важно не закрутиться и не жить ради функции, понимать, где ты и что здесь делаешь»*.

В некоторых случаях информантки выбирают или аргументируют, какими стратегиями можно минимизировать это давление. Здесь можно выделить две стратегии: **«преодоление»** и **«сопротивление»**. Стратегия «преодоление» – это более мягкая стратегия действий, не предполагающая каких-то активных противоположающих действий: *«нужен путь, процесс»*. Стратегия «сопротивление» предполагает вступление в активные конфронтационные действия. Обе стратегии, на наш взгляд, основаны на осознании существующих стереотипов, социальных барьеров для женщин и социального давления: *«женское воспринимается как низкое, недостойное»*.

«Социальное» как «желаемое» – это пространство свободы, не предполагающее какого-то давления или детерминации, оно, в том числе, освобождено от долженствования для женщин. Например, информантки заявляют: *«Рамки нельзя, рамок нет»*; *«Женщина никому не должна какой-то быть. Женщина должна только себе. Быть именно такой, какой она сама хочет»*. В этом ключе путь, процесс, в рамках которого женщины начинают движение, способствует воплощению желаемой модели «социального». Однако напрямую информантками это не проговаривается: *«Женственность – возвращение к себе, сделать себя наполненной, обрести внутреннюю целостность»*.

Еще один важный пласт смысловых конструкций, объясняющих социальные рамки, в которых протекает «духовный» поиск, – это представления о мужчинах. Здесь можно выделить несколько аспектов:

– **«Природа» мужчин** в сопоставлении с женской природой: информантки очень четко дифференцируют «женское» и «мужское». На выделении отличий, инаковости фундированы представления о самой женщине: *«у него другое тело»*, мужчина *«не может чувствовать так, как это чувствует женщина»*, *«мы вообще с ними разные существа»*. В редких случаях для обоснования инаковости используется модель крайних противоположностей инь/ян из китайской философии, при этом мужчина характеризуются наличием *«сильной янской энергии»*.

– **Модели поведения мужчин**: в этом вопросе наши информантки были более или менее единодушны, показывая ориентированность мужчин на социальный успех, на достижение социально одобряемых результатов: *«мужчина – это*

цель, он направленный как стрела», «тратит время на работу и зарабатывание денег», «у мужчины на первом месте работа, его место, его заработок», «общество в России патриархальное», «мужчинам более свойственно соревновательное отношение к жизни», «живет себе и хорошо. Не нагулялся мальчик, пусть гуляет дальше». Эти же смысловые конструкции позволяют обосновать меньшее, чем у женщин, присутствие в жизни мужчин «духовного» поиска. Здесь можно упомянуть следующие характерные высказывания относительно истоков такого положения дел: «не позволено увлекаться спиритуальным», «мужчины более замкнутые», «не проявляют свой интерес и им сложнее зайти», «мужики более пассивные», «мужики видимо боятся или что-то еще», «мужчин устраивает все так, как есть».

В. «Инструменты» духовного поиска

Важным вопросом в нашем исследовании был вопрос о возможных способах и ресурсах для осуществления духовного поиска. Нам удалось выявить несколько групп «инструментов», используемых женщиной для духовного поиска.

Во-первых, очень часто движение на пути поиска начинается с **самостоятельного** обучения, позволяющего «*вникнуть, прочитать, освоить, развить*». В этой стратегии женщина в основном использует «духовную» литературу (например, одна из информанток упомянула, что ее путь начался с прочтения книги М.С. Норбекова «Опыт дурака или путь прозрения»). Помимо книг это могут быть статьи, опубликованные на сайте мастеров, тренеров спиритуально-коммерческого движения, или тексты на сайтах спиритуальных центров. Одним из доминирующих источников в этой стратегии выступают аудио- или видеозаписи тренингов, мастер-классов, лекций, семинаров конкретных мастеров и тренеров. Здесь мы наблюдали сосредоточение на конкретном авторе или тренинге или переход от одного к другому (своего рода поиск «*того, что бы подошло*»).

Самая распространенная стратегия – это **использование активных инструментов**: посещение мастер-классов, семинаров, тренингов, участие в медитациях, в ритуалах, о которых женщина могла узнать как самостоятельно из литературы, так и из участия или прослушивания семинаров, тренингов, мастер-классов. Менее распространена **стратегия использования интерактивных инструментов** или участие в онлайн-формате семинаров, тренингов. Но с учетом коммерческого аспекта спиритуального движения и распространения онлайн-формата в обучении эта стратегия, на наш взгляд, будет со временем становиться все более распространенной.

Г. «Спиритуальное» содержание процесса

Сам процесс духовного поиска описывается нашими информантками через ряд «духовных» категорий. Именно в этом проявляется спиритуальный аспект «духовного поиска». В других вопросах мы видим очень жесткую жизненную прагматику: осознание желания, проблемы, поиск способов разрешения этой проблемы, выбор способов, которые соответствуют интересам или потребностям, отказ, в том числе от дорогостоящих способов и т. д. Отметим, что содержательно процесс наполнен определенной работой с «*энергией*» женщины: происходит

«прокачка энергии», «проработка тела», «проработка физики», «энергетическая прокачка». Женщина учится «выстраивать тело», «сконцентрироваться на нужном», «управлять энергиями», «работать над собой», «прочувствовать», «успокоить свой ум», «развивать свое сознание», «развивая сознание, становиться более духовной».

Д. «Проживание» женщиной духовного поиска

Так как женщина мыслит свой духовный поиск в категориях Пути, процесса, важным моментом здесь становится описание женщиной проживаемых ощущений. Во-первых, значительная часть ощущений связана с переживанием самого процесса и усилиями, которые при этом приходится прикладывать. Отсюда возникают смысловые конструкции, типа: *«долгая работа», «путь духовности», «духовный путь»*. Во-вторых, часть ощущений связана с открытиями или откровениями, озарениями, к которым женщина приходит. Чаще всего, это внезапное или скоротечное ощущение: *«щелкнуло», «сковородкой по голове треснуло»*. Но не это внезапное озарение или откровение позволяет достичь результата. Для получения результата нужна долгая кропотливая работа, в ходе которой женщина могла бы *«напитывать свой разум», «созреть как душа»*.

Е. Результаты, обретаемые в процессе «духовного поиска»

Духовный поиск мыслится как длящийся процесс, как бесконечное движение. Соответственно, речь может идти об определенных промежуточных результатах. Информантки определенным образом смогли отрефлексировать и описать результаты достигнутого.

Во-первых, «что-то» полученное сопоставляется с исходной точкой (проблемой, ситуацией, состоянием), насколько полученное способствует некоему разрешению или преодолению. Это «что-то» описывается в категориях *«эффект», «результат», «решение задачи», «эффективность», «смогла найти какие-то плюсы в этом»*.

Во-вторых, информантки отмечают определенные психологические эффекты: *«подъем сил», «эмоциональный подъем», «воодушевление», «стабильность в эмоциональном плане», «открытость», «психологическое расслабление», «баланс», «уверенность», «спокойней становлюсь», «покой и ощущение гармонии»*. Эти смысловые конструкции доминируют в описании достигнутого.

В-третьих, значительная часть результатов связана с желанием женщины контролировать и управлять будущим, то есть выстраивать жизнь так, как ей хочется, избегать фактора случайности и внезапности. Здесь информанты отмечают важность умения *«ситуацию вырывать»*.

Заключение

Духовный поиск женщины начинается из определенного состояния, ситуации или проблемы. Они, как правило, имеют психологический характер, описываются через психологические термины, психические состояния. Большинство женщин очень четко представляет свое состояние. В некоторых случаях это состояние

позволяет сформулировать конкретное желание, запрос, с которого начинается духовный поиск. Состояние или проблемная ситуация приводит к некоему поиску, в рамках которого и выбираются способы преодоления ситуации, разрешения проблемы. Но если в начальной точке движения преобладает психологический аспект, то в выбираемых способах и инструментах духовного поиска начинает доминировать «новая духовность», для которой характерны своеобразные духовные практики. Использование такого специфического инструмента, как правило, приводит к трансформации мировоззренческих взглядов: сама женщина, окружающий мир начинают мыслиться в категориях энергии, работы с энергией. Изначальный прагматический посыл под воздействием мировоззренческих изменений трансформируется в направленность на поиск гармонии, духовности, внутренней целостности. Одновременно выбранные стратегии и применяемые практики «работают» на повышение витальности и жизнестойкости. Жизнь в рамках витализма мыслится как наполненная особыми сверхъестественными субстанциями (энергии, инь/ян), которые влияют на жизненные ситуации и на жизнь в целом.

Духовный поиск становится для женщины единственно доступным способом контроля над жизнью. Стремление к контролю и управлению появляется из-за ощущения нестабильности, изменчивости, зыбкости, неудовлетворенности жизненными ситуациями или состояниями. В процессе духовного поиска внутреннее Я женщины становится якорем и источником стабильности в зыбком мире, критерием истинности. Сама картина внутреннего мира сакрализуется.

1. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М.: Эдиториал УРСС. 2001. 256 с.
2. Aune K. Feminist spirituality as lived religion: How UK feminists forge religio-spiritual lives // *Gender & Society*. 2015. Vol. 29 (1). P. 122–145.
3. Dubussion D. *The Western Construction of Religion: Myths, Knowledge, and Ideology*. Baltimore. 2003. 260 p.
4. King U. Spirituality and Gender Viewed through a Global Lens // *Religion, Spirituality and the Social Sciences: Challenging Marginalization* / ed. by B. Spalek, A. Imtoul. Bodmin: The Policy Press, 2008. P. 121–128.
5. Woodhead L. Women and Religion // *Religions in the Modern World* / ed. by L. Woodhead, C. Partridge, H. Kawanami. Taylor & Francis, 2005. P. 181–198.

References

1. Strauss A., Korbin Dzh. *Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaya teoriya, procedury i tehniki*. M.: E'ditorial URSS. 2001. 256 s.
2. Aune K. Feminist spirituality as lived religion: How UK feminists forge religio-spiritual lives // *Gender & Society*. 2015. Vol. 29 (1). P. 122–145.
3. Dubussion D. *The Western Construction of Religion: Myths, Knowledge, and Ideology*. Baltimore. 2003. 260 p.
4. King U. Spirituality and Gender Viewed through a Global Lens // *Religion, Spirituality and the Social Sciences: Challenging Marginalization* / ed. by B. Spalek, A. Imtoul. Bodmin: The Policy Press, 2008. P. 121–128.
5. Woodhead L. Women and Religion // *Religions in the Modern World* / ed. by L. Woodhead, C. Partridge, H. Kawanami. Taylor & Francis, 2005. P. 181–198.

UDC 29+2

DOI 10.17506/dipi.2018.33.4.208216

STRATEGIES OF THE "SPIRITUAL" SEARCH OF WOMEN (Based On Empirical Study of the Strategies of Women Attending Trainings at Spiritual Centers)

Kuznetsova Olesya Vasilyevna,

Ural Federal University,
Department of Philosophy,
Senior Lecturer,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: olesyakzn@ya.ru

Smolina Natalya Sergeevna,

Ural Federal University,
Department of Political Science and Sociology,
Assistant Professor,
Candidate of Philosophical Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: smolina-n@yandex.ru

Annotation

The central problem of the article is the identification, description and analysis of the strategies of "spiritual" search among modern Russian women. In the study of this problem, qualitative methodology was used, interpretation of semantic structures was revealed within the framework of coding. As a result, is revealed the nature of the states and situations that are the starting point of the spiritual search, the search tools are defined, the ideological picture of the woman characterized as part of the spiritual search is characterized.

Key concepts:

spirituality, spiritual quest, spiritual center, open coding, axial coding.

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

- 1) Статья должна быть направлена в редакцию по электронной почте. Формат файла – документ Microsoft Word 97–2010 (DOC или DOCX) или RTF.
- 2) Первая (титульная) страница должна содержать (на русском и английском языках):
 - название статьи;
 - фамилию, имя, отчество (полностью) каждого автора с указанием организации, должности, ученой степени и звания, города (места расположения) организации;
 - контактный e-mail для публикации в свободном доступе для общения читателей с авторами;
 - аннотацию (до 900 печатных знаков);
 - ключевые понятия.
- 3) Статья должна быть классифицирована – иметь УДК (указывается в левом верхнем углу над названием статьи).
- 4) Статья должна быть написана грамотным русским языком.
- 5) Объем статьи не должен превышать 20 000 знаков без учета пробелов (включая таблицы, библиографию, подрисовочные подписи, сноски). Межстрочный интервал – одинарный. Размер страниц – 210×297 мм (формат А4). Поля страниц со всех сторон – 20 мм.
- 6) Название статьи выравнивается по центру страницы и оформляется полужирным шрифтом; только первая буква в названии статьи прописная, остальные – строчные.
- 7) Текст статьи оформляется строчными буквами, без добавления переносов слов. Шрифт – Times New Roman Cyr, 14 кегль (в том числе для названия). Абзацный отступ – 1,25 см (должен быть выполнен с помощью соответствующей компьютерной программы, без использования пробелов или табуляции). Выравнивание текста – по ширине.
- 8) В тексте шрифтовые выделения должны выполняться светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки должны быть оформлены полужирным шрифтом.
- 9) Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) должны быть предоставлены отдельно от статьи. Каждая иллюстрация должна иметь порядковый номер. Электронный вариант каждой иллюстрации с подрисовочными подписями предоставляется в отдельном файле. Допустимыми являются форматы TIFF, BMP, PNG, JPEG. Минимальный размер изображения – 600 пикселей по наименьшей из сторон.
- 10) Цифровые данные должны оформляться в таблицы. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения.
- 11) Библиография должна быть приведена в конце статьи и оформлена в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Для нормативных актов указывается начальная и последняя редакция. Библиографические записи должны иметь сквозную нумерацию и следовать в алфавитном порядке. В тексте статьи ссылки на библиографические записи оформляются в квадратных скобках (например, [7], [10, с. 81], [8; 9]). За точность библиографии несет ответственность автор.
- 12) Статьи, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются. Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии. Рукописи не возвращаются.
- 13) Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».
- 14) Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в научном журнале «Дискурс-Пи» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Requirements to the Articles Submitted For Publication in the Scientific Journal «Discourse-P»

- 1) The article should be sent to the editorial office by e-mail. The file format is a Microsoft Word 97-2010 document (DOC or DOCX) or RTF.
- 2) The first (title) page should contain (in Russian and in English):
 - the article title;
 - surname, name, patronymic (in full) of each author, place of work, position, academic degree and title, city (location) of organization;
 - e-mail for publication in free access for communication between readers and authors;
 - abstract (up to 900 characters);
 - key concepts.
- 3) The article should be classified - have UDC (Universal Decimal Classification) placed in the upper left corner above the title of the article.
- 4) The article should be written in the Russian language.
- 5) The volume of the article should not exceed 20,000 characters without spaces (including tables, bibliography, captions, footnotes). Line spacing is single. The size of the pages is 210 × 297 mm (A4 format). The margins of the pages from all sides are 20 mm.
- 6) The title of the article is aligned to the center of the page and is bolded; Only the first letter in the title of the article is uppercase, the rest are lowercase.
- 7) The text of the article is written in lower case letters, without adding word wraps. Font - Times New Roman Cyr, 14 size (including for the title). Paragraph indentation - 1.25 cm (must be performed by means of the corresponding computer program, without using spaces or tabs). Align text - Width.
- 8) In the text, font selections should be made in light italics. Headings and subtitles should be in bold.
- 9) Illustrative materials (drawings, figures, graphs, charts, diagrams) should be provided separately from the article. Each illustration should be numbered. An electronic version of each illustration with captions is provided in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPEG. The minimum image size is 600 pixels on the smallest side.
- 10) Numerical data should be formatted in tables. Each table must have a sequence number and name. The numbering of the tables is continuous. Abbreviations in the tables are not allowed, except for the unit names.
- 11) References should be given at the end of the article and be done according to GOST 7.0.5-2008 «Bibliography reference. General requirements and rules». For legal acts, the initial and last revision is specified. Bibliographic records should be numbered continuously and be alphabetized. In the text of the article references to bibliographic records are made in square brackets (e.g., [7], [10, p. 81], [8; 9]). The accuracy of the bibliography is the responsibility of the author.
- 12) Articles that do not conform with the present requirements are not accepted for review and editing. The decision to publish the materials sent to the journal is taken within three months from the date of registration of the typescript in the editorial office. The articles are subject to review by the members of the editorial board. Manuscripts are not returned to the authors.
- 13) Articles are tested in the «Anti-plagiarism» system.
- 14) By presenting the typescript of the article to the editorial, the author undertakes not to publish the article without the editorial consent fully or in part in any other media prior to publication in the scientific journal «Discourse-P».

DISCOURSE-P
ДИСКУРС